

2542-1840 (PRINT)
2541-9145 (ONLINE)

ВЕСТНИК

КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

BULLETIN OF KEMEROVO STATE
UNIVERSITY. SERIES: HUMANITIES
AND SOCIAL SCIENCES

VESTNIK KEMEROVSKOGO
GOSUDARSTVENNOGO UNIVERSITETA.
SERIIA: GUMANITARNYE
I OBSHCHESTVENNYE NAUKI

ТОМ 6 № 2
2022

Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки =
Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences

Учредитель, издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет».

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; +7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-67379. Выдано Роскомнадзором.

Издается с 2017 года. Выходит 4 раза в год.

ISSN 2542-1840 (print); 2541-9145 (online).

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; +7(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 94232.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов Высшей аттестационной комиссии РФ.

Журнал включен в базы данных: Dimensions, EBSCO, ErichPlus, Scilit, РИНЦ.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Плата за публикацию не взимает. Журнал издается за счет средств Кемеровского государственного университета.

Все научные статьи, соответствующие требованиям журнала, проходят двойное слепое рецензирование (Double-blind review).

Статьи распространяются на условиях лицензии CC BY 4.0 International License.

Сведения о политике журнала, правила для авторов, архив полнотекстовых выпусков размещены на сайте издания: <https://vestnik-hss.kemsu.ru>

Founder and publisher: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kemerovo State University".

Address of the founder and publisher: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000; +7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Certificate of registration: PI no. FS 77-67379. Registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications.

Founded in 2017. Published 4 times a year.

ISSN 2542-1840 (print); 2541-9145 (online).

Editorial Office Address: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000; +7(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru

Subscription indices: 94232 – in the United catalogue "The Press of Russia".

The Bulletin is on the Russian List of Leading Peer-Reviewed Journals recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation.

The journal is registered in the following databases: Dimensions, EBSCO, ErichPlus, Scilit, RSCI.

Opinions expressed in the articles published in the Bulletin are those of their authors and may not reflect the opinion of the Editorial Board.

The Bulletin is funded by Kemerovo State University. Authors do not have to pay any article processing charge or open access publication fee.

All manuscripts undergo a double-blind review.

The articles are distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License.

For more information about our publishing politics, instructions for authors, and archives of full-text issues, please visit our website: <https://vestnik-hss.kemsu.ru>

16+

Контакты для сотрудничества / Contacts for co-operation:

Морозова Ирина Станиславовна, главный редактор (КемГУ)
Irina S. Morozova, Editor-in-Chief
ishmorozova@yandex.ru

Трезубов Егор Сергеевич, зам. главного редактора по направлению «Право» (КемГУ)
Egor S. Trezubov, Deputy Editor-in-Chief in the direction of Law
egortrezubov@mail.ru

Печёнкина Екатерина Андреевна, ответственный секретарь (КемГУ)
Ekaterina A. Pechenkina, Executive Secretary
vk-seriya@yandex.ru

Морозова Ирина Станиславовна

главный редактор, д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Irina S. Morozova, Editor-in-Chief, Dr.Sci. (Psychol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Трезубов Егор Сергеевич

зам. главного редактора, канд. юрид. наук, КемГУ (Кемерово, Россия).

Egor S. Trezubov, Deputy Editor-in-Chief, Cand.Sci. (Law), Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Редакционная коллегия / Editorial board**Абросимова Елена Антоновна**

д-р юрид. наук, доцент, МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия).

Elena A. Abrosimova, Dr.Sci. (Law), Ass. Prof., Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

Агавелян Рубен Оганесович

д-р психол. наук, проф., НГПУ (Новосибирск, Россия).

Ruben O. Agavelyan, Dr.Sci. (Psychol.), Prof., Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia).

Алмазова Анна Алексеевна

д-р пед. наук, доцент, МПГУ (Москва, Россия).

Anna A. Almazova, Dr.Sci. (Ed.), Ass. Prof., Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia).

Аничкин Евгений Сергеевич

д-р юрид. наук, доцент, АлтГУ (Барнаул, Россия).

Evgeniy S. Anichkin, Dr.Sci. (Law), Ass. Prof., Altay State University (Barnaul, Russia).

Ахметова Дания Загриевна

д-р пед. наук, проф., КИУ (Казань, Россия).

Daniya Z. Akhmetova, Dr.Sci. (Ed.), Prof., Kazan Innovative University (Kazan, Russia).

Бабурин Сергей Николаевич

д-р юрид. наук, проф., ИГП РАН (Москва, Россия).

Sergey N. Baburin, Dr.Sci. (Law), Prof., The Institute of State and Law of The Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Брановицкий Константин Леонидович

д-р юрид. наук, доцент, УрГЮУ (Екатеринбург, Россия).

Konstantin L. Branovitsky, Dr.Sci. (Law), Ass. Prof., Ural State Law University (Ekatarinburg, Russia).

Веряев Анатолий Алексеевич

д-р пед. наук, проф., АлтГПУ (Барнаул, Россия).

Anatoliy A. Veryaev, Dr.Sci. (Ed.), Prof., Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russia).

Гаврилов Станислав Олегович

д-р ист. наук, канд. юрид. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Stanislav O. Gavrilov, Dr.Sci. (Hist.), Cand.Sci. (Law), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Грицков Юрий Викторович

д-р филос. наук, проф., СФУ (Красноярск, Россия).

Yuriy V. Gritskov, Dr.Sci. (Philos.), Prof., Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia).

Гусев Алексей Николаевич

д-р психол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия).

Aleksey N. Gusev, Dr.Sci. (Psychol.), Prof., Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

Жданова Светлана Юрьевна

д-р психол. наук, доцент, ПГНИУ (Пермь, Россия).

Svetlana Yu. Zhdanova, Dr.Sci. (Psychol.), Ass. Prof., Perm State University (Perm, Russia).

Жукова Ольга Ивановна

д-р филос. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Olga I. Zhukova, Dr.Sci. (Philos.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Золотухин Владимир Михайлович

д-р филос. наук, проф., КузГТУ (Кемерово, Россия).

Vladimir M. Zolotukhin, Dr.Sci. (Philos.), Prof., Kuzbass State Technical University (Kemerovo, Russia).

Калашникова Марина Борисовна

д-р психол. наук, проф., НовГУ (Великий Новгород, Россия).

Marina V. Kalashnikova, Dr.Sci. (Ed.), Prof., Novgorod State University (Velikiy Novgorod, Russia).

Ким Юрий Владимирович

д-р юрид. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Yuriy V. Kim, Dr.Sci. (Law), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Кощеев Константин Леонидович

специальный редактор, Арбитражный суд Кемеровской области (Кемерово, Россия).

Konstantin L. Koshcheev, special ed., Arbitration court of Kemerovo region (Kemerovo, Russia).

Красиков Владимир Иванович

д-р филос. наук, проф., ВГУЮ (РПА Минюста России) (Москва, Россия).

Vladimir I. Krasikov, Dr.Sci. (Philos.), Prof., All Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia) (Moscow, Russia).

Курдуманова Ольга Ивановна

д-р пед. наук, проф., ОмГПУ (Омск, Россия).

Olga I. Kurdumanova, Dr.Sci. (Ed.), Prof., Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russia).

Лясковка Катаржина

д-р права (habil), проф., Белостокский университет (УвВ, Белосток, Польша).

Katarzyna Laskowska, Dr. hab. (Law), Prof., University of Bialystok (UWB, Bialystok, Poland).

Мардахаев Лев Владимирович

д-р пед. наук, проф., РГСУ (Москва, Россия).

Lev V. Mardakhaev, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Russian State Social University (Moscow, Russia).

Московченко Ольга Никифоровна

д-р пед. наук, проф., КГПУ им. В. П. Астафьева
(Красноярск, Россия).

Olga N. Moskovchenko, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
V. P. Astafyev Krasnoyarsk State Pedagogical
University (Krasnoyarsk, Russia).

Невзоров Борис Павлович

д-р пед. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Boris P. Nevzorov, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Немытина Марина Викторовна

д-р юрид. наук, проф., РУДН (Москва, Россия).

Marina V. Nemytina, Dr.Sci. (Law), Prof.,
RUDN University (Moscow, Russia).

Осипова Светлана Ивановна

д-р пед. наук, проф., СФУ (Красноярск, Россия).

Svetlana I. Osipova, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia).

Остапович Игорь Юрьевич

д-р юрид. наук, доцент, УрГЮУ (Екатеринбург,
Россия).

Igor Yu. Ostapovich, Dr.Sci. (Law), Ass. Prof.,
Ural State University of Law (Ekaterinburg, Russia).

Плаксина Татьяна Алексеевна

д-р юрид. наук, доцент, ТГУ (Томск, Россия).

Tatiana A. Plaksina, Dr.Sci. (Law), Ass. Prof.,
Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Россинский Сергей Борисович

д-р юрид. наук, доцент, Институт государства
и права РАН (Москва, Россия).

Sergey V. Rossinskiy, Dr.Sci. (Law), Ass. Prof.,
Institute of State and Law, Russian Academy
of Sciences (Moscow, Russia).

Самович Юлия Владимировна

д-р юрид. наук, проф., Казанский филиал РГУП
(Казань, Россия).

Yulia V. Samovich, Dr.Sci. (Law), Prof.,
Kazan branch of the Russian State University of Justice
(Kazan, Russia).

Филатова Ульяна Борисовна

д-р юрид. наук, доцент, ИГУ (Иркутск, Россия).

Uliana B. Filatova, Dr.Sci. (Law), Ass. Prof.,
Irkutsk state university (Irkutsk, Russia).

Халяпина Людмила Петровна

д-р пед. наук, проф., СПбПУ Петра Великого
(Санкт-Петербург, Россия).

Ludmila P. Khaliapina, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
(St. Petersburg, Russia).

Черненко Тамара Геннадьевна

д-р юрид. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Tamara G. Chernenko, Dr.Sci. (Law), Prof.,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Чурекова Татьяна Михайловна

д-р пед. наук, проф., КемГИК (Кемерово, Россия).

Tatiana M. Churekova, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Kemerovo State Institute of Culture (Kemerovo,
Russia).

Шевелева Светлана Викторовна

д-р юрид. наук, проф., ЮЗГУ (Курск, Россия).

Svetlana V. Sheveleva, Dr.Sci. (Law), Prof.,
Southwest State University (Kursk, Russia).

Шепель Тамара Викторовна

д-р юрид. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).

Tamara V. Shepel, Dr.Sci. (Law), Prof.,
Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).

Яковлева Ирина Михайловна

д-р пед. наук, проф., МГПУ (Москва, Россия).

Irina M. Yakovleva, Dr.Sci. (Ed.), Prof., Moscow
Pedagogical State University (Moscow, Russia).

Ящук Татьяна Федоровна

д-р юрид. наук, проф., ОмГУ (Омск, Россия).

Tatiana F. Yashchuk, Dr.Sci. (Law), Prof.,
Omsk State University (Omsk, Russia).

ПЕДАГОГИКА

Методология и технология профессионального образования

Педагогическая модель формирования сквозных цифровых компетенций у студентов в процессе дополнительного профессионального образования

Ачкасова О. Г.

87

Дистанционное образование: специфика и отличия от очного образования

Эрштейн Л. Б.

95

Теория и методика обучения и воспитания

Содержательные характеристики суверенности во взаимосвязи с личностными параметрами подростков в условиях образовательной среды

Крециан З. В., Морозов Е. В.

102

Особенности представлений о семейных отношениях у подростков-правонарушителей

Фотина М. А., Шамовская Т. В.

110

Культурологический подход как инструмент моделирования пространственно-образовательной среды ДОО

Шмырева Н. А., Лопаткин Г. Ю., Завразина К. Д.

117

ПРАВО

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Вопросы осуществления, обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина муниципальной публичной властью

Трещева О. Ю.

126

Теоретико-исторические правовые науки

Архетипы традиционной культуры в XXI веке

Бакирова А. М.

134

Концепция прав человека, сформировавшаяся в Германской Демократической Республике

Бегунович Р. В.

142

Уголовно-правовые науки

Уголовно-правовые категории и институты: соотношение понятий и функции

Понятовская Т. Г., Кайшев А. В.

148

Частноправовые (цивилистические) науки

О понятии и соотношении принципов надлежащего и реального исполнения гражданско-правовых обязательств

Сенотрусова Е. М.

154

PEDAGOGY

Methodology and Technology of University Education

Pedagogical Model of Forming Cross-Cutting Digital Competences in Students of Supplementary Higher Education

Achkasova O. G.

87

Distance Education vs. Face-to-Face Education

Ershteyn L. B.

95

Theory and Methodology of Education and Upbringing

Self-Reliance and Personality Parameters in High School Students

Kretsan Z. V., Morozov E. V.

102

Concept of Family Relationships in Teenage Offenders

Fotina M. A., Shamovskaya T. V.

110

Cultural Approach as a Modeling Tool of Education Environment in Pre-School Educational Organizations

Shmireva N. A., Lopatkin G. Ju., Zavrazina K. D.

117

LAW

Public and State Law

Implementation, Provision, and Protection of Human and Civil Rights and Freedoms by Municipal Public Authorities

Trescheva O. Yu.

126

Theoretical and Historical Legal Sciences

Archetypes of Traditional Culture in the XXI Century

Bakirova A. M.

134

The Concept of Human Rights in the German Democratic Republic

Begunovich R. V.

142

Criminal Law

Criminal Law Categories and Institutions: Correlation of Concepts and Functions

Ponyatovskaya T. G., Kayshev A. V.

148

Private and Civil Law

Concept and Correlation of the Principles of Proper and Specific Performance of Civil Obligations

Senotrusova E. M.

154

оригинальная статья

Педагогическая модель формирования сквозных цифровых компетенций у студентов в процессе дополнительного профессионального образования

Ачкасова Оксана Геннадьевна

Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово

<https://orcid.org/0000-0002-1286-1305>

a17g12@rambler.ru

Поступила в редакцию 05.11.2021. Принята после рецензирования 08.02.2022. Принята в печать 28.02.2022.

Аннотация: Одной из актуальных задач в рамках реализации Федерального проекта «Кадры для цифровой экономики» является формирование профессиональных компетенций у работников различных отраслей в области сквозных цифровых технологий. Компетенции цифровой экономики разрабатываются не только с учетом требований работодателей к соответствующему уровню профессионального образования выпускников, но и с учетом требований государства и рынка труда к компетенциям человека цифрового общества. В связи с этим в статье представлено определение нового понятия в профессиональной педагогике – сквозные цифровые компетенции; выделены их структурные компоненты: базовые, личностные, профессионально-ориентированные; аргументирована целесообразность их развития у студентов высшего образования в системе дополнительного профессионального образования. В целях формирования сквозных цифровых компетенций у студентов классического университета в процессе дополнительного профессионального образования разработана педагогическая модель, основанная на научных подходах к педагогическому моделированию. Педагогическая модель включает цель, задачи, педагогические принципы, внутренние и внешние факторы, содержательные компоненты, организационно-педагогические условия формирования сквозных цифровых компетенций у студентов высшей школы в процессе дополнительного профессионального образования.

Ключевые слова: дополнительное профессиональное образование, высшее образование, сквозные цифровые компетенции, педагогическая модель, электронное обучение, смешанное обучение, индивидуальные образовательные траектории

Цитирование: Ачкасова О. Г. Педагогическая модель формирования сквозных цифровых компетенций у студентов в процессе дополнительного профессионального образования. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2022. Т. 6. № 2. С. 87–94. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2022-6-2-87-94>

full article

Pedagogical Model of Forming Cross-Cutting Digital Competences in Students of Supplementary Higher Education

Oksana G. Achkasova

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

<https://orcid.org/0000-0002-1286-1305>

a17g12@rambler.ru

Received 5 Nov 2021. Accepted after peer review 8 Feb 2022. Accepted for publication 28 Feb 2022.

Abstract: The Workforce for Digital Economy Federal Project is aimed at developing professional competencies in the field of cross-cutting digital technologies. Digital economy competences depend on the requirements of potential employers, as well as on those of society, state, and labor market. The article introduces the definition of cross-cutting digital competences and describes their basic, personal, and professional components. The author constructed a pedagogical model of developing cross-cutting digital competences in students of supplementary higher education. The model includes goals, objectives, pedagogical principles, internal and external factors, content components, organizational foundations, and pedagogical conditions.

Keywords: additional professional education, higher education, cross-cutting digital competencies, pedagogical model, e-learning, blended learning, individual academic trajectories

Citation: Achkasova O. G. Pedagogical Model of Forming Cross-Cutting Digital Competences in Students of Supplementary Higher Education. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2022, 6(2): 87–94. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2022-6-2-87-94>

Введение

Процессы цифровой трансформации экономики и социальной сферы оказывают существенное влияние на рынок труда и подготовку кадров на всех уровнях профессионального образования. М. В. Чудиновских рассматривает образовательную модель высшего учебного заведения на этапе цифровой трансформации от линейно-поступательного к модульно-реверсивному обучению, которая непосредственно оказывает влияние на изменение дополнительного профессионального образования (ДПО). К смене образовательной модели приведет, на наш взгляд, рост потребности в новых знаниях. При линейно-поступательной модели студент последовательно движется по направлению «бакалавриат – магистратура – аспирантура». В основу модульно-реверсивной модели положено несколько принципов: 1) модульность – обучающийся может вместе с основной образовательной программой выбрать дополнительные модули; 2) реверсивность – студенты возвращаются в свой вуз после его окончания для получения дополнительных квалификаций при освоении дополнительных профессиональных программ (ДПП). Этот возврат может осуществляться неоднократно в том случае, если учреждение высшего образования может предложить не только программу магистратуры или аспирантуры, но и ДПП, семинары и вебинары по актуальной тематике, консалтинговые услуги; 3) маркетинговый подход. Бюджетное финансирование, которое для многих государственных вузов является основным источником средств, может и должно дополняться за счет внебюджетных источников. От того, насколько учебное заведение сможет спрогнозировать тенденции рынка образовательных услуг, предложить актуальные программы и услуги, будет зависеть его будущее и репутация [1, с. 52].

Г. А. Тульчинский выделяет вызовы высшего образования на этапе его цифровой трансформации посредством изменений рынка труда, внутренней образовательной среды, содержания и формата образования, позиционирования вуза и преподавателя [2, с. 125]. А. В. Островский и М. В. Кудина связывают взаимодополняющие процессы цифровой трансформации экономики и социальной сферы в рамках концепции *lifelong learning* – непрерывного образования, понимая под ним постоянное, добровольное и самомотивированное обучение на протяжении всей жизни, основанное на стремлении к знаниям по личным или профессиональным причинам. Мировой экспансии данной концепции способствует прежде всего появление и развитие Интернета, позволившего пользователям ежедневно учиться, находясь в любой точке мира [3, с. 232].

А. Ю. Уваров рассматривает цифровую трансформацию профессионального образования как достижение каждым обучаемым необходимых образовательных результатов за счет индивидуализации образовательного процесса на основе использования растущего потенциала цифровизации: применения методов искусственного интеллекта, средств виртуальной реальности; развития в учебных заведениях цифровой образовательной среды (ЦОС); обеспечения широкополосного общедоступного Интернета, работы с большими данными [4, с. 133]. Целью профессионального образования на этапе его цифровой трансформации, по мнению О. И. Поповой, является подготовка специалистов, обладающих современными знаниями и практическими навыками аналитических, статистических и эконометрических методов исследования, анализа и моделирования бизнес-процессов с применением цифровых технологий и инструментов [5, с. 158].

В Рекомендациях Европейского союза № 2006/962/ЕС от 18.12.2006 цифровые компетенции (ЦК) определяются как уверенное и критическое использование технологий информационного общества для всех сфер жизни. В основе ЦК лежат базовые навыки в области информационно-коммуникационных технологий (ИКТ): использование компьютеров для поиска, оценки, представления, хранения и обмена информацией, общения через электронные средства и Интернет¹. Согласно модели ЦК населения *DigComp* (разработчик – научный центр Евросоюза), ЦК – уверенное, критическое и творческое использование ИКТ для достижения целей, связанных с работой, возможностями трудоустройства, обучением, досугом, участием в жизни общества². В Национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации» определение понятия ЦК отсутствует; на портале национальной программы имеется пояснение относительно базовых компетенций цифровой экономики. Центральной компетенцией, обуславливающей конкурентные преимущества современных компаний в digital-эпоху, названа аналитика больших данных. Цифровые навыки становятся неотъемлемой частью профессиональных навыков как в образовательной и научной сфере, так и в области промышленности³. В Приложении 7 к протоколу заседания ученого совета НИУ ВШЭ № 10 от 26.06.2020 представлена Концепция развития цифровых компетенций студентов НИУ ВШЭ; дано толкование ЦК – «комплекс компетенций по работе в цифровой среде и с цифровыми продуктами, включая активность по созданию и сбору данных, их обработке

¹ On key competences for lifelong learning. Recommendation of the European Parliament and of the Council of 18.12.2006 № 2006/962/EC. *Official Journal of the European Union*. 30.12.2006. Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32006H0962> (дата обращения: 13.12.2021).

² Ferrari A. *DIGCOMP: a framework for developing and understanding digital competence in Europe*: Sci. and Policy Report by the Joint Research Centre of the European Commission, eds. Punie Y, Brečko B. N. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2013. P. 2. <https://doi.org/10.2788/52966>

³ Базовые компетенции цифровой экономики. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Режим доступа: <https://digital.ac.gov.ru/poleznaya-informaciya/4166/> (дата обращения: 30.11.2021).

и анализу, а также по автоматизации процессов с помощью компьютерных технологий»⁴. Коллектив Центра подготовки руководителей и команд цифровой трансформации ВШГУ РАНХиГС под руководством М. С. Шклярук определяет ЦК как «способность пользователя уверенно, эффективно и безопасно выбирать и применять инфокоммуникационные технологии в разных сферах жизни». ЦК базируются на «непрерывном овладении знаниями, умениями, мотивацией, ответственностью (поиск информации, использование цифровых устройств, использование функционала социальных сетей, финансовые операции, онлайн-покупки, критическое восприятие информации, производство мультимедийного контента, синхронизация устройств и пр.)» [6, с. 19]. Профессор А. М. Кондаков рассматривает ключевую компетенцию цифровой экономики как компетенцию, «без которой невозможно успешное решение субъектом деятельности задачи определенного типа / класса, достижение заданного результата деятельности в условиях цифровой экономики»⁵. М. И. Барабанова определила ключевые компетенции цифровой экономики как «систему базовых и профессиональных компетенций экономической деятельности, актуальную в данных социально-экономических условиях, устанавливающую единые требования к процессам и результатам образования, а также к квалификациям в Российской Федерации». По мнению исследователя, ключевые компетенции определяются посредством анализа структуры деятельности в мире цифровых технологий, ключевых позиций граждан в цифровой экономике; базовые формируются на уровнях систем общего и дополнительного образования; профессиональные выделяются на базе общей теории деятельности [7, с. 23]. Д. С. Константинова и М. М. Кудяева дают определение ЦК как «способности человека использовать ИКТ в различных сферах для повышения эффективности деятельности» [8, с. 1062].

Анализ исследований относительно толкования ЦК показал, что определение понятия *цифровые компетенции* в настоящее время находится в стадии изучения, единая теоретическая база к трактовке данной дефиниции отсутствует. Составляющие компоненты ЦК, формирующие знания, навыки, практический опыт, также не имеют единого представления. Одни исследователи выделяют в структуре ЦК «базовые цифровые компетенции», другие – «ключевые цифровые компетенции», встречаются такие формулировки, как «компетенции цифровой экономики», «компетенции сквозных цифровых технологий».

Сквозные ЦК (СЦК) должны соответствовать требованиям цифровой экономики, общества, государства и рынка труда к компетенциям человека как личности и профессионала, причем не только у специалистов, но и у обучающихся, получающих высшее образование. Формирование ЦК у студентов вузов целесообразно осуществлять на любом уровне высшего образования, любых направлений и профилей подготовки основных образовательных программ, осваиваемых обучающимися. Развитие ЦК в условиях жизнедеятельности современного человека в цифровом обществе осуществляется независимо от получаемой / полученной профессии или специальности. Ряд программных документов, включая приоритетные проекты в сфере образования, реализуются с целью непрерывного обновления гражданами профессиональных знаний и приобретения ими новых профессиональных навыков посредством ДПО. В связи с необходимостью ДПО выполнять роль гибкой образовательной системы и функцию посредника между направлением подготовки и требованиями конкретной вакансии за счет предоставления компетенций, адаптированных к рыночным изменениям, возрастает его востребованность в обществе.

Н. Н. Равочкин отмечает, что, несмотря на многообразие образовательных организаций ДПО, в том числе отраслевых (например, институты Газпрома), их деятельность все же носит коммерческий характер, поэтому основной поток слушателей приходится на ДПО вузов [9, с. 1412]. Н. И. Кузьменко полагает, что услуги ДПО являются одним из направлений инвестирования в сотрудников, поскольку современные условия функционирования бизнес-структур обуславливают востребованность лишь тех специалистов, «которые владеют специальными знаниями и постоянно совершенствуют свой образовательный и профессиональный ценз» [10, с. 40].

С учетом высоких темпов развития цифровых технологий и методов их использования трансформация модели дополнительного образования становится первостепенной задачей и требует системного подхода к ее решению. Авторский коллектив под руководством Л. А. Данченко считает, что именно вопросы организации способов приобретения новых знаний и навыков, содержания программ ДПО, персонализации и технологии доставки знаний обучающимся становятся наиболее актуальными. Поэтому важно сформировать конкурентоспособную среду получения ДПО, соответствующую потребностям обучаемого [11, с. 39]. В государственной программе поддержки университетов «Приоритет-2030» в числе основных показателей результативности представлен такой критерий, как количество

⁴ Концепция развития цифровых компетенций студентов НИУ ВШЭ. Приложение 7к протоколу заседания ученого совета НИУ ВШЭ № 10 от 26.06.2020. М.: НИУ ВШЭ, 2020. С. 3. Режим доступа: [https://www.hse.ru/data/2020/07/07/1595396188/Прил%207-Концепция%20развития%20ЦК_22.06%20\(1\).pdf](https://www.hse.ru/data/2020/07/07/1595396188/Прил%207-Концепция%20развития%20ЦК_22.06%20(1).pdf) (дата обращения: 11.11.2021).

⁵ Кондаков А. М. Подходы к разработке базовой модели компетенции цифровой экономики: докл. XI Междунар. IT-форума с участием стран БРИКС и ШОС (Ханты-Мансийск, 10–11 июня 2019 г.). Режим доступа: https://itforum.admhmao.ru/upload/iblock/01d/2_Kondakov-AM.pdf (дата обращения: 30.11.2021).

обученных по программам ДПО, в том числе из студенческого контингента самого вуза⁶.

Одной из актуальных задач перехода к цифровой экономике является формирование профессиональных компетенций в области сквозных цифровых технологий [12, с. 120]. СЦК мы трактуем как базовые, личностные, профессионально-ориентированные ЦК, которые формируются у обучающихся всех направлений и профилей подготовки на любом уровне профессионального образования «для осуществления эффективной профессиональной деятельности и профессионального развития специалиста, его жизнедеятельности как человека в инновационной цифровой среде» [13, с. 118]. За основу мы взяли модель компетенций, разработанную Центром подготовки руководителей и команд цифровой трансформации ВШГУ РАНХиГС [6, с. 18].

Базовые СЦК составляют основу модели. Они не привязаны к уровню, профилю или направлению подготовки обучающегося высшего образования и позволяют эффективно осуществлять профессиональную деятельность и жизнедеятельность в цифровой среде. К базовым СЦК мы относим умение использовать и управлять большими данными, применять цифровые технологии; способность к развитию ИТ-инфраструктуры, управлению цифровым развитием организации.

Личностные СЦК также не зависят от уровня, профиля или направления подготовки обучающегося высшего образования и направлены на формирование индивидуальных особенностей личности, позволяющих эффективно осуществлять жизнедеятельность в цифровой среде. К личностным СЦК мы причисляем способность к коммуникации и кооперации в цифровой среде.

Профессионально-ориентированные СЦК имеют привязку к профилю или направлению подготовки обучающегося высшего образования и ориентированы на формирование компетенций, диктуемых особенностями будущей специальности (по конкретному направлению или профилю подготовки), позволяющих эффективно осуществлять профессиональную деятельность в цифровой среде. Примером профессионально-ориентированных СЦК студентов бакалавриата направления 05.03.06 «Экология и природопользование» являются способность к использованию цифровых технологий в управлении экологическими рисками, студентов бакалавриата направления 35.03.10 «Ландшафтная архитектура» – способность к использованию цифровых технологий в ландшафтном проектировании и дизайне.

Все СЦК (базовые, личностные и профессионально-ориентированные) могут отличаться по трудоемкости освоения модулей в зависимости от уровня, направления или профиля подготовки обучающегося; трудоемкость определяется каждой конкретной ДПП.

Анализ научной литературы, посвященной разработке педагогической модели формирования СЦК у студентов в процессе ДПО, показал отсутствие исследований по данному вопросу. Таким образом, целью нашей статьи является определение понятия *сквозные цифровые компетенции* и разработка педагогической модели формирования СЦК у студентов высшего образования в процессе ДПО.

Методы и материалы

Теоретический анализ, обобщение и систематизация научной литературы, изучение актуального педагогического опыта позволили определиться с концептуальными основами и принципами построения педагогической модели формирования СЦК у студентов в процессе ДПО. В научной литературе дается много определений понятиям *модель, моделирование, педагогическое моделирование*.

В педагогическом словаре под моделированием понимается «процесс создания моделей, объектов-аналогов исследуемому процессу или системе, отражающих структурные и (или) динамические характеристики исследуемого процесса (системы) в более доступном для изучения виде»⁷. Согласно краткому терминологическому словарю М. Ю. Олешкова и В. М. Уварова, моделирование (педагогическое) – «начальный этап педагогического проектирования. Состоит в разработке модели как общей проективной идеи создания педагогической формы, педагогической системы (концепции, положений), так и в разработке модели педагогических процессов (теоретических установок, учебных программ) для изучения учебного предмета или его части: отдельной темы, раздела и т. п.»⁸. А. М. Новиков и А. Д. Новиков рассматривают модель в широком смысле как «любой образ, аналог (мысленный или условный...) какого-либо объекта, процесса или явления (оригинала данной модели). Моделью можно назвать искусственно создаваемый образ конкретного предмета, устройства, процесса, явления... Таким образом, ... модель – это образ некоторой системы» [14, с. 195–196]. Модель – это «искусственно созданный объект в виде схемы, физических конструкций, знаковых форм или формул, который будучи подобен исследуемому объекту (или явлению), отображает и воспроизводит в более простой и огрубленном виде структуру, свойства, взаимосвязи и отношения между элементами этого объекта» [15, с. 22].

На основании научных основ моделирования разработана педагогическая модель формирования СЦК у студентов высшего образования классического университета в процессе освоения ДПП повышения квалификации (ПК) и профессиональной переподготовки (ПП). Целью педагогической модели является формирование базовых, личностных и профессионально-ориентированных компонентов СЦК

⁶ Программа «Приоритет-2030». Министерство науки и высшего образования РФ. Режим доступа: <https://minobrnauki.gov.ru/action/priority2030/> (дата обращения: 30.11.2021).

⁷ Моделирование. Педагогический словарь, под ред. В. И. Загвязинского, А. Ф. Закировой. М.: Академия, 2008. С. 43.

⁸ Моделирование (педагогическое). Современный образовательный процесс: основные понятия и термины, авт.-сост. М. Ю. Олешков, В. М. Уваров. М.: Компания Спутник+, 2006. Режим доступа: <https://www.psyoffice.ru/6-1008-modelirovanie-pedagogicheskoe.htm> (дата обращения: 22.04.2022).

у студентов высшего образования в процессе ДПО. Достижению цели способствует решение следующих задач:

- определение базовых, личностных и профессионально-ориентированных компонентов СЦК;
- разработка учебно-методического комплекса ДПО;
- оценка уровня сформированности СЦК у студентов вузов в процессе освоения ДПП.

ДПП ПК и ПП реализуются посредством электронного обучения с применением дистанционных образовательных технологий (ДОТ). Сложилось три модели электронного обучения, различающиеся соотношением распределения времени и объема работ между аудиторной и внеаудиторной нагрузкой, стратегиями преподавания [16, с. 8]. Ряд исследователей отмечают необходимость использования прежде всего смешанной модели электронного обучения, способствующей организации учебного процесса при использовании как электронных (синхронных и асинхронных), так и традиционных (контактных) форм обучения [17, с. 39].

На процесс формирования СЦК в процессе ДПО у студентов вузов оказывают влияние внешние и внутренние факторы. Внешние факторы:

1. Цифровизация и цифровая трансформация экономики, оказывающие влияние на развитие общества и профессионального образования, формирующие требования к кадрам нового поколения [18; 19].
2. Стратегические ориентиры развития ДПО, задающие новые цели в научной и образовательной экосистемах, а именно: развитие ЦОС, электронного и смешанного обучения с применением ДОТ в образовательном процессе; внедрение цифровых инструментов и технологий в образовательный процесс; формирование и развитие цифровой компетентности обучающихся и научно-педагогических кадров вузов; индивидуализация обучения; сетевое взаимодействие с другими организациями (образовательными, научными, производственными).
3. Сформированная ЦОС ДПО в вузе, включающая в себя официальный сайт Управления развития дополнительного образования КемГУ (УРДО КемГУ); каналы коммуникации (электронная почта, чаты в мессенджерах); аккаунты УРДО КемГУ в социальных сетях: Дополнительное образование КемГУ (сообщество ВКонтакте); система электронного документооборота 1С ДПО; платформы электронного обучения LMS Moodle и LMS Odin (реализуется в рамках национального проекта «Демография» через федерального оператора – Томский государственный университет).
4. Наличие формального образования, подтверждающего наличие у выпускников дополнительных квалификаций, подкрепляемых документами о ДПО – удостоверением о ПК или дипломом о ПП. Освоение программ ДПО параллельно с получением высшего образования создает дополнительные конкурентные преимущества выпускникам: по окончании вуза они получают диплом о высшем образовании и о ДПО.

Внутренние факторы:

1. Получение знаний, умений, практического опыта с целью осуществления эффективной профессиональной деятельности, востребованности на рынке труда, получение стабильной работы, выражающиеся в формировании и развитии базовых, личностных и профессионально-ориентированных СЦК.
2. Личностные, ценностные предпочтения, материальные возможности за счет определения студентами индивидуальной образовательной траектории обучения посредством освоения базовых, личностных и профессионально-ориентированных СЦК в процессе ДПО.

При формировании СЦК у студентов, осваивающих ДПП ПК и ПП, необходимо учитывать следующие педагогические принципы:

- сквозной принцип формирования ЦК по всем направлениям высшего образования – для освоения базовых и личностных СЦК студенты изучают одинаковые модули ДПП ПК и ПП в процессе параллельного освоения образовательных программ ДПО; профессионально-ориентированные СЦК являются оригинальными для каждой программы ДПП и разрабатываются с учетом профессиональной направленности каждой конкретной программы;
- синергия – достигается за счет одновременного, параллельного освоения основных и ДПП студентами, а также смешанного обучения – сочетания традиционного (в очном формате) и электронного (с применением дистанционных образовательных программ) обучения; предполагает повышение результативности обучения и реализацию концепции непрерывного образования;
- индивидуализация обучения – студент может самостоятельно осуществлять выбор вариативных модулей образовательной программы ДПО; реализация ДПП в вариативных модулях может отличаться их набором, и, следовательно, количество часов у ДПП различно;
- модульность образовательных программ ДПО – предполагает разделение на инвариантные (обязательные к освоению) и вариативные (по выбору студента) модули;
- вариативность – выражается в возможности выбора студентами индивидуальных образовательных траекторий обучения при составлении индивидуальных образовательных маршрутов из предложенного в ДПП набора модулей;
- преемственность – с учетом изученных дисциплин по основным программам высшего образования студенты параллельно осваивают программы ДПО с целью овладения компетенциями сверх учебного плана основных профессиональных образовательных программ;
- интегративность – выражается в объединении, суммировании базовых, личностных и профессионально-ориентированных СЦК;
- коммуникативность – предусматривает использование разных форматов взаимодействия между студентами

и преподавателями в процессе взаимного оценивания как в очном обучении, так и при использовании ДОТ, при проведении синхронных лекционных занятий в форме вебинаров, с использованием форумов (в LMS Moodle), чатов в мессенджерах, а также возможностей социальных сетей для взаимодействия в процессе обучения.

Педагогическая модель включает в себя следующие компоненты: целевой, содержательный, технологический, результативный (табл.).

Реализация модели формирования СЦК у студентов в процессе ДПО возможна при определенных организационно-педагогических условиях:

- при научно-методическом и экспертном сопровождении процесса реализации ДПП ПК и ПП;
- при цифровизации образовательной среды ДПО вуза;
- при сетевом взаимодействии вуза с образовательными, научными организациями, промышленными предприятиями;
- при предоставлении студентам выбора индивидуальной траектории обучения.

Табл. Характеристика компонентов педагогической модели формирования СЦК у студентов в процессе ДПО

Tab. Pedagogical model of developing cross-cutting digital competencies during supplementary university education

Компоненты	Характеристика
Целевой	<ol style="list-style-type: none"> 1. Разработка УМК ДПП в соответствии с потребностями и мотивами студентов. 2. Осуществление организационно-методических мероприятий по реализации ДПП. 3. Реализация ДПП в соответствии с выбранными студентами индивидуальными образовательными траекториями обучения. 4. Определение уровня сформированности СЦК. 5. Анализ достоинств и недостатков модели, предложения по совершенствованию.
Содержательный	<ol style="list-style-type: none"> 1. Диагностика потребностей и мотивов обучения, определение формы обучения, разработка Путеводителя и УМК ДПП, выбор студентами ДПП и модулей в вариативной части программы, определение индивидуальной траектории обучения. 2. Определение исходного уровня сформированности СЦК. 3. Реализация ДПП ПК и ПП; осуществление промежуточного контроля знаний студентов, предусмотренного УМК. 4. Определение внутренней и внешней оценки уровня сформированности СЦК. 5. Анализ внедрения педагогической модели.
Технологический (формы и методы)	<ol style="list-style-type: none"> 1. Разработка анкеты для выявления потребностей и мотивов обучения по ДПП, направленных на формирование СЦК; создание Путеводителя; утверждение студентом индивидуальной образовательной траектории: выбранного курса ДПО и отдельных его модулей в вариативной части ДПП; создание УМК ДПП ПК или ПП и ЭОК к программе в LMS Moodle; продвижение ДПП в рамках образовательной маркетинговой деятельности в условиях ЦОС ДПО вуза. 2. Определение сроков обучения и итоговой аттестации; поступление на программу (подача заявления, согласия о передаче персональных данных, соглашения об использовании персональных данных при электронном обучении); регистрация студента в LMS Moodle, предоставление доступа к курсу. 3. Определение организационно-педагогических условий реализации ДПП ПК или ПП. 4. Оценка итогового уровня сформированности СЦК профессорско-преподавательским составом вуза, участвующим в разработке и реализации ДПП ПК или ПП в процессе итоговой аттестации по образовательной программе; внешняя оценка сформированности СЦК независимым советом экспертов из других образовательных, научных организаций и предприятий реального сектора экономики, являющихся партнерами НОЦ «Кузбасс». 5. Анализ каждого компонента модели; соотнесение с педагогическими принципами, организационно-педагогическими условиями, внутренними и внешними факторами, результатами внедрения педагогической модели; разработка предложений по совершенствованию педагогической модели формирования СЦК у студентов непрофильных ИТ-направлений в системе ДПО.
Результативный	<ol style="list-style-type: none"> 1. УМК ДПП (включает ДПП и ЭОК в LMS Moodle). 2. Определение итогового уровня сформированности базовых, профессиональных и личностных СЦК у студентов непрофильных ИТ-направлений в вузе. 3. Сформированные базовые, профессионально-ориентированные и личностные СЦК. 4. Предложения по совершенствованию педагогической модели.

Организационно-педагогические условия определяются нами как совокупность мер воздействия, усилий и консолидации возможностей научно-методического и экспертного сопровождения процесса освоения ДПП ПК или ПП, ЦОС, сетевого взаимодействия с партнерами вуза, и обеспечения реализации выбранных обучающимися индивидуальных образовательных траекторий.

Результаты

В ходе исследования получены следующие результаты:

- изучены подходы к определению ЦК;
- дано определение СЦК, представлены их компоненты: базовые, личностные и профессионально-ориентированные;
- разработана педагогическая модель формирования СЦК у студентов вуза в процессе ДПО, включающая в себя цель, задачи, принципы, внутренние и внешние факторы, компоненты, организационно-педагогические условия и предполагаемые результаты.

Разработанная педагогическая модель предполагает решение проблемы формирования СЦК у студентов в процессе ДПО параллельно с освоением основных образовательных программ высшего образования. Результаты данного исследования легли в основу п. 2.1.1 «Обеспечение условий для формирования цифровых компетенций и навыков использования цифровых технологий у обучающихся» Программы развития Кемеровского государственного университета до 2030 г. Данная модель может использоваться для формирования СЦК у обучающихся среднего профессионального образования в процессе ДПО.

Литература / References

1. Чудиновских М. В. Инновационные тренды высшего образования в цифровой экономике. *Инновации в образовании*. 2019. № 3. С. 50–61.
Chudinovskikh M. V. Higher education innovative trends in the digital economy. *Innovatsii v obrazovanii*, 2019, (3): 50–61. (In Russ.)
2. Тульчинский Г. А. Цифровая трансформация образования: вызовы высшей школе. *Философские науки*. 2017. № 6. С. 121–136.
Tulchinskii G. L. Digital transformation of education: challenges for higher school. *Russian Journal of Philosophical Sciences*, 2017, (6): 121–136. (In Russ.)
3. Островский А. В., Кудина М. В. Новая парадигма образования в эпоху цифровой трансформации государства. *Государственное управление. Электронный вестник*. 2020. № 78. С. 229–244. <https://doi.org/10.24411/2070-1381-2020-10041>
Ostrovsky A. V., Kudina M. V. New educational paradigm in the era of state digital transformation. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*, 2020, (78): 229–244. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/2070-1381-2020-10041>
4. Уваров А. Ю. Образование в мире цифровых технологий: на пути к цифровой трансформации. М.: ГУ-ВШЭ, 2018. 168 с.
Uvarov A. Yu. *Education in the digital world: on the way to digital transformation*. Moscow: SU-HSE, 2018, 168. (In Russ.)
5. Попова О. И. Трансформация высшего образования в условиях цифровой экономики. *Вопросы управления*. 2018. № 5. С. 158–160.
Popova O. I. Transformation of higher education in the conditions of the digital economy. *Management issues*, 2018, (5): 158–160. (In Russ.)
6. Модель компетенций команды цифровой трансформации в системе государственного управления, под ред. М. С. Шклярчук, Н. С. Гаркуши. М.: РАНХиГС, 2020. 84 с.
Competence model of the digital transformation team in the public administration system, eds. Shklyaruk M. S., Garkusha N. S. Moscow: RANEPА, 2020, 84. (In Russ.)

Заключение

Одной из актуальных задач цифровой экономики является формирование профессиональных компетенций у работников различных отраслей в области сквозных цифровых технологий. В связи с этим экономике индустрии 4.0 требуются специалисты, владеющие ЦК. Как правило, вопросы освоения дополнительных компетенций сверх федеральных образовательных стандартов решаются системой ДПО после получения основного профессионального образования. Однако скорость устаревания знаний настолько высока, что перед профессиональным образованием стоит задача формирования ЦК у обучающихся еще во время освоения основных профессиональных образовательных программ или при освоении ДПП параллельно с основными.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Благодарности: Автор выражает благодарность за созданные условия в проведении исследования проректору по цифровизации и проектной работе КемГУ Р. М. Котову и начальнику Управления развития дополнительного образования КемГУ О. М. Лёвкиной.

Acknowledgment: The author would like to express her sincere gratitude to R. M. Kotov, Vice-Rector for Digitalization and Project Work and O. M. Lyovkina, Head of the Department of Supplementary Education, Kemerovo State University.

7. Барабанова М. И. Подходы к формированию компетенций цифровой экономики: базовая модель компетенций. *Архитектура университетского образования: построение единого пространства знаний*: сб. тр. IV Национ. науч.-метод. конф. с Междунар. участием. (Санкт-Петербург, 30 января – 1 февраля 2020 г.) СПб.: СПбГЭУ, 2020. Ч. 1. С. 18–24.
Barabanova M. I. Approaches to the formation of digital economy competencies: the basic model of the competencies. *Architecture of university education: contemporary universities in a common information space*: Proc. IV Nation. Sci.-Method. Conf. with Intern. Participation, St. Petersburg, 30 Jan – 1 Feb 2020. St. Petersburg: SPbSUE, 2020, pt. 1, 18–24. (In Russ.)
8. Константинова Д. С., Кудяева М. М. Цифровые компетенции как основа трансформации профессионального образования. *Экономика труда*. 2020. Т. 7. № 11. С. 1055–1072. <https://doi.org/10.18334/et.7.11.111073>
Konstantinova D. S., Kudyaeva M. M. Digital competencies as the basis for the professional education transformation. *Russian Journal of Labor Economics*, 2020, 7(11): 1055–1072. (In Russ.) <https://doi.org/10.18334/et.7.11.111073>
9. Равочкин Н. Н. Перспективы дополнительного профессионального образования в российских вузах. *Профессиональное образование в современном мире*. 2017. Т. 7. № 4. С. 1410–1417. <https://doi.org/10.15372/PEMW20170410>
Ravochkin N. N. Prospects of further training in Russian higher education. *Professional education in the modern world*, 2017, 7(4): 1410–1417. (In Russ.) <https://doi.org/10.15372/PEMW20170410>
10. Кузьменко Н. И. Дополнительное профессиональное образование в вузе как основа формирования человеческого капитала. *Территория науки*. 2017. № 1. С. 38–41.
Kuzmenko N. I. Additional professional education at the university as the basis for the formation of human capital. *Territoriia nauki*, 2017, (1): 38–41. (In Russ.)
11. Данченко Л. А., Зайцева А. С., Комлева Н. В. Трансформация модели дополнительного образования в условиях цифровой экономики. *Открытое образование*. 2019. Т. 23. № 1. С. 34–45. <https://doi.org/10.21686/1818-4243-2019-1-34-45>
Danchenok L. A., Zaytseva A. S., Komleva N. V. Transformation of the model of additional education in a digital economy. *Otkrytoye obrazovaniye*, 2019, 23(1): 34–45. (In Russ.) <https://doi.org/10.21686/1818-4243-2019-1-34-45>
12. Микрюков А. А., Мазуров М. Е., Щукина Н. А., Рыленков Д. А. Актуальные вопросы формирования профессиональных компетенций в области сквозных цифровых технологий (нейротехнологий). *Инновации и инвестиции*. 2020. № 11. С. 120–125.
Mikryukov A. A., Mazurov M. E., Shchukina N. A., Rylenkov D. A. Actual issues of formation professional competencies in the field through-digital technologies (neurotechnologies). *Innovations and investments*, 2020, (11): 120–125. (In Russ.)
13. Панасюк В. П., Ачкасова О. Г. Сквозные цифровые компетенции студента как новое понятие профессиональной педагогики. *Сибирский педагогический журнал*. 2021. № 5. С. 114–122. <http://dx.doi.org/10.15293/1813-4718.2105.12>
Panasyuk V. P., Achkasova O. G. Universal digital competencies of the student as a new concept of professional pedagogy. *Siberian pedagogical journal*, 2021, (5): 114–122. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.15293/1813-4718.2105.12>
14. Новиков А. М., Новиков Д. А. Методология научного исследования. М.: Либроком, 2010. 280 с.
Novikov A. M., Novikov D. A. *The methodology of scientific research*. Moscow: Librokom, 2010, 280. (In Russ.)
15. Дахин А. Н. Педагогическое моделирование: сущность, эффективность и неопределенность. *Педагогика*. 2003. № 4. С. 21–26.
Dakhin A. N. Pedagogical modeling: essence, effectiveness, and uncertainty. *Pedagogika*, 2003, (4): 21–26. (In Russ.)
16. Велединская С. Б., Дорофеева М. Ю. Смешанное обучение: секреты эффективности. *Высшее образование сегодня*. 2014. № 8. С. 8–13.
Veledinskaya S. B., Dorofeeva M. Yu. Blended learning: secrets of efficiency. *Higher education today*, 2014, (8): 8–13. (In Russ.)
17. Бараксанова Е. А., Данилова А. И. Реализация электронного обучения в цифровой образовательной среде. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2018. Т. 7. № 4. С. 38–40.
Barakhsanova E. A., Danilova A. I. Implementation of e-learning in the digital educational environment. *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, 2018, 7(4): 38–40. (In Russ.)
18. Ширококолобова А. Г., Ларионова Ю. С. Изменение парадигмы образования при внедрении технологий E-learning в учебный процесс в высшей школе. *Педагогика. Вопросы теории и практики*. 2021. Т. 6. № 3. С. 357–362. <https://doi.org/10.30853/ped210020>
Shirokolobova A. G., Larionova Ju. S. Change of educational paradigm due to e-learning technologies implementation in higher education. *Pedagogy. Theory & Practice*, 2021, 6(3): 357–362. (In Russ.) <https://doi.org/10.30853/ped210020>
19. Ачкасова О. Г., Ширококолобова А. Г., Губанова И. В. Индивидуальные образовательные траектории студентов в процессе обучения по смешанной модели в системе непрерывного образования вуза. *Актуальные проблемы социальной истории, философии и социальной работы: Двадцать вторые Всерос. науч. чтения*: тез. докл. и сообщений науч.-теор. конф. (Новочеркасск, 14–15 октября 2021 г.) Новочеркасск: Лик, 2021. С. 75–77.
Achkasova O. G., Shirokolobova A. G., Gubanova I. V. Individual academic trajectories of students in the process of learning to a mixed model in the system of lifelong education of a university. *Actual problems of social history, philosophy, and social work: 22nd All-Russian Sci. Reading*: Abstr. Report and Messages Sci.-Theor. Conf., Novocherkassk, 14–15 Oct 2021. Novocherkassk: Lik, 2021, 75–77. (In Russ.)

оригинальная статья

Дистанционное образование: специфика и отличия от очного образования

Эрштейн Леонид Борисович

Глазовский государственный педагогический институт им. В. Г. Короленко, Россия, г. Глазов

<https://orcid.org/0000-0003-2802-0727>

leoleo1972@mail.ru

Поступила в редакцию 20.01.2022. Принята после рецензирования 24.02.2022. Принята в печать 28.02.2022.

Аннотация: Рассматривается одна из актуальных в период пандемии COVID-19 проблема дистанционного образования. Цель – выявить специфику дистанционного обучения и его отличия от очного обучения. Методами исследования послужили опросы преподавателей в социальных сетях и анализ личного опыта автора. Доказано, что формальное дистанционное образование невозможно осуществлять без преподавателя, имеющего большое значение в процессе передачи и усвоения информации. Приведено сравнение очного, синхронного дистанционного и асинхронного дистанционного образования. Каждое из них рассмотрено с точки зрения 14 основных функций преподавателя. Показано, что только в асинхронном дистанционном образовании можно осуществлять большинство этих функций. Определено, что настоящее асинхронное дистанционное образование характеризуется разделением между преподавателем и студентами не только в пространстве, но и во времени. Выявлено, что границами использования дистанционного образования является необходимость обучения со специальными инструментами, аппаратами или обучение работе с телом. Показано, что формальное обучение всегда будет смешанным, поскольку в нем постоянно будет присутствовать один из указанных элементов. На основании анализа функций образования установлено, что дистанционное образование более эффективно, чем очное. Обосновано, что для эффективности дистанционного образования его нельзя реализовать как очное образование. Результаты статьи создают практические основания для проектирования эффективных методик дистанционного образования в будущем.

Ключевые слова: дистанционное обучение, очное обучение, синхронное обучение, асинхронное обучение, среда дистанционного образования, дистанционные образовательные технологии, непрерывное образование

Цитирование: Эрштейн Л. Б. Дистанционное образование: специфика и отличия от очного образования. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2022. Т. 6. № 2. С. 95–101. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2022-6-2-95-101>

full article

Distance Education vs. Face-to-Face Education

Leonid B. Ershteyn

Glazov Korolenko State Pedagogical Institute, Russia, Glazov

<https://orcid.org/0000-0003-2802-0727>

leoleo1972@mail.ru

Received 20 Jan 2022. Accepted after peer review 24 Feb 2022. Accepted for publication 28 Feb 2022.

Abstract: The article deals with the experience of distance education during the COVID-19 pandemic. The author used on-line questionnaires to describe distance learning and proved that formal distance education cannot be carried out without the teacher as a transmitter of information. In fact, the teacher has as many as fourteen different functions in the academic process. The author used this list to analyze face-to-face, distance synchronous, and distance asynchronous education modes. Asynchronous distance education proved to be able to provide most of these functions. Distance education per se separates the teacher and the student both in space and time. As a result, distance education is impossible if the curriculum involves training with special tools or body work. Since one of these elements is always present, formal education cannot be exclusively remote. Distance education is fundamentally different from full-time face-to-face education. For it to be effective, it cannot be implemented as full-time education. The research creates practical grounds for designing effective methods of distance education in the future.

Keywords: distance learning, face-to-face learning, synchronous learning, asynchronous learning, environment of distance education, distance learning technologies, continuing education

Citation: Ershteyn L. B. Distance Education vs. Face-to-Face Education. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2022, 6(2): 95–101. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2022-6-2-95-101>

Введение

Одной из актуальных проблем, вызванных эпидемией COVID-19, оказалось повсеместное внедрение дистанционного образования на всех уровнях образовательных систем в России и мире. Широкое использование дистанционного обучения выявило множество организационных, смысловых и содержательных вопросов; на некоторые из них при многолетних прошлых исследованиях такой формы образования нет удовлетворительных ответов. Практика показывает, что использование одних и тех же средств, основанных на применении глобальной сети Интернет, привело к совершенно различным способам реализации дистанционного образования.

Разнообразие конкретных методик фактически зависит только от количества дисциплин обучения, присутствующих в образовании всех уровней. Несмотря на обилие методик, возникают вопросы: 1) в чем заключается специфика дистанционного образования; 2) чем оно принципиально отличается от очного; 3) есть ли такое отличие вообще? Ответы на эти вопросы позволяют обозначить границы действия и условия эффективности дистанционного образования и избежать ошибок при его дальнейшем использовании, которое, судя по текущей ситуации в мире, будет распространяться дальше все более широко. Кроме того, при отсутствии понимания принципиального отличия дистанционного образования образовательные учреждения будут использовать такую форму как угодно и даже там, где это принципиально неприемлемо, что будет существенно снижать качество обучения.

Цель – выявить и обосновать специфику дистанционного обучения и его отличия от очного обучения. Задачи: определить отношение преподавателей к дистанционному обучению; выявить особенности и границы действия дистанционного обучения; обосновать отличия дистанционного обучения от очного, установить условия оптимальной реализации дистанционного обучения.

Обзор литературы

Несмотря на большое количество литературы, посвященной данной проблематике, ответов на поставленные выше вопросы в источниках дано не было. Проблемы отличия дистанционного и очного обучения и специфики использования дистанционного обучения поднимаются в исследованиях отечественных и зарубежных ученых. Сравнение дистанционного и обычного обучения представлено в работах [1–6]. Вопросы применения синхронного дистанционного обучения, осуществляющегося в режиме реального времени при полной интерактивности взаимодействия

преподавателя и студентов и в сущности являющегося аналогом обычного очного обучения, обсуждались в исследованиях [7–15]. Использование асинхронного дистанционного обучения, осуществляющегося в ситуации, когда преподаватель и обучающийся не находятся в сети одновременно, рассматривалось в трудах [7; 9–23]. При такой форме обучения также возможны интерактивные взаимодействия, но не постоянные, а возникающие по мере необходимости. Асинхронное обучение основано на понимании того, что усвоение чужого опыта в любом случае идет самостоятельно, а все имеющиеся методики обучения оказывают лишь помощь в процессе самообучения [14; 24; 25]. Проблемы смешанного обучения анализировались в работах [7–9; 11–15; 17–19; 21; 22; 26–28]. Вопросы изменения функций преподавателей под воздействием современных информационных технологий рассмотрены в исследованиях [24; 25; 29–33], однако детально функции и возможности учителя не показаны.

Методология исследования

Изучение мнения преподавателей о дистанционном обучении проводилось в группе «Проблемы науки и образования» (в социальной сети Facebook¹), в которой состоят более 6 тыс. работающих педагогов и руководителей учебных учреждений. В двух опросах о достоинствах и недостатках дистанционного и очного обучения приняли участие более 250 человек. Опросы проводились 26 февраля 2021 г., когда широкое использование дистанционного обучения длилось примерно один год. Подробный анализ полученных данных является предметом отдельного специального исследования. В целом преподаватели отметили следующие недостатки дистанционного обучения:

- много времени уходит на проверку работ;
- невозможно «прочитать» по глазам студентов, кто понял, а кто не понял материал;
- требуются большие временные затраты на подготовку к занятиям;
- гораздо хуже работает обратная связь с аудиторией;
- дистанционное обучение менее эффективно, чем очное.

К достоинствам дистанционного обучения преподаватели отнесли следующее:

- более безопасно в период пандемии по сравнению с другими формами;
- не тратится время на дорогу.

Наш личный опыт общения с преподавателями в целом подтверждает данные опросов. Мы не проводили конкретного анкетирования, но в частных разговорах преподаватели называют все перечисленные недостатки и достоинства

¹ Компания Meta Platforms, владеющая социальными сетями Facebook и Instagram, признана экстремистской организацией, ее деятельность запрещена на территории РФ. *Meta Platforms, the parent company of Facebook and Instagram, is banned in the Russian Federation as an extremist organization.*

дистанционного образования. При этом сами студенты замечают, что они лишены привычной для них социальной коммуникации. Кроме того, на протяжении года автор сам использовал дистанционное обучение в образовательном процессе [21].

Мнение преподавателей о том, что при дистанционном обучении тратится намного больше времени на проверку работ, вероятнее всего, сводится к тому, что они, во-первых, только начинают использовать дистанционный формат, и у них нет наработанных методических материалов, во-вторых, пытаются повторить в дистанционном обучении очное.

Относительно способности «прочитать» что-либо по глазам студентов преподаватели указывают, что они могут это сделать. Но сама по себе задача, особенно в условиях больших групп, представляется крайне трудной, возможность ее решения вызывает большие сомнения. Экспериментальные данные о возможностях оперативной диагностики состояния студентов отсутствуют, а без них поверить в эффективность такой диагностики очень сложно.

Полученные данные о подготовке к занятиям представляются ожидаемыми. На первом этапе преподаватели будут тратить больше времени на такую подготовку, т. е. формат обучения новый. Можно предполагать, что после двух-трех лет дистанционной работы педагоги высказали бы иное. Отсутствие обратной связи от обучаемых свидетельствует только о том, что преподаватели не владеют техникой коммуникации в сети Интернет.

Куда большей проблемой является ограничение социальной коммуникации между студентами. Вуз воспринимается студентами (а подчас и преподавателями) не столько как среда для обучения, сколько как пространство для коммуникации, часто не связанной с обучением вообще. Учитывая, что дистанционное обучение широко распространено в течение очень малого промежутка времени, возможны два решения обозначенной проблемы. Первым является смешанное обучение, при котором происходит сочетание очного и дистанционного форматов. Второе решение видится в формировании специальных форм социальной коммуникации студентов, непосредственно не связанных с обучением: каких-либо общих мероприятий, занятий. В настоящий момент неясно, какими они будут и будут ли они вообще.

Результаты

Обучение – это процесс передачи и усвоения опыта. Процесс обучения всегда характеризуется наличием трех базовых составляющих: источника опыта, среды передачи опыта и приемника опыта. То есть обучение представляет собой стандартный информационный процесс. Рассмотрим выше три составляющие.

1. Источники опыта: другие люди, письменные работы (в классическом обучении), аудио- и видеоматериалы (характерны для современного общества).
2. Среда передачи опыта: аудитория (для формального и частично неформального образования), любое пространство жизнедеятельности человека

(для неформального образования), сеть Интернет (для формального, неформального и неформального образования).

3. Приемник опыта – человек.

Возникает закономерный вопрос о том, какое значение имеет каждый источник в образовательном процессе. Если речь идет об неформальном (стихийном) образовании, обозначить это значение, по-видимому, не представляется возможным. Действительно, прочтенная книга, случайно встреченный товарищ или просмотренная телепрограмма могут оказать на образование личности совершенно непредсказуемое воздействие. Поэтому определить роль источника информации в неформальном образовании едва ли возможно в силу того, что оно нецеленаправленно.

В случае с неформальным и тем более с формальным образованием ситуация иная. Источники информации совершенно неравнозначны. В любом случае источником информации является человек, он пишет книги, учебники, создает аудиоматериалы и видеоматериалы. Однако основная проблема образования состоит в том, что усвоение опыта представляет собой сложный, трудоемкий процесс, и чем более далек этот опыт от предыдущего опыта человека, чем меньше он соответствует внутренним способностям, характеру и таланту, тем сложнее он усваивается. Возникает необходимость в адаптации усваиваемого опыта к особенностям личности. Осуществлять такую адаптацию фактически может только конкретный человек, который и выполняет функцию учителя. Можно утверждать, что все действия учителя предназначены именно для того, чтобы адаптировать опыт других людей к особенностям обучающихся. На практике такая ситуация не совсем соответствует действительности, учителя часто вынуждены выполнять множество функций, не имеющих к данному процессу никакого отношения, но так должно быть.

Именно сложности, возникающие у людей при интернализации внешнего опыта, и вызвали необходимость появления учителей. При отсутствии учителя у учеников могут возникнуть фатальные проблемы с усвоением опыта. Например, обучение математике просто невозможно без человека, который бы объяснил ее основы ученику. Изучать физику с учителем значительно проще, чем без него. При этом подчеркнем, что под опытом мы понимаем всю совокупность феноменов внешней действительности, которую человек может освоить, т. е. овладеть ей.

Необходимым элементом формального и неформального обучения является учитель. Однако в настоящий момент появляются сообщения о том, что дистанционное образование может существовать без учителя, и на этом основании происходят увольнения преподавателей.

В силу изложенного выше такая постановка вопроса представляется неприемлемой. У каждого ученика свой собственный опыт, свои способности к усвоению того или иного материала. Никто и никогда не сможет предсказать, какому ученику и в каких ситуациях потребуется помощь в усвоении того или иного учебного материала. Поэтому без учителя процесс обучения может быть очень затруднен.

Нам возразят, что люди учатся и без учителей, порой получая очень хорошие результаты, и это правда. Но в условиях самообразования ученик учится исключительно тому, что считает нужным сам, и сам определяет количество часов, необходимых ему для обучения. Когда речь идет о формальном обучении, временные ресурсы в любом случае будут ограничены. Таким образом, учитель является необходимым элементом формального образования, как бы оно не реализовывалось. Учитель является посредником в процессе передачи опыта от источника к приемнику через среду, причем это происходит даже в том случае, если он сам является источником опыта. Учитель приводит информацию в форму, необходимую для усвоения конкретному ученику в конкретной образовательной ситуации, со всей спецификой и особенностями того и другого.

Вторым базовым вопросом является вопрос о способах организации дистанционного обучения. В Законе об образовании «под электронным обучением понимается организация образовательной деятельности с применением содержащейся в базах данных и используемой при реализации образовательных программ информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий, технических средств, а также информационно-телекоммуникационных сетей, обеспечивающих передачу по линиям связи указанной информации, взаимодействие обучающихся и педагогических работников. Под дистанционными образовательными технологиями понимаются образовательные технологии, реализуемые в основном с применением информационно-телекоммуникационных сетей при опосредованном (на расстоянии) взаимодействии обучающихся и педагогических работников»².

Таким образом, дистанционное обучение – это обучение, при котором источник передачи опыта (человек) находится в разных пространствах с приемником опыта (другим человеком). Наличие дистанционного образования не является свойством информационного общества. Само такое образование появилось с широким развитием почты и могло (и может) существовать без компьютерных сетей, однако, учитывая распространенность информационных технологий, можно считать, что дистанционное образование связано именно с развитием сети Интернет как таковой.

Вместе с тем, появление современных информационных технологий вызвало к существованию особую форму организации дистанционного обучения – синхронное обучение, т. е. обучение, когда обучающие и обучающиеся находятся в разных пространствах, но в одном и том же времени. То есть синхронное дистанционное обучение – это обучение студентов, находящихся на расстоянии от преподавателя, в режиме реального времени. Однако такой способ обучения был невозможен до появления современных информационных технологий.

Развитие эпидемии COVID-19 заставило учебные заведения в массовом порядке переходить на дистанционное обучение. Естественно, что первым желанием всех субъектов

образования было повторить в дистанционном обучении очное обучение. И, казалось бы, это желание абсолютно верное и оправданное. Однако насколько эффективным будет такое обучение? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим возможности дистанционного обучения и сравним синхронное дистанционное обучение, асинхронное дистанционное обучение и очное обучение (табл.).

На основании табл. можно сделать следующие выводы:

1. Синхронное обучение намного ближе к очному, чем к асинхронному. Фактически синхронное обучение отличается от очного только по двум свойствам. Во-первых, при синхронном обучении можно просматривать учебные материалы при помощи любого устройства, имеющего доступ к сети Интернет, и во-вторых, с его помощью нельзя осуществлять обучение там, где требуются лаборатории. Реализовывать личные контакты между преподавателями и студентами можно при помощи синхронного обучения

Табл. Сравнение трех форм обучения

Tab. Face-to-face, distance synchronous, and distance asynchronous education modes

Возможность	Очное обучение	Синхронное обучение	Асинхронное обучение
Выкладывать аудио- и видеоматериалы любого формата и объема	-	-	+
Просматривать учебные материалы неограниченное количество раз	-	-	+
Просматривать учебные материалы в любое время	-	-	+
Использовать для просмотра материалов любые устройства, имеющие доступ к Интернету	-	+	+
Консультироваться в любой момент времени	-	-	+
Получать ответы в любой момент времени	-	-	+
Консультироваться индивидуально в любое время	-	-	+
Консультироваться в групповом режиме работы	+	+	+
Консультироваться столько времени, сколько нужно	-	-	+
Смотреть материалы без потери информации	-	-	+
Учить только тех, кто не знает / не владеет навыками	-	-	+
Учиться у лучших преподавателей мира	-	-	+
Устанавливать личный контакт между преподавателями и студентами	+	+ / -	+ / -
Работать с лабораторией, приборами, инструментами или телом	+	-	-

² Об образовании в Российской Федерации. ФЗ от 29.12.2012 № 273-ФЗ. СПС КонсультантПлюс.

лишь частично. Относительно реализации синхронным обучением возможностей дистанционного обучения в целом отметим, что оно (помимо двух вышеперечисленных свойств) позволяет осуществлять обучение в групповом режиме, т. е. учить целые группы. Остальные возможности дистанционного обучения синхронное обучение реализовать не может.

2. В случае использования мобильных информационных технологий, таких как смартфоны и мессенджеры, происходит фактическое слияние синхронного и асинхронного обучения. Преподаватель находится на связи практически все время за исключением ситуаций, когда он не имеет доступа к сети Интернет.

3. При помощи очного обучения нельзя реализовать никакие возможности дистанционного обучения за исключением групповой работы. Однако основная специфика очного обучения в том, что оно может полностью реализовать личные контакты между преподавателем и студентами, а также лабораторное обучение и обучение работе с инструментами и телом.

4. Асинхронное обучение не позволяет реализовать полностью только одну возможность очного обучения – лабораторное обучение. Возможность личного контакта между преподавателями и студентами оно может реализовать лишь частично.

5. Именно потому, что дистанционное обучение не может реализовать лабораторное обучение и обучение там, где задействовано тело, формальное дистанционное обучение никогда не сможет полностью заменить очное дистанционное обучение. При подготовке любого специалиста преподаватели так или иначе используют практические работы и задания, и на всех специальностях присутствует такой учебный предмет, как физкультура, который дистанционно качественно реализовать невозможно. Другое дело – соотношение очной и дистанционной форм обучения любого вида (синхронной, асинхронной или смешанной). В разных специальностях оно будет различным.

6. Когда асинхронное обучение реализовывается в режиме реального времени, оно становится синхронным обучением. Поэтому, когда в образовательной практике используется асинхронное обучение, чаще всего в него встроены элементы синхронного обучения.

7. По-настоящему дистанционным можно назвать лишь обучение, разделенное во времени и пространстве или позволяющее создавать такое разделение, а им является лишь асинхронное обучение.

Такая специфика дистанционного образования позволяет сформулировать следующие черты, отличающие его от очного образования:

1. Не привязано ни к конкретному времени, ни к конкретному пространству, т. е. оно является более гибким, может осуществляться тогда, когда и там, где оно реально необходимо.

2. Не ограничено конкретным преподавателем по конкретному предмету; студент может слушать и смотреть занятия разных преподавателей.

3. Может быть организовано при помощи совершенно разных программных, технических средств разными способами, т. е. оно более вариативное по способам организации.

4. Более лично ориентированное, т. к. позволяет реализовать личное обучение каждого студента без учета каких-либо временных и пространственных ограничений.

5. Предназначено для студентов, целью которых является не социальная коммуникация, не просто проведение времени внутри образовательного учреждения, а именно обучение в вузе, т. е. приобретение новых знаний, умений и навыков.

Заключение

Для того, чтобы дистанционное обучение было эффективным, нужно соблюдение следующих условий:

1. Сочетание элементов синхронного и асинхронного обучения. Использование того или иного способа обучения в чистом виде снижает эффективность обучения.

2. Наличие учителя, осуществляющего и руководящего дистанционным обучением. Просто выложенные в сеть материалы (даже самых лучших учителей и профессоров) не смогут дать необходимого обучающего эффекта.

3. Нельзя проводить дистанционное обучение как точную копию очного обучения. По результатам опроса большинство преподавателей не видят основных достоинств дистанционного обучения; они пытаются точно скопировать то, что они привыкли делать в очном формате, и сталкиваются при этом с серьезными проблемами.

Таким образом, можно утверждать, что в целом эффективность дистанционного обучения значительно выше, чем очного обучения, за исключением необходимости обучения работе с лабораторным оборудованием, инструментами и телом.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Финансирование: Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания № 073-00057-21-01 на выполнение прикладного научного исследования по теме «Научно-методологические и методические рекомендации по институционализации онлайн-образования в трансформирующейся образовательной среде среднего профессионального образования» (дополнительное соглашение Министерства просвещения РФ и ФГБОУ ВО «ГГПИ» № 073-03-2021-037/2 от 21.07.2021).

Funding: The article was written as part of state assignment No. 073-00057-21-01 "Scientific, methodological, and methodological recommendations for the institutionalization of online education in the transforming academic environment of vocational education" (Agreement between the Ministry of Education of the Russian Federation and Glazov Korolenko State Pedagogical Institute No. 073-03-2021-037/2 dated July 21, 2021).

Литература / References

1. Таран Е. М. Применение традиционных и дистанционных форм обучения, их отличия. *Инновационные технологии в современном образовании*: сб. тр. по мат-лам II Междунар. науч.-практ. Интернет-конф. (Королев, 19 декабря 2014 г.) Королев: Алькор Паблшерс; ФТА, 2015. С. 382–387.
Taran E. M. The use of traditional and distance learning, their differences. *Innovative technologies in modern education: Proc. II Intern. Sci.-Prac. Internet-Conf.*, Korolev, 19 Dec 2014. Korolev: Alkor Publishers; FTA, 2015, 382–387. (In Russ.)
2. Горовая О. А. Профессиональное образование в условиях дистанционного обучения. *Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров*. 2009. № 2. С. 92–98.
Gorovaya O. A. Professional education in the context of distance learning. *Nauchnoe obespechenie sistemy povysheniia kvalifikatsii kadrov*, 2009, (2): 92–98. (In Russ.)
3. Alshehri Y. A., Mordhah N., Alsibiani S., Alsobhi S., Alnazzawi N. How the regular teaching converted to fully online teaching in Saudi Arabia during the Coronavirus COVID-19. *Creative Education*, 2020, 11(7): 985–996. <https://doi.org/10.4236/ce.2020.117071>
4. Zacharias G., Giossos Y. Differences between regular and distance education in a teacher's training program. *European Journal of Open, Distance and E-Learning*, 2017, 20(2): 17–29. <https://doi.org/10.1515/eurodl-2017-0014>
5. Hebebcı M. T., Bertiz Y., Alan S. Investigation of views of students and teachers on distance education practices during the Coronavirus (COVID-19) pandemic. *International Journal of Technology in Education and Science*, 2020, 4(4): 267–282. <https://doi.org/10.46328/ijtes.v4i4.113>
6. Karalis T., Raikou N. Teaching at the times of COVID-19: inferences and implications for higher education pedagogy. *International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences*, 2020, 10(5): 479–493. <http://dx.doi.org/10.6007/IJARBS/v10-i5/7219>
7. Поленова А. Ю., Пшегусова Г. С., Числова А. С. Образовательный потенциал синхронного и асинхронного обучения в неязыковом вузе. *Образование. Наука. Инновации: Южное измерение*. 2011. № 1. С. 60–67.
Polenova A. Yu., Pshergusova G. S., Chislova A. S. The educational potential of synchronous and asynchronous learning in a non-linguistic university. *Obrazovanie. Nauka. Innovatsii: Iuzhnoe izmerenie*, 2011, (1): 60–67. (In Russ.)
8. Львова Ю. А., Карпенко А. Е. Особенности коммуникации в МООК. *Инновационные технологии в науке и образовании*: сб. ст. IV Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 25 мая 2017 г.) Пенза: Наука и Просвещение, 2017. Ч. 2. С. 133–135.
Lvova Yu. A., Karpenko A. E. Peculiarities of communication in MOOC. *Innovative technologies in science and education: Proc. IV Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Penza, 25 May 2017. Penza: Nauka i Prosveshchenie, 2017, pt. 2, 133–135. (In Russ.)
9. Shahabadi M. M., Uplane M. M. Synchronous and asynchronous e-learning styles and academic performance of e-learners. *Procedia – Social and Behavioral Sciences: Proc. 14th Intern. Educational Technology Conf. (IETC 2014)*, Chicago, 3–5 Sep 2014. Oxford: Elsevier, 2015, vol. 176, 129–138. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.01.453>
10. Offir B., Lev Y., Bezalel R. Surface and deep learning processes in distance education: synchronous versus asynchronous systems. *Computers & Education*, 2008, 51(3): 1172–1183. <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2007.10.009>
11. Worthington T. Synchronizing asynchronous learning – combining synchronous and asynchronous techniques. *Proc. 8th Intern. Conf. on Computer Science & Education (ICCSE 2013)*, Colombo, 26–28 Apr 2013. IEEE, 2013, 618–621. <https://doi.org/10.1109/ICCSE.2013.6553983>
12. Yamagata-Lynch L. C. Blending online asynchronous and synchronous learning. *International Review of Research in Open and Distributed Learning*, 2014, 15(2): 189–212. <https://doi.org/10.19173/irrodl.v15i2.1778>
13. Nieuwoudt J. E. Investigating synchronous and asynchronous class attendance as predictors of academic success in online education. *Australasian Journal of Educational Technology*, 2020, 36(3): 15–25. <https://doi.org/10.14742/ajet.5137>
14. Careaga-Butter M., Badilla-Quintana M. G., Fuentes-Henríquez C. Critical and prospective analysis of online education in pandemic and post-pandemic contexts: digital tools and resources to support teaching in synchronous and asynchronous learning modalities. *Aloma*, 2020, 38(2): 23–32. <https://doi.org/10.51698/aloma.2020.38.2.23-32>
15. Стариченко Б. Е. Синхронная и асинхронная организация учебного процесса в вузе на основе информационно-технологической модели обучения. *Педагогическое образование в России*. 2013. № 3. С. 23–31.
Starichenko B. E. Managing students' educational activity during lectures involving CRS. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*, 2013, (3): 23–31. (In Russ.)
16. Михайлова Н. В. Особенности организации асинхронного обучения студентов вуза в электронной среде. *Вестник Оренбургского государственного университета*. 2012. № 2. С. 149–154.
Mikhailova N. V. Features of organization of asynchronous learning university students in an electronic environment. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, (2): 149–154. (In Russ.)
17. Севостьянова О. М. Смешанное обучение студентов очного отделения графическим дисциплинам. *Вестник Самарского государственного технического университета. Сер.: Психолого-педагогические науки*. 2018. № 2. С. 159–169.

- Sevostyanova O. M. Remote student training of students of the early division. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Ser.: Psikhologo-pedagogicheskie nauki*, 2018, (2): 159–169. (In Russ.)
18. Шеманаева М. А. Индивидуальная образовательная траектория как форма синхронно-асинхронной образовательной деятельности. *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*. 2017. № 9. С. 110–120. <https://doi.org/10.24422/MCITO.2017.9.7470>
 - Shemanaeva M. A. Individual learning path as synergy of synchronous and asynchronous learning. *Koncept*, 2017, (9): 110–120. (In Russ.) <https://doi.org/10.24422/MCITO.2017.9.7470>
 19. Chou C. C. A comparative content analysis of student interaction in synchronous and asynchronous learning networks. *HICSS-35: Proc. 35th Annual Hawaii Intern. Conf. on System Sciences*, Big Island, Hawaii, 7–10 Jan 2002. Los Alamitos: IEEE, 2002, 1795–1803. <https://doi.org/10.1109/HICSS.2002.994093>
 20. Buxton E. C. Pharmacists' perception of synchronous versus asynchronous distance learning for continuing education programs. *American Journal of Pharmaceutical Education*, 2014, 78(1). <https://doi.org/10.5688/ajpe7818>
 21. Эрштейн Л. Б. Синхронно-асинхронное дистанционное обучение информационным технологиям на примере Microsoft Access. *Профессиональное образование и рынок труда*. 2021. № 3. С. 60–74. <https://doi.org/10.52944/PORT.2021.46.3.005>
 - Ershteyn L. B. Synchronous-asynchronous distance learning in the process of teaching information technology on the example of Microsoft Access. *Vocational Education and Labour Market*, 2021, (3): 60–74. (In Russ.) <https://doi.org/10.52944/PORT.2021.46.3.005>
 22. Lin X., Gao L. Students' sense of community and perspectives of taking synchronous and asynchronous online courses. *Asian Journal of Distance Education*, 2020, 15(1): 169–179. <https://doi.org/10.5281/zenodo.3881614>
 23. Brady A. K., Pradhan D. Learning without borders: asynchronous and distance learning in the age of COVID-19 and beyond. *ATS Scholar*, 2020, 1(3): 233–242. <https://doi.org/10.34197/ats-scholar.2020-0046PS>
 24. Бурлакова Н. В. Изменение функции и роли преподавателя в условиях использования новых образовательных технологий. *Инновации в образовании*. 2006. № 3. С. 33–36.
 - Burlakova N. V. Changing the function and role of the teacher in the context of the use of new educational technologies. *Innovatsii v obrazovanii*, 2006, (3): 33–36. (In Russ.)
 25. Ковтун Е. Н., Родионова С. Е. Нагрузка преподавателей и студентов в новых условиях обучения: принципы планирования и учета. *Филология и культура. Philology and Culture*. 2012. № 2. С. 59–63.
 - Kovtun E. N., Rodionova S. E. Students' and teachers' workload under the new teaching conditions: planning and accounting principles. *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture*, 2012, (2): 59–63. (In Russ.)
 26. Brierton S., Wilson E., Kistler M. J., Flowers J. L., Jones D. A comparison of higher order thinking skills demonstrated in synchronous and asynchronous online college discussion posts. *NACTA Journal*, 2016, 60(1): 14–21.
 27. Дьяконов Б. П. Перспективы дистанционного образования. *Профессиональное образование. Столица*. 2013. № 1. С. 40–41.
 - Dyakonov B. P. Prospects for distance education. *Professionalnoe obrazovanie. Stolitsa*, 2013, (1): 40–41. (In Russ.)
 28. Rehman R., Fatima S. S. An innovation in Flipped Class Room: a teaching model to facilitate synchronous and asynchronous learning during a pandemic. *Pak J Med Sci*, 2021, 37(1): 131–136. <https://doi.org/10.12669/pjms.37.1.3096>
 29. Лесин С. М. Роль и функции преподавателя, применяющего возможности дистанционного обучения, в современной системе профессиональной подготовки студентов. *Интерактивное образование*. 2017. № 1. С. 36–39.
 - Lesin S. M. The role and functions of a teacher who applies the possibilities of distance learning in the modern system of professional training of students. *Interaktivnoe obrazovanie*, 2017, (1): 36–39. (In Russ.)
 30. Романова О. В. Функции преподавателя и студента в информационной образовательной среде вуза. *Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского*. 2012. № 28. С. 1006–1011.
 - Romanova O. V. The functions of a teacher and a student in the information educational environment of a university. *Izv. Penz. gos. pedagog. univ. im. V. G. Belinskogo*, 2012, (28): 1006–1011. (In Russ.)
 31. Dool P. C. van den, Kirschner P. A. Integrating the educative functions of information and communications technology (ICT) in teachers' and learners' toolboxes: a reflection on pedagogical benchmarks for ICT in teacher education. *Technology, Pedagogy and Education*, 2003, 12(1): 161–179. <https://doi.org/10.1080/14759390300200151>
 32. Badia A., Liesa E., Becerril L., Mayoral P. A dialogical self approach to the conceptualisation of teacher-inquirer identity. *European Journal of Psychology of Education*, 2020, 35(4): 865–879. <https://doi.org/10.1007/s10212-019-00459-z>
 33. Buhl M. New teacher functions in cyberspace – on technology, mass media and education. *Seminar.net*, 2008, 4(1). <https://doi.org/10.7577/seminar.2492>

оригинальная статья

Содержательные характеристики суверенности во взаимосвязи с личностными параметрами подростков в условиях образовательной среды

Креца́н Зоя Викторовна

Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово
z.kretsan@gmail.com

Морозов Евгений Владимирович

Средняя общеобразовательная школа № 99, Россия, г. Кемерово

Поступила в редакцию 01.03.2022. Принята после рецензирования 29.03.2022. Принята в печать 04.04.2022.

Аннотация: Статья посвящена изучению взаимосвязи содержательных характеристик суверенности психологического пространства обучающихся подросткового возраста с такими личностными параметрами, как адаптивность и стратегии поведения. В качестве предмета исследования определены содержательные характеристики суверенности психологического пространства обучающихся подростков. Цель – выявить, теоретически обосновать и эмпирически проинтерпретировать наличие специфических проявлений сохранности границ психологического пространства личности обучающегося, рассмотреть возможности учета их функционирования в условиях образовательной организации. Проанализированы данные о специфике содержательного наполнения феномена суверенности, описаны результаты исследования влияния различных образовательных сред (в том числе и образовательных организаций закрытого типа) на развитие суверенности представителей подросткового и юношеского возраста. Описаны интерпретации понятия *суверенность* во взаимосвязи с личностными характеристиками, проявляющимися в подростковом возрасте. Определена взаимосвязь суверенности психологического пространства и личностных особенностей обучающихся Средней общеобразовательной школы № 99 города Кемерово в возрасте 16–17 лет. Исследованы характеристики суверенности психологического пространства подростков с учетом их гендерной принадлежности. Предложены практические рекомендации по организации образовательного пространства с учетом выявленных особенностей суверенности во взаимосвязи с личностными характеристиками, свойственными юношам и девушкам.

Ключевые слова: суверенность, образовательное пространство, обучающиеся подросткового возраста, границы психологического пространства, автономия, механизмы суверенизации, адаптивность, локус контроля, гендерные различия

Цитирование: Креца́н З. В., Морозов Е. В. Содержательные характеристики суверенности во взаимосвязи с личностными параметрами подростков в условиях образовательной среды. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2022. Т. 6. № 2. С. 102–109. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2022-6-2-102-109>

full article

Self-Reliance and Personality Parameters in High School Students

Zoya V. Kretsan

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
z.kretsan@gmail.com

Evgeny V. Morozov

Secondary School No. 99, Russia, Kemerovo

Received 1 Mar 2022. Accepted after peer review 29 Mar 2022. Accepted for publication 4 Apr 2022.

Abstract: The article features the content characteristics of self-reliance in adolescent students in conjunction with such personality parameters as adaptability and behavior strategies. The research objective was to identify, substantiate, and interpret specific manifestations of psychological space integrity in order to improve academic environment. The article describes the content of the self-reliance phenomenon and introduces the results of a study of how various academic environments affect its development, e.g., in boarding-school students. The experiment involved 46 comprehensive school students aged 16–17 and covered the dependence of self-reliance on gender factor and personality. The results can help improve the organization of academic space environment.

Keywords: self-reliance, academic space, teenage students, boundaries of psychological space, autonomy, self-reliance mechanisms, adaptability, locus of control, gender differences

Citation: Kretsan Z. V., Morozov E. V. Self-Reliance and Personality Parameters in High School Students. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2022, 6(2): 102–109. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2022-6-2-102-109>

Введение

Специфика современной ситуации развития характеризуется наличием ускорения темпов трансформации общественных структур, усложнением форм жизни общества, актуализацией вариативных форм реагирования субъектов на вызовы окружающей действительности. Проблематика современности имеет многочисленные интерпретации происходящих событий как с позиции временных трансформаций, так и с позиции пространственных изменений. В ситуации изменений актуализируется задача обеспечения условий для развития личности, обладающей критическим мышлением, способностью к самоанализу, рефлексии, прогнозированию последствий принятых решений.

Становление феномена суверенности психологического пространства актуализируется в условиях изменения субъективных суждений относительно ресурсов развития и роли самой личности в процессе осознания своих собственных компетенций и возможностей, достижения поставленных целей.

Следует согласиться с точкой зрения С. Я. Телегиной, согласно которой суверенность как сохранность границ психологического пространства выступает личностной чертой, развивающейся на протяжении всего периода детства, а с периода подростничества начинающей активно участвовать в самоорганизации личности во всех сферах ее жизнедеятельности [1, с. 150].

Данное утверждение актуализирует позицию С. К. Нартовой-Бочавер, определяющей подростковый возраст в качестве бифуркационной точки, инициирующей процесс трансформации детской спонтанности в автономию и интеграцию механизма суверенизации [2]. Согласно позиции О. А. Карabanовой и Н. Н. Поскребышевой, автономия как личностный конструкт неразрывно связана с системой социальных отношений и рассматривается как новообразование подросткового возраста [3, с. 45]. Нам импонирует точка зрения М. Ю. Лукова, предлагающего рассматривать суверенность психологического пространства личности в качестве основы личностной автономии [4, с. 94]. Именно поэтому наш интерес к проблеме осознания границ собственного психологического пространства подростков связан с учетом их личностных особенностей.

По мнению Т. В. Левковой, психологическое пространство личности следует изучать через призму учета признаков психического феномена. К их числу автор относит факт переживания границ, которые могут быть нарушены или сохранены; наличие состояния покоя или беспокойности относительно последствий этого переживания; поведенческие реакции, обусловленные этими переживаниями [5, с. 65]. Изучая психологическое пространство, М. А. Щукина и А. А. Жданова предлагают модель, в которой определены и описаны внешняя, внутренняя и пограничная зоны [6, с. 115]. О существовании виртуального психологического пространства личности заявляет в своем исследовании, посвященном разработке диагностического

инструментария выявления характеристик личностной суверенности в интернет-среде, А. А. Шаповаленко [7, с. 21].

Л. В. Скорова предлагает рассматривать суверенность как системное качество личности, наличие которого обеспечивает субъекту контроль психологического пространства и успешность разрешения жизненных задач в процессе определения собственного авторства по отношению к жизненному пути [8, с. 75]. Эти утверждения подтверждены данными, полученными на выборке представителей педагогического сообщества, согласно которым респонденты, обладающие высоким уровнем суверенности, характеризуются личностной автономией, способностью к самоконструированию, независимостью вкусов и ценностей [9, с. 89]. При этом необходимо учитывать, что, согласно исследованию С. К. Нартовой-Бочавер, существуют так называемые психофизиологические «ограничители» развития суверенности, к числу которых автор относит ингибицию активности и склонность фиксироваться на возможных опасностях и неудачах [10, с. 378].

На основании собственных исследований Н. В. Буравцова предлагает рассматривать суверенность психологического пространства как фактор, способствующий развитию ценностно-смысловой сферы личности [11]. А. С. Кочарян, А. А. Макаренко и С. Чжао констатируют влияние суверенности на становление эмоциональной зрелости [12, с. 38].

В работе Е. Н. Паниной описана взаимосвязь психологической суверенности с субъективным благополучием личности [13]. Наличие взаимосвязей психологической суверенности и особенностей межличностных отношений доказывают Е. А. Водинчар и Л. А. Орлик [14]. Зависимость уровня суверенности от наличия посттравматического стресса рассматривает Н. Е. Харламенкова. Автор считает, что при наличии высокого уровня посттравматического стресса проявляется депривированность психологического пространства в показателях суверенности физического тела, суверенности территории и суверенности личных вещей [15, с. 96].

К. В. Мартиросян исследовала проявления суверенности у представителей русской и армянской диаспор с учетом гендерной принадлежности. Автор заключает, что у 70 % выборки преобладают средние (нормальная суверенность) и высокие (сверхсуверенность) показатели. Проведенный анализ свидетельствует о наличии способности контролировать, защищать и развивать свое психологическое пространство, обеспечивать успешность разрешения жизненных задач. У 30 % респондентов выявлены проявления депривированности психологического пространства [16]. Ю. В. Трофимова отмечает наличие различий между группами «суверенных» и «депривированных» юношей и девушек, проявляющихся в плане открытости к действиям, готовности действовать в меняющихся и неопределенных обстоятельствах, способности сохранять активность в деятельности на протяжении длительного времени [17, с. 339].

М. В. Сафонова и Д. А. Тихонова устанавливают наличие значимых различий в проявлениях видов суверенности в группах девочек и мальчиков. По данным авторов, для мальчиков характерна суверенность собственного тела и личных вещей, а девочки демонстрируют суверенность привычек, вкусов и ценностей [18, с. 121].

Е. А. Мартыненко описывает сходные тенденции, полученные на выборке из 40 курсантов Новороссийского филиала Краснодарского университета, проживающих в общежитии на закрытой территории университета. Автор приводит убедительные доказательства того, что существуют гендерные различия таких показателей суверенности, как суверенность «физического тела», «мира вещей» и «привычек» [19, с. 351].

В. И. Екимова и Е. А. Орлова, описывая проявления суверенности воспитанников кадетского корпуса, относят к их числу свободу самовыражения личности, выбора субъектов общения. При этом авторы подчеркивают влияние образовательной среды закрытого учреждения на становление суверенности [20, с. 35].

По мнению современных исследователей, феномен суверенности следует рассматривать с позиции процессуальности, изменчивости и активности. А. В. Клочко и О. М. Краснорядцева понимают под суверенностью результат становления человека в открытой психологической системе [21]. Н. А. Викдорова, И. С. Морозова и Е. В. Морозов предлагают рассматривать суверенность как процесс уравнивания внутренней активности и внешних воздействий [22, с. 26]. Я. К. Смирнова описывает понятие суверенной самодетерминации, интерпретируя

ее как избирательное взаимодействие личности со средой на основе принципа порождения новой реальности в противовес субъективному отражению объективной реальности [23, с. 76].

В разрабатываемой В. Е. Клочко и Э. В. Галажинским теории психологических систем феномен суверенности обладает детерминирующими свойствами, обеспечивая развитие способности к самоосуществлению, творческому самоконструированию [24, с. 41]. Суверенизацию как процесс, совпадающий с онтогенетическими изменениями, следует рассматривать как динамически изменяющуюся способность самостоятельно и устойчиво развиваться в неустойчивых обстоятельствах жизни.

Методы и материалы

Исследование сохранности границ психологического пространства личности обучающегося во взаимосвязи с личностными особенностями было проведено на выборке из 46 старших школьников (20 мальчиков и 26 девочек) 16–17 лет, обучающихся в МБОУ СОШ № 99 г. Кемерово.

На организационном этапе был осуществлен подбор методик для исследования суверенности границ психологического пространства личности обучающегося во взаимосвязи с такими личностными параметрами, как адаптивность и стратегии поведения (табл. 1).

Для математической обработки данных применялись методы математико-статистического анализа (описательная статистика), корреляционный анализ К. Пирсона, t-критерий Стьюдента для независимых выборок. Статистические различия принимались при $p < 0,05$.

Табл. 1. Методики исследования суверенности границ психологического пространства личности старшеклассников

Tab. 1. Methods for studying self-reliance of psychological space in high school students

Критерий	Методика	Показатели
Способность регуляции «открытости – закрытости» субъекта	«Суверенность психологического пространства-2010» С. К. Нартовой-Бочавер [25]	<ul style="list-style-type: none"> • общий показатель психологической суверенности личности; • суверенность физического тела; • суверенность территории; • суверенность мира вещей; • суверенность привычек; • суверенность социальных связей; • суверенность ценностей
Способность адаптироваться к условиям образовательного пространства	Методика диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда (в адаптации В. И. Осницкого) [26]	<ul style="list-style-type: none"> • адаптация; • самоприятие; • принятие других; • эмоциональная комфортность; • интернальность; • стремление к доминированию
Способность выбирать конструктивные стратегии поведения	Опросник Н. Н. Мельниковой (форма АСП-1, для подростков) [27]	<ul style="list-style-type: none"> • стратегия «Активное изменение среды»; • стратегия «Активное изменение себя»; • стратегия «Уход из среды и поиск новой»; • стратегия «Уход от контакта со средой и погружение во внутренний мир»; • стратегия «Пассивная репрезентация себя»; • стратегия «Пассивное подчинение условиям среды»; • стратегия «Пассивное выжидание внешних изменений»; • стратегия «Пассивное ожидание внутренних изменений»

Результаты

На основании полученных данных корреляционного анализа на общей выборке испытуемых нами были определены выраженные корреляционные взаимосвязи (табл. 2).

Табл. 2. Корреляционные связи между параметрами суверенности и личностными характеристиками обучающихся

Tab. 2. Correlations between the parameters of self-reliance and personality characteristics

Суверенность	Адаптивность	Непринятие себя	Непринятие других	Эмоциональный дискомфорт	Экстернальный локус контроля	Ведомость	Эскапизм	Стратегия приспособления
физического тела	0,41	-0,44	-0,36	-0,45	-0,39	-0,36	-0,46	-
территории	-	-0,33	-	-0,42	-0,32	-	-0,36	-
социальных связей	-	-	-	-0,43	-	-	-0,44	0,33
ценностей	-	-0,38	-0,33	-0,45	-0,36	-0,35	-	0,36

Суверенность физического тела положительно связана с адаптивностью личности, что позволяет утверждать прямую зависимость способности к адаптации с осознанием границ психологического пространства собственного тела. При этом суверенность физического тела отрицательно связана с принятием себя и других, эмоциональным дискомфортом, экстернальным локусом контроля, ведомостью и эскапизмом. Чем ниже уровень способности контролировать, защищать и развивать границы психологического пространства своего физического тела, тем выше уровень неприятия самого себя и окружающих людей, тем больше перенос ответственности за события на окружающих людей и проявление ведомости и избегания проблем в окружающей действительности.

Суверенность территории отрицательно связана с принятием себя, эмоциональным дискомфортом, экстернальным локусом контроля и эскапизмом. Чем более выражена депривированность суверенности территории, тем выше уровень неприятия самого себя, чувство эмоционального дискомфорта и стремление избегать проблемы в окружающей действительности.

Суверенность социальных связей отрицательно связана с эмоциональным дискомфортом и эскапизмом. Чем более выражена депривированность суверенности социальных связей, тем выше уровень эмоционального дискомфорта и стремление избегать проблемы в окружающей действительности. Положительные взаимосвязи суверенности социальных связей выявлены с доминированием стратегии приспособления, что позволяет констатировать зависимость выраженности готовности адаптироваться посредством пассивного выжидания внешних изменений от уровня готовности действовать в меняющихся и неопределённых обстоятельствах, способности проявлять активность в межличностном взаимодействии.

Суверенность ценностей отрицательно связана с принятием себя, принятием других, эмоциональным дискомфортом, экстернальным локусом контроля и ведомостью. Чем более выражена депривированность суверенности ценности, тем выше уровень неприятия самого себя и других, чувство эмоционального дискомфорта и ведомость. Положительные взаимосвязи суверенности ценностей выявлены с доминированием стратегии приспособления, что позволяет зафиксировать зависимость выраженности готовности адаптироваться посредством пассивного выжидания внешних изменений от уровня способности опираться на свои мировоззренческие установки и диспозиции.

На следующем этапе мы проанализировали особенности проявлений суверенности как сохранности границ психологического пространства подростков с учетом гендерной принадлежности (табл. 3).

Описательный анализ результатов в конкретной выборке подростков 15–17 лет обоих полов констатировал высокий и повышенный уровни адаптивности, но низкий уровень ведомости. Результаты подтверждают свою достоверность особенностями подросткового возраста и внешними факторами, отраженными в росте самостоятельности, усложнении внутреннего мира и формировании личностных свойств. Полученные данные коррелируют с результатами исследованиями С. В. Чебровской, изучающей самостоятельность как интегрированное свойство личности [28, с. 57].

Табл. 3. Средние значения показателей психологической суверенности личности с учетом гендерной принадлежности

Tab. 3. Mean values of psychological self-reliance, by gender

Показатель	Мальчики	Девочки	t	p
Общий показатель психологической суверенности личности	5,58	4,36	2,03	0,04
Суверенность физического тела	5,89	4,73	3,32	0,02
Суверенность территории	6,11	4,89	4,81	0,00
Суверенность мира вещей	5,78	5,10	1,54	0,13
Суверенность привычек	5,73	5,42	1,06	0,29
Суверенность социальных связей	5,84	5,21	1,46	0,15
Суверенность ценностей	6,00	5,15	2,33	0,03
Адаптация	7,17	6,52	1,86	0,07
Самоприятие	6,63	7,63	-2,22	0,03
Принятие других	7,10	6,52	1,35	0,18
Эмоциональная комфортность	7,52	5,89	2,87	0,02
Интернальность	7,52	6,78	1,73	0,09
Ведомость	4,31	4,57	-0,54	0,58
Стремление к доминированию	5,05	5,36	-0,53	0,59

По результатам сравнительного анализа двух гендерных выборок выявлены существенные различия по таким показателям суверенности психологического пространства, как *общий показатель психологической суверенности личности, физическое тело, территория, ценности*. По остальным показателям суверенности статистически значимых различий не выявлено.

У представителей мужского пола выявлены более высокие по сравнению с девушками подросткового возраста показатели проявления суверенности по параметру *физическое тело*. Мальчики-подростки чувствуют себя более свободными в действиях и поступках, вплоть до удовлетворения физиологических потребностей.

Статистически значимые различия по показателю *территория* могут свидетельствовать о том, что почти все подростки мужского пола хотели бы, чтобы их жизнь шла в привычном для них ритме, они стремятся взаимодействовать и не опасаются новых контактов. Девочки в меньшей степени стремятся к новым контактам. Непредсказуемость окружающей среды заставляет девушек испытывать больший дискомфорт и разочарования, чем юношей.

Установлены значимые различия по показателю *самопринятие*, иллюстрирующие большую выраженность принятия самого себя и своих индивидуальных особенностей.

При отсутствии значимых отличий по показателю *принятие других* у юношей и девушек констатируется разный уровень выраженности показателя *эмоциональная комфортность*. Преобладание выраженности данного параметра у девушек можно объяснить тем, что они являются более эмоциональными, в том числе в переживании эмоционального дискомфорта.

Полученные данные мы предлагаем рассматривать в качестве важной информации, востребованной в процессе организации межличностного взаимодействия подростков в различных видах деятельности.

Необходимость учета индивидуальных особенностей в процессе учебной деятельности описана в работе Т. А. Боровских [29, с. 56]. Автор подчеркивает значение максимальной индивидуализации и опоры на личностные ресурсы. Е. В. Толбатова указывает на необходимость развития способов личностной рефлексии и склонности подростков к самоанализу, [30, с. 69].

Проведенный анализ актуализирует необходимость организации работы по осознанию границ психологического пространства личности подростков. Наряду с использованием индивидуальных и групповых форм взаимодействия считаем возможным использование технологий сопровождения личностного роста. Средства арт-терапии могут быть применены в процессе организации внеурочной деятельности.

Заключение

Проблематика изучения суверенности имеет богатую и содержательную направленность. Исследование содержательных характеристик суверенности во взаимосвязи

с личностными параметрами подростков позволяет определить особенности депривации границ психологического пространства личности, осуществить учет личностных характеристик современных юношей и девушек в условиях образовательной среды.

В процессе исследования определена взаимосвязь суверенности психологического пространства и личностных особенностей обучающихся. На основании полученных результатов можно заключить, что суверенность зависит от адаптивности, непринятия себя и других, экстернальности и чувства эмоционального дискомфорта.

При характеристике суверенности психологического пространства подростков необходимо учитывать гендерную разницу выраженности параметров суверенности. Для представителей мужского пола характерны выраженность общего показателя психологической суверенности, суверенности физического тела и ценностей. Мальчики демонстрируют выраженную суверенность территории, проявляющуюся в отстаивании своего права иметь личное пространство, друзей и знакомых, которые не нравятся окружающим. Полученные данные сопоставимы с результатами исследования М. В. Сафоновой и Д. А. Тихоновой [18].

В работе с осознанием границ психологического пространства личности считаем возможным использовать различные формы межличностного взаимодействия, учитывая особенности построения коррекционного воздействия в данной возрастной группе. Приоритетным способом работы с суверенностью может выступать арт-терапия, представленная в достаточно широком спектре творческих направлений и более ориентированная на подростковую аудиторию.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Благодарности: Работа выполнена в рамках инновационного образовательного проекта «Диверсификация педагогического образования в форматах непрерывного профессионального развития педагогических работников на уровнях общего, профессионального и дополнительного образования» (приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 25.12.2020 № 1580 «Об утверждении перечня организаций, отнесенных к федеральным инновационным площадкам, составляющим инновационную структуру в сфере высшего образования и соответствующего дополнительного профессионального образования»).

Acknowledgment: The research was part of the innovative academic project "Diversification of pedagogical education in continuous professional development of pedagogical workers of general, professional, and additional education" (order of the Ministry of Science and Higher Education of the

Russian Federation, December 25, 2020, No 1580 "Federal innovation platforms of the innovation infrastructure in the field of higher education and the corresponding additional professional education").

Литература / References

1. Телегина С. Я. Психологическая суверенность подростков, проживающих в родной и неродной культуре. *Вестник СПбГУ. Сер. 16. Психология. Педагогика*. 2016. № 4. С. 146–157. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2016.412>
Telegina S. Ya. The sovereignty of psychological space among teens living in native and non-native culture. *Vestnik SPbSU. Series 16. Psychology. Education*, 2016, (4): 146–157. (In Russ.) <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2016.412>
2. Нартова-Бочавер С. К. Человек суверенный: психологическое исследование субъекта в его бытии. СПб.: Питер, 2008. 400 с.
Nartova-Bochaver S. K. *Human sovereign: a psychological study of the subject in his being*. St. Petersburg: Piter, 2008, 400. (In Russ.)
3. Карабанова О. А., Поскребышева Н. Н. Развитие личностной автономии подростков в отношениях с родителями и сверстниками. *Вестник Московского университета. Серия 14: Психология*. 2011. № 2. С. 36–47.
Karabanova O. A., Poskrebysheva N. N. The development of the personality autonomy in adolescence in the childparent and adolescentpeer relations. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya*, 2011, (2): 36–47. (In Russ.)
4. Луков М. Ю. Особенности личностной автономии подростков, обучающихся в образовательных организациях среднего общего и среднего профессионального образования. *Вестник НовГУ*. 2014. № 79. С. 93–96.
Lukov M. Yu. Characteristics of personal autonomy of teenagers studying in general and vocational secondary educational institutions. *Vestnik NovSU*, 2014, (79): 93–96. (In Russ.)
5. Левкова Т. В. Суверенность психологического пространства как основа психологического здоровья личности. *Вестник ДВГСГА*. 2010. № 1-2. С. 63–67.
Levkova T. V. Servirancy of psychological space as the basis of personality's psychological health. *Vestnik DVGSGA*, 2010, (1-2): 63–67. (In Russ.)
6. Щукина М. А., Жданова А. А. Зоны психологического пространства личности. *Петербургский психологический журнал*. 2017. № 18. С. 112–139.
Shchukina M. A., Zhdanova A. A. Zones of psychological space of a personality. *Petersburgskii psikhologicheskii zhurnal*, 2017, (18): 112–139. (In Russ.)
7. Шаповаленко А. А. Диагностика характеристик личностной суверенности в интернет-среде: разработка опросника. *Ученые записки Российского государственного социального университета*. 2015. Т. 14. № 2. С. 20–25. <https://doi.org/10.17922/2071-5323-2015-14-2-20-25>
Sharovalenko A. A. Diagnosis characteristics of personal sovereignty in the Internet environment: development of a questionnaire. *Uchenye zapiski Rossijskogo gosudarstvennogo social'nogo universiteta*, 2015, 14(2): 20–25. (In Russ.) <https://doi.org/10.17922/2071-5323-2015-14-2-20-25>
8. Скорова Л. В. Формирование суверенности психологического пространства у старших подростков. *Сибирский психологический журнал*. 2013. № 48. С. 75–83.
Skorova L. V. Formation of sovereignty of the psychological space of senior adolescents. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal*, 2013, (48): 75–83. (In Russ.)
9. Казакова Т. В., Логинова И. О. Особенности педагогов с разным уровнем психологической суверенности. *Психология обучения*. 2014. № 6. С. 81–90.
Kazakova T. V., Loginova I. O. Particularly teachers with different levels of psychological sovereignty. *Psikhologiya obucheniia*, 2014, (6): 81–90. (In Russ.)
10. Нартова-Бочавер С. К. Психофизиологические основы диспозициональной суверенности. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*. 2018. Т. 8. № 4. С. 370–380. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.405>
Nartova-Bochaver S. K. On the nature of psychological sovereignty: relation to the temper. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2018, 8(4): 370–380. (In Russ.) <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.405>
11. Буравцова Н. В. Суверенность психологического пространства как фактор, способствующий развитию ценностно-смыслового пространства личности. *Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Психология*. 2008. Т. 2. № 1. С. 45–49.
Buravtsova N. V. Self-reliance of psychological space as a factor contributing to the development of the value-semantic space of personality. *Vestn. Novosib. gos. un-ta. Seriya: Psikhologiya*, 2008, 2(1): 45–49. (In Russ.)

12. Кочарян А. С., Макаренко А. А., Чжао С. Особенности суверенности психологического пространства у лиц с разным уровнем эмоциональной зрелости. *Перспективы науки и образования*. 2016. № 1. С. 35–39.
Kocharian A. S., Makarenko A. A., Zhao X. Features of sovereignty psychological space have persons with different level of emotional maturity. *Perspectives of Science and Education*, 2016, (1): 35–39. (In Russ.)
13. Панина Е. Н. Взаимосвязь суверенности психологического пространства и субъективного благополучия личности: дис. ... канд. психол. наук. Красноярск, 2006. 187 с.
Panina E. N. *The relationship between the self-reliance of psychological space and subjective well-being of the individual*. Cand. Psychol. Sci. Diss. Krasnoyarsk, 2006, 187. (In Russ.)
14. Водинчар Е. А., Орлик Л. А. Взаимосвязь суверенности психологического пространства человека и специфики его межличностных отношений. *Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки*. 2016. № 1. С. 48–56.
Vodinchar E. A., Orlik L. A. Correlation between sovereignty of psychological space and specifics of interpersonal relations. *Vestnik KRAUNTS. Gumanitarnye nauki*, 2016, (1): 48–56. (In Russ.)
15. Харламенкова Н. Е. Психологическая безопасность и суверенность личности при выраженном посттравматическом стрессе. *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. 2015. № 4. С. 90–97.
Kharlamenkova N. E. Psychological safety and sovereignty of personality with expressed post-traumatic stress. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, 2015, (4): 90–97. (In Russ.)
16. Мартиросян К. В. Суверенность личного пространства как предмет теоретического и эмпирического психологического исследования. *Наукоедение*. 2013. № 6. Режим доступа: <http://naukovedenie.ru/PDF/65PVN613.pdf> (дата обращения: 04.03.2022).
Martirosyan K. V. The sovereignty of personal space as a subject of theoretical and empirical psychological research. *Naukovedenie*, 2013, (6). Available at: <http://naukovedenie.ru/PDF/65PVN613.pdf> (accessed 4 Mar 2022). (In Russ.)
17. Трофимова Ю. В. Проявления суверенности в юношеском возрасте: различия субъектных характеристик личности. *Мир науки, культуры, образования*. 2012. № 6. С. 336–339.
Trofimova Ju. V. Sovereignty manifestation in the preadult age: differences of subjective characteristics of an individual. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2012, (6): 336–339. (In Russ.)
18. Сафонова М. В., Тихонова Д. А. Сравнительный анализ профилей суверенности подростков с различными уровнями психологической суверенности. *Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева*. 2017. № 3. С. 114–125. <http://dx.doi.org/10.25146/1995-0861-2017-41-3-11>
Safonova M. V., Tikhonova D. A. Comparative analysis of sovereignty profiles among adolescents with various levels of psychological sovereignty. *Vestnik KGPU im. V. P. Astafyeva*, 2017, (3): 114–125. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.25146/1995-0861-2017-41-3-11>
19. Мартыненко Е. А. Психологическая суверенность личности как состояние границ субъекта. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2019. Т. 8. № 3. С. 349–352. <https://doi.org/10.26140/anip-2019-0803-0090>
Martynenko E. A. Psychological sovereignty of the individual as a condition of the person's boundaries. *Azimut of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, 2019, 8(3): 349–352. (In Russ.) <https://doi.org/10.26140/anip-2019-0803-0090>
20. Екимова В. И., Орлова Е. А. Образовательная среда кадетского корпуса как фактор формирования суверенности психологического пространства личности воспитанников-юношей. *Вестник Шадринского государственного педагогического университета*. 2016. № 3. С. 33–36.
Ekimova V. I., Orlova E. A. Educational environment cadet corps as a factor in the formation of the sovereignty of psychological space of the individual students-boys. *Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2016, (3): 33–36. (In Russ.)
21. Клочко А. В., Красноярцева О. М. Суверенность как результат становления человека в совмещенной психологической системе. *Вестник БГПУ: Психолого-педагогические науки*. 2001. № 1-1. С. 4–8.
Klochko A. V., Krasnoyadtseva O. M. Sovereignty as a result of man making in combined psychological system. *Vestnik BGPU: Psikhologo-pedagogicheskie nauki*, 2001, (1-1): 4–8. (In Russ.)
22. Викдорова Н. А., Морозова И. С., Морозов Е. В. Становление суверенности личности подростка в условиях гражданско-патриотического воспитания. *Профессиональное образование в России и за рубежом*. 2016. № 4. С. 25–29.
Vikdorova N. A., Morozova I. S., Morozov E. V. The establishment of the sovereignty of the individual adolescent in the terms of civil-patriotic education. *Professional Education in Russia and Abroad*, 2016, (4): 25–29. (In Russ.)
23. Смирнова Я. К. Подход к суверенной самодетерминации поведения в контексте временных ориентаций личности. *Известия Алт. гос. ун-та*. 2014. № 2-1. С. 75–78. [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2014\)2.1-14](https://doi.org/10.14258/izvasu(2014)2.1-14)
Smirnova Ya. K. Approach to sovereign self-determination in the context of temporal orientations of the individual. *Izvestiia Alt. gos. un-ta*, 2014, (2-1): 75–78. (In Russ.) [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2014\)2.1-14](https://doi.org/10.14258/izvasu(2014)2.1-14)
24. Клочко В. Е., Галажинский Э. В. Самореализация личности: системный взгляд. Томск: ТГУ, 1999. 154 с.
Klochko V. E., Galazhinskiy E. V. *Self-realization of personality: systemic view*. Tomsk: TSU, 1999. 154. (In Russ.)

25. Нартова-Бочавер С. К. Новая версия опросника «Суверенность психологического пространства-2010». *Психологический журнал*. 2014. Т. 35. № 3. С. 105–119.
Nartova-Bochaver S. K. The revised version of "The personal sovereignty questionnaire – 2010". *Psikhologicheskii zhurnal*, 2014, 35(3): 105–119. (In Russ.)
26. Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Диагностика социально-психологической адаптации (К. Роджерс, Р. Даймонд). *Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп*. М.: Институт Психотерапии, 2002. С. 136–139.
Fetiskin N. P., Kozlov V. V., Manuilov G. M. Diagnostics of socio-psychological adaptation (C. R. Rogers and R. F. Dymond). *Socio-psychological diagnostics of the development of personality and small groups*. Moscow: Institut Psikhoterapii, 2002, 136–139. (In Russ.)
27. Мельникова Н. Н. Методика исследования стратегий адаптивного поведения (АСП). *Диагностика социально-психологической адаптации личности*. Челябинск: ЮУрГУ, 2004. С. 30–58.
Melnikova N. N. Methodology for the study of strategies of adaptive behavior. *Diagnostics of socio-psychological adaptation of personality*. Chelyabinsk: SUSU, 2004, 30–58. (In Russ.)
28. Чебровская С. В. Психологические условия формирования самостоятельности студентов: дис. ... канд. психол. наук. Комсомольск-на-Амуре, 2003. 157 с.
Chebrovskaya S. V. *Psychological conditions for developing independence in students*. Cand. Psychol. Sci. Diss. Komsomolsk-on-Amur, 2003, 157. (In Russ.)
29. Боровских Т. А. Индивидуальные особенности учащихся и методы их диагностики и учета в учебном процессе. *Наука и школа*. 2010. № 5. С. 56–59.
Borovskikh T. A. Diagnosing students' peculiar features and taking them into account in teaching. *Nauka i shkola*, 2010, (5): 56–59. (In Russ.)
30. Толбатова Е. В. Психолого-педагогические особенности организации учебной деятельности школьников подросткового возраста. *Научный результат. Педагогика и психология образования*. 2015. Т. 1. № 1. С. 67–74.
Tolbatova E. V. Psycho-pedagogical features of organization of educational activity of adolescent schoolchildren. *Research Result. Pedagogy and Psychology of Education*, 2015, 1(1): 67–74. (In Russ.)

оригинальная статья

Особенности представлений о семейных отношениях у подростков-правонарушителей

Фотина Мария Алексеевна

Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово

Шамовская Татьяна Владимировна

Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово

<https://orcid.org/0000-0001-8232-9253>

kan-tatyana@mail.ru

Поступила в редакцию 04.03.2022. Принята после рецензирования 29.03.2022. Принята в печать 04.04.2022.

Аннотация: В статье рассматриваются представления подростков-правонарушителей о семейных отношениях. Указаны причины подростковой преступности, которые часто бывают связаны с семейным неблагополучием. Описаны результаты современных исследований, свидетельствующие об амбивалентности представлений подростков-правонарушителей о семье. Проведено эмпирическое исследование, изложен анализ его результатов. Представления о матери характеризуются невысокой степенью эмоциональной близости. Мать описывается как нетребовательная, мягкая, не стремящаяся к сотрудничеству, редко контролирующая, непоследовательная в воспитательных воздействиях. Образ отца характеризуется строгостью, требовательностью. При этом проявления строгости часто связаны с жестокостью. Отношения с отцами эмоционально дистанцированы, характеризуются низким уровнем принятия со стороны отцов. Представления о семье в общем имеют амбивалентный характер. Представления о собственной будущей семье более позитивны, чем о родительской. Большинство подростков-правонарушителей стремятся к созданию семьи в будущем, при этом редко описывают себя как супруга или родителя. В целом представления подростков-правонарушителей о семейных отношениях характеризуются нечеткостью, отсутствием сформированного образа ролевой структуры семьи, противопоставлением представлений о родительской семье и своей будущей семье.

Ключевые слова: подростки-правонарушители, представления о семье, семейные отношения, семейное неблагополучие, представления о родителях, детско-родительские отношения, образ матери, образ отца, образ будущего

Цитирование: Фотина М. А., Шамовская Т. В. Особенности представлений о семейных отношениях у подростков-правонарушителей. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2022. Т. 6. № 2. С. 110–116. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2022-6-2-110-116>

full article

Concept of Family Relationships in Teenage Offenders

Mariia A. Fotina

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

Tatiana V. Shamovskaya

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

<https://orcid.org/0000-0001-8232-9253>

kan-tatyana@mail.ru

Received 4 Mar 2022. Accepted after peer review 29 Mar 2022. Accepted for publication 4 Apr 2022.

Abstract: The article deals with the concept of family life in juvenile offenders. Juvenile delinquency often has roots in family problems. Teenage criminals are known to express ambivalent ideas about family relationships. In this research, they described Mother as emotionally distant, undemanding, soft-hearted, uncooperative, lacking control, and inconsistent in her educational influence. Father was described as stern, demanding, even cruel, emotionally distant, and unaccepting. The research proved the ambivalent character of family concept in teenage criminals. They had more positive ideas about their own future family than about their life with parents. Most juvenile delinquents were eager to have their own family in the future. However, they hardly ever described themselves as a spouse or a parent. Their ideas about family relationships were blurred; they had a very poor understanding of family roles and tended to oppose their parental family to the family they imagined for themselves.

Keywords: juvenile delinquents, family concept, family relationships, family problems, representation about parents, parent-child relationships, image of the mother, image of the father, image of the future

Citation: Fotina M. A., Shamovskaya T. V. Concept of Family Relationships in Teenage Offenders. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki*, 2022, 6(2): 110–116. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2022-6-2-110-116>

Введение

Преступность несовершеннолетних в настоящее время является распространенным деструктивным социальным явлением. Этому способствуют особенности возраста, в частности стремление самоутвердиться, склонность к риску, процессы эмансипации, нестабильность эмоциональной сферы. Одним из основных факторов является семейное неблагополучие: высокая конфликтность в семье, неконструктивные детско-родительские отношения, асоциальный образ жизни родителей, материальные проблемы и бытовая неустроенность, неумение семьи адаптироваться в условиях транзитивного общества правонарушителей [1].

Особенностями восприятия семейных отношений подростками являются противоречивость, конфликтность. Это обусловлено желанием приобрести самостоятельность, проявить собственную взрослость и получить признание этой взрослости от родителей и нежеланием родителей изменять отношения с взрослеющим ребенком [2, с. 112].

Исследования указывают на специфические особенности представлений о семье у несовершеннолетних правонарушителей (Р. А. Атаханов и Н. Ф. Абдурашитов, С. И. Беляева, О. А. Дегтярева, Т. Ю. Сергеева, М. С. Татаринцева и др.). Деструктивные взаимоотношения между родителями и детьми характеризуются двойственностью, непониманием друг друга, выражающемся в отражении в сторону членов семьи негативных эмоций, тем самым порождая комплекс обоюдных конфликтных ситуаций и оказывая большое влияние на осуществление социализирующей функции семьи [3, с. 167–168].

Подростки, нарушающие закон, склонны переоценивать качество семейных отношений в собственной семье, несмотря на то, что часто она является дисфункциональной [4]. Воспринятые в родительской семье образцы поведения вытесняются сознанием, а их замещает излишне идеализированный образ семейных отношений [5].

Гипотеза исследования. Представления о семейных отношениях у подростков-правонарушителей отличаются такими особенностями, как амбивалентное отношение к семье, наличие негативных, эмоционально дистанцированных представлений о детско-родительских отношениях.

Выборка исследования. 30 подростков (21 мальчик и 9 девочек) в возрасте 11–17 лет, состоящих на учете в Комиссии по делам несовершеннолетних в связи с совершением правонарушения.

Методы исследования. Методики: «Взаимодействие родитель-ребенок» (И. М. Маркова), «Незаконченные предложения» (Сакс-Леви), биографический метод «Я через 10 лет».

Теоретические основы

Совершение правонарушений подростками происходит по ряду причин: наличие в семье лиц, имевших судимость и пребывавших в исправительных учреждениях; трудности в личностном развитии и общении со сверстниками, компенсируемые посредством приобщения к криминальным

группировкам; психические нарушения; трудная жизненная ситуация; недостатки в воспитании; романтизация преступного поведения в СМИ и пр. [4].

Одним из существенных факторов, являющимся причиной противоправного поведения подростка, является неблагополучие семейных отношений, дисфункциональность семьи [6, с. 272–273]. Значительная часть подростков с делинквентным поведением воспитывалась в неблагополучных, асоциальных, антисоциальных семьях; также это сироты, родители которых были лишены родительских прав [7, с. 78–80]. Отношения в семье характеризуются как дистантные, с нарушением тесных семейных связей. Социализация несовершеннолетних происходила стихийно, содержанием интериоризации выступали антиобщественные ценности, нормы и правила поведения, соответствующие асоциальному, антисоциальному, криминогенному поведению [8, с. 117–120].

Формирование делинквентного поведения может происходить и во внешне социально благополучных семьях, но с низким воспитательным потенциалом [9, с. 80–83]. В результате нарушения детско-родительских отношений происходит формирование отклоняющегося поведения как формы протеста, результата отсутствия надлежащего внимания к несовершеннолетнему, излишней вседозволенности [10, с. 230–233].

Характерной особенностью подростков-правонарушителей из неблагополучных семей является идеализация образа семьи, носящая защитный характер [11, с. 28–30]. Т. И. Пухова указывает на идеализацию в представлениях о семье и родительстве, создание ребенком фантомных, лишенных человеческих слабостей образов матери и отца, как на следствие фрустрированной потребности в родительской любви [12, с. 12–15]. По данным М. А. Басина, отношение к семье в целом почти у половины подростков положительное и необъективное [13, с. 60–68]. Ю. Б. Евдокимова отмечает, что такие подростки наделяют своих родителей положительными качествами: добротой, справедливостью, трудолюбием. Негативный характер переоценки заключается в том, что в своем поведении они могут ориентироваться на ценности и нормы, которые транслируют их родители, хотя для успешной адаптации во взрослой жизни им могут быть необходимы те качества, которые не присутствовали у родителей [14, с. 18]. По мнению Т. Ю. Сергеевой, эмоциональный аспект неблагополучия семейных отношений у подростков, совершивших правонарушение и осужденных за него, проявляется в акцентировании эмоционально теплых, близких семейных отношений при описании образа идеальной семьи [15, с. 488].

С. А. Терехина вывила, что особенности образа родительской семьи у делинквентных девочек-подростков свидетельствуют о нарушенном, противоречивом и амбивалентном характере детско-родительских отношений в их семьях. Следствием дисфункциональных отношений с родителями является деформированная и искаженная «Я-концепция»

девочек подросткового возраста с девиантным поведением. Компенсаторный характер образа будущей семьи у делинквентных девочек определяется его связями с нарушениями «Я-концепции» несовершеннолетних. У девочек с отклоняющимся поведением складывается негативный образ родительской семьи, характеризующийся выраженной амбивалентностью. В их восприятии преобладают враждебность, непоследовательность и директивность родителей. Слабая содержательная наполненность, а также компенсаторный и идеализированный характер образа будущей семьи у делинквентных девочек обусловлены неудовлетворенностью потребности в общении и эмоциональных контактах в родительской семье [16, с. 20–22].

Специфика проявляется в различии отношения к матери и отцу: отношение к матери в большинстве случаев является положительным необъективным, тогда как отец в четверти случаев характеризуется отрицательно с указанием объективных негативных форм поведения [11, с. 30–31]. Особенность любви отца в том, что на ее примере у ребенка формируется представление о проявлении мужчиной любви к детям, жене, окружающим [6, с. 272–273].

В исследовании О. А. Дегтяревой показано, что подростки-правонарушители воспринимают воспитательные воздействия отца как более директивные в отличие от их законопослушных сверстников. У законопослушного подростка превалирует воспитательный потенциал матери. Таким образом, у подростков-правонарушителей формируется представление о детско-родительских отношениях, характеризующихся авторитарностью со стороны отца и низким уровнем выраженности контроля со стороны матери. Подростками-делинквентами воспитательные воздействия отца и матери оцениваются как несогласованные [17, с. 217–218].

По данным М. С. Татаринцевой, на формирование склонности к правонарушениям влияет не только стиль родительского отношения отца, но в целом факт его участия в воспитании. У подростков, проживающих с отцом, реже формируются склонности к аддиктивному и делинквентному поведению, агрессии, насилию и преодолению норм и правил. У подростков, проживающих в неполных семьях, формируются негативный образ отца и склонность к девиантному поведению [18, с. 222].

Согласно результатам исследования С. И. Беляевой, формируется межпоколенная тенденция к негативному восприятию матерей в семьях с делинквентными подростками. Матери подростков с делинквентным поведением воспринимают свою мать как менее положительную, сильную и активную личность (по сравнению с восприятием своей матери матерями подростков с нормативным поведением) [4]. В исследовании С. И. Беляевой и О. Ю. Щелковой установлено, что восприятие матери подростками-правонарушителями отличается от ее восприятия подростками с социально приемлемым поведением. Особенно это выражено у мальчиков. Они склонны оценивать детско-родительские отношения с матерью как более позитивные, если мать ответственная, спокойная, нуждающаяся в поддержке, а мальчики могут

проявлять более доминантную позицию по отношению к ней и оставаться безнаказанными за проступки [19, с. 76–78].

Особенности восприятия отца и матери подростками-правонарушителями указывают на формирование у них специфических искаженных представлений о взаимоотношениях между родителями и о родительском отношении. Так, отношения между супругами соответствуют патриархальному укладу, но при этом доминирование отца и подчинение матери гипертрофированы. Родительское отношение отчужденное, жесткое [20, с. 430–432].

Совершение подростками преступлений, связанных с проявлением агрессии, особенно в физической форме, обусловлено агрессивным, жестоким поведением родителя или родителей [21]. Непоследовательность и враждебность со стороны обоих родителей положительно коррелируют почти со всеми формами проявления агрессивности. То есть чем более непоследовательными и враждебными воспринимаются отношения родителей в социальных представлениях подростка, тем более выраженными будут показатели агрессивности в целом. При этом именно близость со стороны отца отрицательно коррелирует с показателями различных форм агрессии. Чем более близкими воспринимаются отношения с родителями, а в особенности с отцом, тем ниже будут показатели агрессивности [22, с. 23]. Итак, агрессивное, жестокое поведение родителей по отношению к детям формирует у них агрессивное поведение. Впоследствии это может приводить к совершению правонарушений, а подобная модель родительских отношений переносится в собственную семью. Семейные отношения, построенные на агрессии, воспринимаются как норма.

В исследовании А. Х. Очилова показано, что представления делинквентных подростков о будущей семье, супружестве, родителе являлись огрубленными, стереотипизированными, несовершеннолетним трудно представить обязанности, стоящие за семейными ролями [23].

А. В. Ковтуненко описывает особенности восприятия отношений несовершеннолетних осужденных с родственниками как нестабильные и характеризующиеся крайней выраженностью эмоциональной окрашенности и близости (позитивные – негативные, очень близкие – разрыв отношений). Семьи по-разному реагируют на несовершеннолетнего правонарушителя. В результате у подростка складывается представление о семейных отношениях либо как о заботливых и поддерживающих, либо как о негативных и отстраненных [24, с. 140–141].

Таким образом, представления о семейных отношениях у подростков-правонарушителей следует охарактеризовать как искаженные, негативные, компенсационные. Причины формирования таких представлений часто выступают неблагоприятные семейные отношения в родительской семье [25]. Представления о семейных отношениях у подростков, совершивших правонарушение, на имплицитном уровне отражают существующие отношения в их родительской семье. Поэтому представлениям о семейных отношениях характерны конфликтность и амбивалентность.

Результаты

Исследование представлений о родителях у несовершеннолетних правонарушителей по методике И. М. Марковой «Взаимодействие родитель-ребенок» (табл. 1) показало, что подростки воспринимают мать как нетребовательную или недостаточно требовательную, мягкую, не стремящуюся к сотрудничеству, редко контролирующую, непоследовательную в воспитательных воздействиях и не представляющую авторитета для ребенка. Сравнительно малая часть испытуемых отмечает наличие эмоциональной близости с матерью и принятия с ее стороны. Удовлетворенность отношений с матерью у несовершеннолетних правонарушителей различная.

Обобщенный образ отца у несовершеннолетних правонарушителей включает такие характеристики, как требовательность и строгость, сочетающиеся с контролем или его отсутствием. Исходя из этого, проявление строгости и требовательности у отцов, скорее, связано с проявлениями жестокости, чем с осознанными воспитательными воздействиями. На это указывает и то, что отношения с отцом у респондентов эмоционально дистанцированы, характеризуются низким уровнем принятия и сотрудничества с его стороны. Удовлетворенность отношениями с отцом у испытуемых низкая.

Сравнение представлений об отношениях с отцом и матерью у подростков показало, что отца воспринимают как более требовательного, строгого, контролирующего, мать – как более эмоционально близкую, принимающую, непоследовательную в воспитании. Испытуемые больше удовлетворены отношениями с матерью, чем с отцом.

Используя методику Сакса-Леви «Незаконченные предложения» (табл. 2), мы зафиксировали, что эмоциональный аспект представлений о семье у несовершеннолетних правонарушителей характеризуется наличием либо положительных, либо отрицательных высказываний. Положительные высказывания у испытуемых были чаще в отношении матери, чем отца; в отношении собственной будущей семьи, чем родительской. В целом высказывания респондентов о семье носят противоречивый характер: у 43 % отмечаются смешанные высказывания (сочетание положительно и отрицательно окрашенных). Нейтральные высказывания встречаются редко. Это указывает на значимость семьи в представлениях подростков.

Представления о семье в будущем у несовершеннолетних правонарушителей носят чаще положительную эмоциональную окраску. К нейтральным высказываниям были отнесены варианты, в которых представления о семье в будущем отсутствовали.

Анализ сочинений на тему «Я через 10 лет» (табл. 3) позволил выделить основные конструируемые о семье в представлениях о будущем у несовершеннолетних правонарушителей. Большинство испытуемых указывают на наличие собственной семьи в будущем. Треть респондентов либо отрицают создание семьи, либо не упоминают о ней. Характерно, что при описании собственного будущего

подростки желают, чтобы в нем отношения с родителями изменились, стали более позитивными.

Описание собственной семьи носит обобщенный положительный характер. Несовершеннолетние правонарушители редко описывают себя как супруга или родителя, чаще акцентируют внимание на характеристиках будущего супруга или супруги. У 13 % испытуемых в сочинениях упоминается сравнение собственной семьи с родительской: *моя семья будет лучше, у моих детей будет нормальный отец.*

Табл. 1. Представления о родителях у несовершеннолетних правонарушителей (методика «Взаимодействие родитель-ребенок»), %
Tab. 1. Ideas about parents in juvenile delinquents: method of Parent-Child Interaction, %

Шкалы	Мать			Отец		
	Низкий	Средний	Высокий	Низкий	Средний	Высокий
Нетребовательность – требовательность	43	30	27	21	26	53
Мягкость – строгость	50	30	20	21	32	47
Автономия – контроль	40	37	23	37	16	47
Эмоциональная дистанция – близость	33	40	27	58	31	11
Отвержение – принятие	37	40	23	47	42	11
Отсутствие сотрудничества – сотрудничество	57	36	7	48	26	26
Непоследовательность – последовательность	60	30	10	26	48	26
Отсутствие авторитета – авторитет	47	40	13	37	37	26
Неудовлетворенность – удовлетворенность	27	43	30	53	36	11

Табл. 2. Представления о семье и родителях у несовершеннолетних правонарушителей (методика «Незаконченные предложения»), %
Tab. 2. Ideas about family and parents in juvenile delinquents: method of Incomplete Sentences, %

Параметры	Положительные	Нейтральные	Смешанные	Отрицательные
Семья	37	10	17	37
Мать	40	13	20	27
Отец	37	13	10	40
Обобщенный показатель по параметру «семья»	27	7	43	23
Семья в высказываниях о будущем	40	37	0	23

Табл. 3. Представления о будущей семье у несовершеннолетних правонарушителей (биографический метод «Я через 10 лет»)
Tab. 3. Ideas about future family in juvenile delinquents: biographical method of Me in Ten Years

Конструкты	Доля, %
Место семьи в представлениях о будущем	
• семья как часть будущего	67
• указание на собственную семью отсутствует	16
• негативные установки на создание семьи	17
• позитивное описание отношений с родителями	30
• негативное описание отношений с родителями	7
Описание отношений в семье	
• обобщенные положительные (счастливая, лучшая, хорошая)	57
• описание совместного отдыха	27
Я как супруг(а)	20
Я как родитель	27
Супруг(а)	53
Дети	33
Семья в контексте социума	3
Сравнение собственной семьи с родительской	13

Заключение

Значение исследования представлений подростков-правонарушителей о семье определяется необходимостью выявления семейных причин противоправного поведения. Испытуемые отмечают недостаток психологической близости с матерью, описывают ее как нестрогую, нетребовательную и не стремящуюся к сотрудничеству. Подростки отмечают проявления жестокости со стороны отца. Отношения с ним у большинства респондентов эмоционально дистанцированы и характеризуются низкой удовлетворенностью. Таким образом, особенности детско-родительских отношений в семьях несовершеннолетних правонарушителей заключаются в недостаточном эмоциональном контакте подростков и их родителей, при этом матери характеризуются пассивностью, а отцы жестокостью во взаимоотношениях.

Представления о собственной будущей семье становятся в подростковом возрасте частью жизненных планов. Для делинквентных подростков ориентация на семейные ценности, стремление к созданию благополучной семьи может стать ресурсом развития, потенциалом для разрешения неблагоприятной ситуации. Исследование показывает, что у испытуемых не сложились четкие представления о своей будущей семье. При этом в них преобладает положительная эмоциональная окраска и стремление к тому,

чтобы отношения в собственной семье стали более благополучными, чем в родительской.

Представления о семье у несовершеннолетних правонарушителей включают:

- нечеткие, диффузные положительные представления о семье и семейных отношениях;
- отсутствие представлений о ролевой структуре семьи;
- противопоставление представлений о родительской семье и о своей будущей семье;
- представления о родительской системе с позитивным образом матери и негативным образом отца.

Полученные результаты актуализируют необходимость психолого-педагогической работы с семьями подростков-правонарушителей, а также работы по формированию позитивного образа семьи с самими подростками.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Благодарности: Работа выполнена в рамках инновационного образовательного проекта «Диверсификация педагогического образования в форматах непрерывного профессионального развития педагогических работников на уровнях общего, профессионального и дополнительного образования» (приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 25.12.2020 № 1580 «Об утверждении перечня организаций, отнесенных к федеральным инновационным площадкам, составляющим инновационную структуру в сфере высшего образования и соответствующего дополнительного профессионального образования»).

Acknowledgment: The research was part of the innovative academic project "Diversification of pedagogical education in continuous professional development of pedagogical workers of general, professional, and additional education" (order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, December 25, 2020, No 1580 "Federal innovation platforms of the innovation infrastructure in the field of higher education and the corresponding additional professional education").

Литература

1. Адеркас А. М., Яничева Т. Г. Представления о стиле родительского отношения младших подростков различного пола. *Ананьевские чтения – 2019: психология обществу, государству, политике: мат-лы Междунар. науч. конф.* (Санкт-Петербург, 22–25 октября 2019 г.) СПб.: Скифия-принт, 2019. С. 50–51.

- Aderkas A. M., Yanicheva T. G. Ideas about the style of parenting of younger adolescents of different sexes. *Ananiev readings – 2019: psychology to society, state, politics*: Proc. Intern. Sci. Conf., St. Petersburg, 22–25 Oct 2019. St. Petersburg: Skifia-print, 2019, 50–51. (In Russ.)
2. Адеркас А. М., Яничева Т. Г. Взаимосвязь агрессивности младших подростков и их представлений о взаимоотношениях в семье. *Ученые записки СПбГИПСР*. 2020. Т. 33. № 1. С. 103–114.
Aderkas A. M., Yanicheva T. G. Interconnection between aggressiveness of younger adolescents and their ideas about relationships in the family. *Uchenyye zapiski Sankt-Petersburgskogo gosudarstvennogo instituta psikhologii i sotsialnoy raboty*, 2020, 33(1): 103–114. (In Russ.)
 3. Атаханов Р. А., Абдурашитов Н. Ф. Деструктивные детско-родительские отношения и возможности совершения подростками правонарушения. *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*. 2017. Т. 6. № 4А. С. 165–179.
Atakhanov R. A., Abdurashitov N. F. Destructive child-parent relations and opportunities for adolescents to commit offenses. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskiye obzory i sovremennyye issledovaniya*, 2017, 6(4A): 165–179. (In Russ.)
 4. Беляева С. И. Межпоколенная воспроизводимость деструктивных паттернов функционирования в семьях делинквентных подростков. *Медицинская психология в России*. 2017. Т. 9. № 1. Режим доступа: http://www.mprj.ru/archiv_global/2017_1_42/nomer04.php (дата обращения: 28.03.2022).
Belyaeva S. I. Inter-generational reproducibility of the destructive patterns of functioning in the families of delinquent adolescents. *Med. Psichol. Ross.*, 2017, 9(1). Available at: http://www.mprj.ru/archiv_global/2017_1_42/nomer04.php (accessed 28 Mar 2022). (In Russ.)
 5. Стреленко А. А. Проблемы психологической безопасности детей и подростков в семейной среде. *Психология семьи в современном мире*: сб. мат.-лов Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 18–19 октября 2017 г.) Екатеринбург: Б. и., 2017. С. 321–325.
Strelenko A. A. Problems of psychological safety children and adolescents in the family environment. *Psychology of the family in the modern world*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Ekaterinburg, 18–19 Oct 2017. Ekaterinburg, 2017, 321–325. (In Russ.)
 6. Бахтина С. В., Жирова А. Н. Представления о семье и браке у подростков из полных и неполных семей. *Меридиан*. 2020. № 9. С. 271–274.
Bakhtina S. V., Zhirova A. N. Images about family and marriage of teenagers from full and domestic families. *Meridian*, 2020, (9): 271–274. (In Russ.)
 7. Набатникова Л. П. Образ семьи у современных подростков. *Researcher. European Journal of Humanities & Social Sciences*. 2018. Т. 1. № 1. С. 73–83. <http://dx.doi.org/10.32777/r.2018.1.1.7>
Nabatnikova L. P. Contemporaneous teenager's family form. *Researcher. European Journal of Humanities & Social Sciences*, 2018, 1(1): 73–83. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.32777/r.2018.1.1.7>
 8. Ескендиоров А. А. Противоправное поведение несовершеннолетних: причины и условия его формирования. *Вестник ВИПК МВД России*. 2019. № 1. С. 115–120.
Yeskendiroy A. A. The illegal behavior of minors: causes and conditions for its formation. *Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia*, 2019, (1): 115–120. (In Russ.)
 9. Пашко Ю. А., Жукова Т. В. Представление о семье у современных подростков и юношей. *Актуальные проблемы психологии образования*: сб. науч. ст. конф. (Ярославль, 15 октября 2016 г.) Ярославль: РИО ЯГПУ, 2016. Вып. 8. С. 79–83.
Pashko Yu. A., Zhukova T. V. Idea of the family at modern teenagers and young men. *Actual problems of the psychology of education*: Proc. Conf., Yaroslavl, 15 Oct 2016. Yaroslavl: RIO YSPU, 2016, iss. 8, 79–83. (In Russ.)
 10. Колесникова Г. И. Социология и психология семьи. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2019. 263 с.
Kolesnikova G. I. *Sociology and psychology of the family*. 2nd ed. Moscow: Iurait, 2019, 263. (In Russ.)
 11. Горлова Е. Л. Представления о семье у подростков разного психологического возраста. *Культурно-историческая психология*. 2018. Т. 14. № 2. С. 24–32. <https://doi.org/10.17759/chp.2018140203>
Gorlova E. L. Family representations in adolescents of different psychological age. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*, 2018, 14(2): 24–32. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/chp.2018140203>
 12. Пухова Т. И. Возрастные и индивидуальные особенности режиссерской игры в дошкольном возрасте: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2000. 24 с.
Pukhova T. I. *Age and individual characteristics of the director's game in preschool age*. Cand. Psychol. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2000, 24. (In Russ.)
 13. Басин М. А. Формирование волевой регуляции у подростков с делинквентным поведением: дис. ... канд. психол. наук. Тула, 2006. 195 с.
Basin M. A. *Formation of volitional regulation in adolescents with delinquent behavior*. Cand. Psychol. Sci. Diss. Tula, 2006, 195. (In Russ.)

14. Евдокимова Ю. Б. Идеализированный образ родителей как фактор девиантного поведения подростков, воспитывающихся вне семьи: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Калуга, 2004. 19 с.
Evdokimova Yu. B. *Idealized image of parents as a factor in deviant behavior of adolescents brought up outside the family*. Cand. Psychol. Sci. Diss. Abstr. Kaluga, 2004, 19. (In Russ.)
15. Сергеева Т. Ю. Формирование положительных представлений о семейных взаимоотношениях у несовершеннолетних осужденных. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2008. № 69. С. 487–490.
Sergeeva T. Yu. Forming of juvenile offenders' positive representations on family relations. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*, 2008, (69): 487–490. (In Russ.)
16. Терехина С. А. Образы родительской и будущей семьи у девочек-подростков с делинквентным поведением: дис. ... канд. психол. наук. М., 2006. 196 с.
Terekhina S. A. *Images of the parental and future family of teenage girls with delinquent behavior*. Cand. Psychol. Sci. Diss. Moscow, 2006, 196. (In Russ.)
17. Дегтярева О. Л. Формирование личности несовершеннолетнего правонарушителя. *Российский психологический журнал*. 2017. Т. 14. № 1. С. 214–229. <https://doi.org/10.21702/rpj.2017.1.13>
Degtyareva O. L. Forming a juvenile delinquent's personality. *Russian Psychological Journal*, 2017, 14(1): 214–229. (In Russ.) <https://doi.org/10.21702/rpj.2017.1.13>
18. Татаринцева М. С. Образ родительской и будущей семьи у подростков с разными типами социального поведения. *Образование и наука: вопросы теории и практики: мат-лы II Ежегодной Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 8 февраля 2015 г.)*. М.: МИИГУ им. П. А. Столыпина, 2015. № 1. С. 219–224. <https://doi.org/10.17415/conf-2015-1>
Tatarintseva M. S. The image of the parental and future family in adolescents with different types of social behavior. *Education and science: issues of theory and practice: Proc. II Annual All-Russian Sci.-Prac. Conf., Moscow, 8 Feb 2015*. Moscow: International institute of informatization and public administration named in the honor of P. A. Stolypin, 2015, iss. 1, 219–224. (In Russ.) <https://doi.org/10.17415/conf-2015-1>
19. Беляева С. И., Щелкова О. Ю. Психологические особенности матерей делинквентных подростков. *Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 12*. 2011. № 2. С. 74–80.
Belyaeva S. I., Shchelkova O. Yu. The psychological features of the mothers of delinquent teenagers. *Vestn. St. Peterb. un-ta. Ser. 12*, 2011, (2): 74–80. (In Russ.)
20. Густова Е. А., Губанов А. В., Зверкова С. Н. Особенности восприятия образа родителей в подростковом возрасте. *Гуманитарное пространство*. 2019. Т. 8. № 3. С. 420–432.
Gustova E. A., Gubanov A. V., Zverkova S. N. Perception features of parents' image in adolescence. *Humanity space*, 2019, 8(3): 420–432. (In Russ.)
21. Кованская Н. В. Исследование этимологии асоциального поведения подростков-правонарушителей. *Студенческий вестник*. 2019. № 19-1. С. 53–55.
Kovanskaia N. V. Study of the etymology of antisocial behavior of adolescent delinquents. *Studencheskii vestnik*, 2019, (19-1): 53–55. (In Russ.)
22. Копченко И. Е., Твелова И. А. Семья как фактор возникновения и проявления агрессии у подростков. *Проектирование образовательных систем в условиях реализации ФГОС: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (Армавир, 26 апреля 2018 г.)*. Армавир: РИО АГПУ, 2018. С. 22–27.
Korchenko I. E., Tvelova I. A. Family as a factor in the emergence and manifestation of aggression in adolescents. *Designing educational systems in the context of the implementation of the Federal State Educational Standard: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Armavir, 26 Apr 2018*. Armavir: RIO ASPU, 2018, 22–27. (In Russ.)
23. Очиллов А. Х. Проблемы влияния нездоровой семейной среды на воспитание подростков с девиантным поведением. *Приоритетные направления развития науки и образования: сб. ст. XIV Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 12 сентября 2020 г.)*. Пенза: Наука и Просвещение, 2020. С. 106–108.
Ochilov A. Kh. Problems of the influence of an unhealthy family environment on the education of adolescents with deviant behavior. *Priority directions for the development of science and education: Proc. XIV Intern. Sci.-Prac. Conf., Penza, 12 Sep 2020*. Penza: Nauka i Prosveshchenie, 2020, 106–108. (In Russ.)
24. Ковтуненко Л. В. Семья как социокультурная среда воспитания и ресоциализации несовершеннолетних правонарушителей. *Вестник Воронежского института МВД России*. 2012. № 3. С. 137–143.
Kovtunencko L. V. Family as the factor of education and resocialization of juvenile delinquents. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*, 2012, (3): 137–143. (In Russ.)
25. Шамовская Т. В. Психология подростка. Кемерово: КемГУ, 2019. 123 с.
Shamovskaya T. V. *Psychology of a teenager*. Kemerovo: KemSU, 2019, 123. (In Russ.)

оригинальная статья

Культурологический подход как инструмент моделирования пространственно-образовательной среды ДОО

Шмырева Наталья Александровна
Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово
<https://orcid.org/0000-0002-0540-3293>

Завразина Карина Дмитриевна
Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово
<https://orcid.org/0000-0001-9201-4941>

Лопаткин Григорий Юрьевич
Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово
<https://orcid.org/0000-0002-7020-5197>
gr.lopatkin@gmail.com

Поступила в редакцию 10.03.2022. Принята после рецензирования 31.03.2022. Принята в печать 04.04.2022.

Аннотация: Аргументирован тезис о моделировании пространственно-образовательной среды дошкольной образовательной организации с учетом выделения ценностных универсалий культурологического подхода. Цель – разработать содержание педагогической модели «Освоение дошкольниками культурных универсалий в условиях ПОС ДОО». Основными результатами стали систематизация научных подходов к выделению смысловых акцентов ключевых определений и разработка содержания разрабатываемой модели. Научная новизна: 1) сформулирована суть культурологического подхода как инструмента моделирования пространственно-образовательной среды, представляющего путь, направление организации деятельности, способа, механизма включения личности в освоение культурных, материальных и духовных ценностей, посредством погружения в культурное пространство, приспособление к предлагаемым материально-техническим, информационно-дидактическим, эстетическим ресурсам образовательной организации; 2) доказана идея разработки содержания компонентов модели в системном построении с учетом идеологической взаимосвязи смысла ценностей; 3) рассмотрены ценностные универсалии культурологического подхода. Предложены практические шаги рассмотрения культурологического подхода как механизма по организации культурного пространства образовательной организации, обеспечивающего освоение ценностей; как платформы формирования личности.

Ключевые слова: культурологический подход, ценностное ядро, культурные универсалии, моделирование, пространственная среда, образовательная среда

Цитирование: Шмырева Н. А., Лопаткин Г. Ю., Завразина К. Д. Культурологический подход как инструмент моделирования пространственно-образовательной среды ДОО. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2022. Т. 6. № 2. С. 117–125. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2022-6-2-117-125>

full article

Cultural Approach as a Modeling Tool of Education Environment in Pre-School Educational Organizations

Natalia A. Shmireva
Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
<https://orcid.org/0000-0002-0540-3293>

Karina D. Zavrazina
Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
<https://orcid.org/0000-0001-9201-4941>

Grigory Ju. Lopatkin
Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
<https://orcid.org/0000-0002-7020-5197>
gr.lopatkin@gmail.com

Received 10 Mar 2022. Accepted after peer review 31 Mar 2022. Accepted for publication 4 Apr 2022.

Abstract: The article features the cultural approach as a tool for building up integral education environment. It systematizes various culturological approaches as a multidimensional phenomenon based on certain value universals. The culturological approach acts as an important, essential, and multifaceted modeling tool that provides effective solutions. Education environment of a preschool educational organization should be value-based. The article introduces a model for mastering cultural universals by preschoolers in preschool education environment. Cultural approach is a tool for modeling education environment. It is a method for developing cultural, material, and spiritual values by immersing the children into the cultural

space and adapting them to the technical, informational, didactic, and aesthetic resources of the pre-school organization. The content of the model components in a systemic construction should be based on the ideological relationship between various values. The authors believe that the culturological approach is an effective tool for organizing the cultural environment of an educational organization that ensures the development of values and personality.

Keywords: cultural approach, core value, cultural universals, modeling, spatial environment, education environment

Citation: Shmireva N. A., Lopatkin G. Ju., Zavrazina K. D. Cultural Approach as a Modeling Tool of Education Environment in Pre-School Educational Organizations. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2022, 6(2): 117–125. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2022-6-2-117-125>

Введение

Вопросы культуры всегда оставались насущными для воспитания гармоничной личности. Усиление внимания к рассмотрению сущностной многоаспектности понятия *культурологический подход* в образовании обусловлено мощной технологизацией всех граней жизни человека и в большой степени значимо для воспитания личности, т. к. в эпоху глобализации позволяет сохранить культурную идентичность воспитанников.

Данный фактор определил необходимость научного поиска смыслов культурологического подхода, дающего понимание стержня человеческого бытия, определение потребности культуры как ценности жизнедеятельности и развития сущностных характеристик личности, формирование гуманистических принципов как основы развития цивилизации в современных условиях.

Данный фактор определил необходимость научного поиска смыслов культурологического подхода, дающего понимание стержня человеческого бытия, определение потребности культуры как ценности жизнедеятельности и развития сущностных характеристик личности, формирование гуманистических принципов как основы развития цивилизации в современных условиях.

Понятие *культурологический подход* включает основные идеи терминов *культура* и *подход*, смысл которых позволяет поставить научные акценты рассматриваемого предмета. Прежде всего обратим внимание на понятие *культура* как основополагающее, смыслообразующее и ориентирующее нас на анализ и рассмотрение ценностного ядра культурологического подхода. На сегодняшний день толкование этого понятия в научных источниках философии, психологии, педагогики, культурологии представлено достаточно многогранно. Культура как философское толкование – это и воздвигание, и образование, и почитание и т. д.; это и устойчивая форма существования; и «исторически определенный уровень развития общества и человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях»¹. И. А. Беляев отмечает, что культура представляет собой жизненный опыт прошлых поколений и позволяет новым поколениям успешно ориентироваться в мире с учетом накопленных норм, ценностей и традиций [1, с. 14].

Если в узком, обобщенном смысле культура представляется как форма жизнедеятельности человека, основу которой составляют нравственные, моральные и материальные ценности, умения, знания, обычаи, традиции, то в широком

смысле культура предполагает совокупность неизменно, постоянно и закономерно обновляющихся принципов, форм, способов и плодов активной творческой деятельности людей во всех средах общественно-значимой жизни. Известно, что все результативные продукты культуры созданы руками человека и являются актуальными для определенной цивилизационной эпохи, конкретной культурной стадии развития общества, организации, человека [2].

Для решения проблемы важно то, что культуру мы понимаем как источник разработки содержания процесса освоения и преобразования окружающей среды, признак совершенства представляемых достижений, как соответствие воображаемого идеальным представлениям, как упорядоченность элементов структуры (материальные – предметные, личностно-ценностные – воспитание, образование, развитие), функциональную направленность каждого элемента в отдельности и совокупности элементов в целом.

В контексте проблемы наибольший интерес представляют такие смыслы, которые аккумулируют культуру не только как человеческую деятельность в ее самых разных проявлениях, включая все формы и способы человеческого накопления форм самовыражения – знаний, умений, навыков. Важным аспектом выступает рассмотрение культуры как источника преобразования окружающей действительности с позиции насыщения всех видов и форм деятельности ценностными составляющими.

Термин *подход* предполагает смысл определения основного пути решения поставленных задач; управление процессами как совокупностью видов деятельности по преобразованию чего-либо с разделением на структурные элементы по функциональному признаку и фиксирует определенную направленность движения².

Известно, что истоки культурологического подхода проистекают в античной литературе и связаны с идеей взращивания образованности и душевности [3]. Изучение проблемы культурологического подхода как выражение научных воззрений представителями различных наук можно рассматривать как явление, которое имеет научное

¹ Культура. *Большая Советская Энциклопедия*, гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М.: Сов. энцикл., 1969–1978. Режим доступа: <http://bse.sci-lib.com/article067324.html> (дата обращения: 28.03.2022).

² Подход. *Новейший философский словарь*, гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. Мн.: В. М. Скакун, 1999. Режим доступа: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/newest-dictionary/articles/122/podhod.htm> (дата обращения: 25.03.2022).

предопределение, формулирование и обоснование его практико-ориентированной направленности.

В научной литературе культурологический подход представлен как специальная методологическая константа, имеющая свои особенные выражения и характеристики. Изучение культурологического подхода в отечественной науке позволяет нам увидеть и понять его очертания, обратить внимание на выделение и формулирование его сущностной основы – представления культуры как совокупности материальных и духовных ценностей, созданных человеком, и, что важно, в русле исследований культурологического подхода вопрос о связи индивида и культуры является неоспоримой платформой для привнесения ключевых идей развития данного феномена [4, с. 46].

В философии О. Шпенглер выделяет главный, с его точки зрения, смысл – совокупность составляющих культуры, предопределяющая духовную и материальную жизнь человека. В психолого-педагогических науках культурологами М. М. Бахтиным, В. С. Библером, Л. С. Выготским выделены следующие смысловые конструкторы:

- методологическое ориентирование, имеющее своей философской основой ценностный вектор в педагогической деятельности;
- признание приоритета культуры как основы образования личности, проживания в определенной развивающей среде;
- предпосылка вхождения растущего человека в мир освоения культурного пласта существования;
- организация усвоения культуры современного общества;
- изучение человеческой природы, изменяющейся под воздействием культуры;
- детерминанта поведения (мотивация, присвоение культурных норм и освоение способов деятельности);
- изучение направленностей движения – развития личности в культурно-образовательной среде [5–11].

В настоящее время культурологический подход приобрел теоретическое обоснование в работах Е. В. Бондаревской, О. С. Газмана, В. Г. Маранцмана, Л. М. Мосоловой, Г. И. Гайсиной, В. В. Гетьман, Н. Е. Щурковой и др., в которых авторы выделили практико-ориентированную направленность его применения в педагоге в виде разнообразных «концепций», «моделей» и т. д. [12; 13, с. 71; 14–16].

Обобщение материалов позволяет выделить некоторые закономерности: во-первых, в литературе отсутствует единое понимание сущности культуры в аспекте культурологического подхода; во-вторых, в изученных работах не выделено ценностное ядро рассматриваемого явления, выступающее смысловым стержнем, зерном, сутью, ориентиром разработки и формулирования содержательных аспектов программы действия; в третьих, несмотря на активное внимание научной общественности к важности и значимости культурологического

подхода как принципа, пути, направления, определяющего и стратегию, и тактику выбора действий по организации жизнедеятельности ребенка в конкретных условиях, с нашей точки зрения, в официальных документах культурологический подход как платформа по усвоению ценностей во всем многообразии не нашел должного внимания.

Считаем, что востребованность культурологического подхода в образовании обусловлена тем, что культура рассматривается как многомерное понятие: мера освоения знаний, способ существования, путь своего совершенствования и возможность самореализации.

Научное сообщество рассматривает культурологический подход с разных позиций как:

- принцип культуросообразности воспитания человека, систему специально организованной деятельности с целью привития воспитаннику системы культурных ценностей и традиций, основ национальной и мировой культуры;
- способ организации образовательной среды, обеспечивающий вхождение человека в культурное пространство;
- метод системной организации целостного образовательного процесса, обуславливающий специфические требования к отбору содержания и технологий;
- специальные условия для разработки и реализации какой-либо системы³ [15, с. 47; 17; 18].

В рамках нашего исследования не актуализируется какой-либо аспект рассмотренных определений как главный, основополагающий; значимы все уточненные детали. Выделение указанных позиций послужило основанием для рассмотрения и формулирования сущностной основы, эпицентра культурологического подхода – его ценностного ядра, представляющего общую основу интерпретации культуры образовательного пространства для формирования и становления личности.

Представление сути ценностного ядра культурологического подхода определили культурные универсалии, которые, на наш взгляд, дают наиболее полное и понятное понимание смысла того, что составляет его основу и того, что надо учитывать при разработке траектории действий: традиции и образцы, нормы и культурные закономерности, принципы жизнедеятельности и формы коммуникации, представления об исторических и национальных культурных традициях и обычаях, что в итоге определяет ценности и смыслы норм, правил, образцов поведения, и, что важно, эта целостность служит духовной и деятельностной платформой для существования и развития личности.

В контексте настоящего исследования эстетика культурологического подхода как многогранного явления представляется принципом познания особенностей организации образовательного пространства; уникальным способом организации, существования и жизнедеятельности

³ Михайлова Н. И. Культурологический подход в образовании: опыт, инновации, перспективы. *Maam.ru*. 26.04.2017. Режим доступа: <https://www.maam.ru/detskijasad/kulturologicheskii-podhod-v-obrazovanii-opyt-inovaci-perspektivy.html> (дата обращения: 25.03.2022).

людей по освоению окружающей действительности; механизмом включения в развитие себя как личности через приспособление и освоение материальных и духовных ценностей. Принцип, способ, механизм в своей совокупности представляют инструментарий для проектирования пространственно-образовательной среды (ПОС) дошкольной образовательной организации (ДОО).

В аспекте нашего исследования термин *инструмент* выступает в качестве приема, способа деятельности. В аспекте моделирования это тот механизм, который в целом способствует осуществлению не только научного поиска, но и выбора пути достижения поставленной цели.

Согласно логике изложения материала, рассматриваем смысловой акцент моделирования в качестве процесса постановки целей, определения задач, построения алгоритма их решения, толкования полученных результатов, оформления модели – результата проведенного исследования [19; 20]. Важно, что полученная модель выполняет системообразующую и смыслообразующую функции, поскольку, с одной стороны, позволяет понять ценностное ядро культурологического подхода как признака совершенства, выделить структуру изучаемого явления, а, с другой стороны, – изложить свое видение решения проблемы [21; 22].

В настоящее время вектор научных поисков обращен в сторону изучения и оформления толкования понятия *пространственно-образовательная среда*. В научной литературе преобладающее внимание уделяется понятиям *образовательная среда, образовательное пространство, развивающая предметно-пространственная среда*. Рассматривая сущность перечисленных конструктов, отметим, что каждое словосочетание имеет свой конкретный самостоятельный смысл, но при этом им свойственно важное смысловое единство: в целевой направленности определено главное предназначение – способствовать развитию личности ребенка, используя все имеющиеся потенциальные возможности.

Тем не менее в научной литературе были попытки представить и выделить акценты понятия *пространственно-образовательная среда*. А. Н. Леонтьевым была предложена интерпретация ПОС с выделением событийно ограниченной совокупности возможностей для развития личности, с уточнением структуры ПОС, включающей внешние и внутренние ее составляющие. К внешним составляющим было отнесено пространство, охватывающее человека и среду в процессе их взаимодействия (архитектура зданий, дизайн интерьера комнат, подсобных помещений, двора ДОО, символическое оформление ДОО – гимн, традиции, книги, альбом памяти и т. д., эргономика организации деятельности, учебное пространство (дидактические, игровые уголки и т. д.) [11].

Опираясь на научные позиции, интерпретируем ПОС как:

- образовательное поле, обеспечивающее развитие личности дошкольника в специально организованных условиях;

- территориальная комплексность обстоятельств, представляющая системность организации образовательной среды;
- система взаимосвязанных условий различной природы с учетом целеполагания образовательного процесса, организации жизнедеятельности детей;
- обеспеченность информационными и технологическими составляющими, дидактическими и программно-методическими материалами;
- освоение человеком среды (образовательной, культурной, социальной, информационной).

Данное обобщение позволяет представить понятие *пространственно-образовательная среда* с позиции системного анализа, выделения смыслов и умения увидеть ориентир дальнейших действий: моделирование учитывает формулирование целеполагания, определение тактических шагов движения по освоению культурной составляющей ПОС ДОО.

Цель исследования – разработать содержание педагогической модели «Освоение дошкольниками культурных универсалий в условиях ПОС ДОО».

Задачи исследования:

- проанализировать теоретические аспекты культурологического подхода на основе обобщения положений научной литературы;
- рассмотреть культурологический подход как инструмент моделирования ПОС ДОО;
- представить модель ПОС ДОО с учетом использования ценностного ядра культурологического подхода.

Методология и методы

В качестве основания проведения исследования выступает системно-деятельностный подход, объединяющий два подхода:

- системный – объясняет рассмотрение объектов или явлений в целостности, в определении условий и выделении системообразующего начала, в нашем случае – культурологического подхода как инструмента моделирования ПОС;
- деятельностный – предполагает исследование реального процесса взаимодействия человека с реальной средой, с окружающим миром, которое обеспечивает решение поставленных задач через логические схемы: цель – условие – действие или цель – мотивы – содержание – результат.

В обобщенном плане системно-деятельностный подход позволяет представить и изобразить процессуальные аспекты моделирования ПОС ДОО, в которой главное место отводится развитию личности ребенка, улучшению его жизнедеятельности в предполагаемых обстоятельствах.

В качестве основных принципов системно-деятельностного подхода выбраны принцип учета сензитивных периодов развития личности ребенка, принцип амплификации (обогащения, усиления, углубления развития личности ребенка в ПОС ДОО), принципы обязательной результативности и обязательной рефлексивности каждого вида деятельности.

А. Г. Асмолов, характеризуя системно-деятельностный подход, уточняет его нацеленность на развитие личности, указывает на возможность формирования ценностных ориентиров, что находит логическое подтверждение в нашем исследовании [23]. А. Г. Асмоловым выделены структурные компоненты системно-деятельностного подхода, важные для моделирования ПОС ДОО:

- мотивационно-ценностный;
- целевой;
- операционально-технологический.

Методология культурологического подхода рассматривается нами как системное направление моделирования ПОС ДОО по освоению ценностей, правил, традиций с учетом интеграции научных аспектов:

- аксиологический – детерминирован культурной составляющей организации процесса во взаимообусловленности, взаимозависимости;
- технологический – связан с понимаем основ культуры как способа организации различных видов деятельности;
- личностно-творческий – обусловлен объективно-субъективной связью индивида и культуры, развитием самой личности в изменяющейся, культурно-пространственно-образовательной среде.

В качестве метода исследования было использовано анкетирование. Мы использовали анонимную анкету, вопросы которой были распределены по трем блокам:

1. Смысл и значимость культурологического подхода в образовании.
2. Возможности ПОС в освоении ребенком культурных ценностей.
3. Проблемы использования культурологического подхода в организации ПОС ДОО.

Задачи анкетирования:

- 1) определение наиболее актуальных проблемных аспектов культурологического подхода, выдвигаемого к организации ПОС ДОО;
- 2) конкретизация особенностей культурологического подхода и понимание педагогами-воспитателями его роли и значения в формировании ценностных ориентиров личности ребенка.

В исследовании приняли участие 63 студента пятого года обучения, 15 из них – студенты очной формы обучения по направлению подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (профиль *Дошкольное образование и иностранный язык*), 48 человек – студенты заочной формы обучения по направлению подготовки 44.03.01 Педагогическое образование (профиль *Дошкольное образование*).

Результаты

В рамках первого блока было выявлено, что 83,4 % респондентов осознают важность и значимость культуры в образовании как определяющей стратегии развития личности. У 16,6 % опрошенных позиция значимости культурологического подхода рассматривается в конкретных ситуациях времени.

Интерпретация смысла понятия культурологического подхода нашла выражение в следующих показателях: 58,2 % респондентов идентифицируют смысл с вопросами нравственного и эстетического воспитания; 17,1 % выделяют особенность развития личности в рамках полиэтнического общества; 12,4 % фиксируют национальные, региональные особенности в образовании; 6,8 % отмечают возможность выстраивать «диалог» с другими культурами; 5,5 % – идею сближения образования с жизнью обучающихся как специфической особенности каждой отдельно взятой культуры.

В рамках второго блока 77,7 % опрошенных отмечают возможности ПОС для разностороннего развития ребенка (познание, творчество, общение, самостоятельность, двигательная активность); 14,3 % выделяют конкретное место, предметную среду, окружающую ребенка и включающую разнообразные материально-технические, дидактические средства и учебные материалы, а также предметы, не связанные напрямую с учебной деятельностью; 8 % определяют значение образовательной среды как пространства для организации всех видов деятельности.

В рамках третьего блока респонденты отвечали на вопросы практико-ориентированной направленности: 51,2 % опрошенных отмечают необходимость схематического представления как образца, показывающего содержательную сторону погружения ребенка в культурную среду ДОО; 48,8 % считают важным наличие методических материалов, расшифровывающих сущность культурологического подхода в условиях образовательного пространства ДОО.

Возможности ПОС в освоении ребенком культурных ценностей были рассмотрены сквозь призму художественно-эстетической, познавательной областей ФГОС: 34,8 % опрошенных фиксируют возможность ознакомления с тенденциями культуры, с историей разных народов; 32,1 % видят непосредственное влияние ПОС на освоение культурного наследия человечества; 19 % считают, что потенциал культурологического подхода – в изучении исторического прошлого; 14,1 % выделяют в качестве роли культурологического подхода условие организации художественно-эстетической деятельности в рамках образовательного пространства ДОО. Результаты анкетирования позволили сформулировать алгоритм действий в практическом направлении исследования.

Дискуссия

Понимание культурологического подхода в процессуальном аспекте дает основание трактовать его как инструмент моделирования ПОС в ДОО. Моделирование отражает возможность предсказывать будущие свойства явлений и процессов (*Что будет?*), формирует представление о должном (*Как должно быть?*), выстраивая предполагаемый образ с позиции интересов и потребностей реальной ситуации. Результат построения образа – модель «Освоение дошкольниками культурных универсалий в условиях ПОС ДОО». Содержание модели составили культурные

универсалии, способствующие формированию у дошкольников основ нравственной, художественно-эстетической, физической культуры, культуры труда, отдыха, поведения, речи. Фундаментом общей культуры как базовой ценности рассматриваем содержание воспитания на том этапе развития личности, которое стимулирует проявление

интереса, желания ребенка, раскрывает способности личности по освоению ценностных представлений, способов познания, мышления, практической деятельности, без овладения которыми невозможно взаимоотношение и взаимодействие людей, гармония человека и общества, человека и природы [16].

Содержательная модель «Освоение дошкольниками культурных универсалий в условиях ПОС ДОО»

Миссия: Освоение артефактов культурного творческого наследия и присвоение культурных универсалий, обеспечивающее приобщение личности к культурным ценностям и социальному опыту своего и других народов; способствующее обогащению личностного развития ребенка; регулирующее его развитие на основе погружения в ПОС.

Принципы:

- *культуросообразной интеграции:* освоение личностью культурных универсалий (ценностей и смыслов, традиций и образцов, норм и культурных закономерностей, принципов жизнедеятельности и форм коммуникации), а также результатов культурной деятельности человека в специальных условиях;
- *субъектности:* развитие познавательных интересов, способностей и потенциальных возможностей ребенка в процессе включения в различные виды деятельности;
- *системности:* организация направлений работы, выбор форм и методов деятельности с учетом культурологической составляющей ПОС ДОО;
- *эмоциональной составляющей:* постижение культурно-нравственных ценностей посредством эмоционально-чувственного переживания, формирующее эстетику развития личности.

Культурные универсалии в содержании образовательных областей ФГОС ДО (п. 2.6):

- *социально-коммуникативное развитие:* усвоение принятых в обществе норм и ценностей (включая моральные и нравственные); формирование эмоциональной отзывчивости, уважительного отношения, сопереживания;
- *познавательное развитие:* формирование познавательных действий, становление сознания; развитие воображения и творческой активности; формирование представлений о себе, других людях, объектах окружающего мира, свойствах и отношениях объектов, малой родины и Отечества, социокультурных ценностях нашего народа, отечественных традициях и праздниках, планете Земля как общем доме людей, особенностях ее природы, многообразии стран и народов мира.
- *речевое развитие:* владение речью как средством общения и культуры; обогащение активного словаря; развитие связной, грамматически правильной диалогической и монологической речи;
- *художественно-эстетическое развитие:* формирование и развитие ценностно-смыслового восприятия и понимания произведений искусства (словесного, музыкального, изобразительного), мира природы;
- *физическое развитие:* понимание ценностей здорового образа жизни, овладение его элементарными нормами и правилами.

Компоненты ПОС [24]:

- *пространственно-предметный:* экстерьер зданий, территория; архитектурно-эстетическая организация пространства; структура помещений, дизайн интерьеров; функциональное использование помещения группы; атрибутика обстановки; наличие материалов для коллективных, индивидуальных и творческих заданий; инфраструктура (навигация, наличие помещений, удобство их использования и перемещения между ними, возможность пространственной трансформации при возникающей необходимости);
- *ценностный:* поле ценностей; ценностная общность субъектного взаимодействия; ценности в ДОО, семьях, обществе;
- *социально-контактный:* особенности субъектов образовательной среды; типы коммуникативного взаимодействия (воздействие, взаимодействие, содействие); характер общения субъектов образовательного процесса (переживание субъектами эмоционального благополучия; сплоченность и сознательность субъектов; продуктивность взаимодействия; вовлеченность всех субъектов образовательного процесса в проектирование, конструирование, оптимизацию ПОС); социальный заказ (стандарты и типовые программы, запросы родителей, последующих ступеней образования и партнеров);
- *содержательно-технологический:* педагогическое обеспечение развивающих возможностей ПОС.

Предполагаемый результат:

- а) организация ПОС с учетом современных требований организации процесса образования личности;
- б) формирование представлений о культурных ценностях, традициях и образцах, нормах, принципах жизнедеятельности; форм коммуникации; представлений об исторических и национальных культурных традициях и обычаях, что в итоге определяет ценности и смыслы нравственных норм, правил, образцов поведения;
- в) развитие таких качеств, как рассудительность, уважение, коммуникабельность, вдумчивость, чувствительность, отзывчивость, сотрудничество и др.

В качестве критериального аппарата как качественной характеристики степени результативности учета культурологического подхода – инструмента моделирования ПОС ДОО – выделим следующие составляющие:

- соответствие требованиям материально-технического обеспечения ПОС ДОО;
- учет содержания образовательных областей для дидактического обеспечения накопления опыта освоения культурных универсалий на основе интеграции культурологического аспекта в процессе моделирования.

Разрабатывая содержание модели, мы старались акцентировать внимание на следующие положения:

- использовать методы, адекватные цели исследования;
- осуществлять взаимосвязь компонентов модели ПОС в ДОО на сущностной основе ценностного ядра;
- разрабатывать содержательное наполнение компонентов модели в рамках поставленной задачи.

Заключение

Изложенная сущность культурологического подхода как инструмента моделирования ПОС ДОО представлена в совокупности компонентов педагогической системы – модели: сформулированы миссия, принципы, компонентный состав образовательной среды; представлены культурные универсалии; определены составляющие критериального аппарата как качественной характеристики степени результативности моделирования ПОС ДОО, позволяющие осмыслить и понять определение современных тенденций развития ДОО, организацию жизнедеятельности ребенка в конкретных образовательных условиях.

Методология исследования позволила проанализировать и обосновать суть понятия *культурологический подход* применительно к результату моделирования ПОС ДОО – содержательной модели, что показывает свое видение дополнения и обновления представлений об организации погружения ребенка в специально организованную среду, которая должна обеспечивать освоение культурных универсалий, формирующих стержень культуры личности.

Выделение сущностных характеристик культурологического подхода, его рассмотрение как инструмента действий, разработка ценностного ядра с позиции уточнения ценностный универсалий – все это показало значимость и верность выбранной траектории исследования.

Разработка содержания компонентов модели позволила представить культурологический подход как основу организации и реализации направлений деятельности в ее системном решении достижения поставленной цели.

Ключевое понятие исследования представлено нами в логике, дающей понимание диалектической триады: центром культурологического подхода рассматривается ценностное ядро, структуру которого составляют ценностные универсалии. Изложенная позиция определила основу теоретических взглядов авторов и содействовала формулированию практических шагов конкретных действий по вхождению в культурное пространство ДОО,

обеспечивающих освоение ценностей как платформы формирования личности.

Подтверждение: Работа выполнена с учетом документов:

- Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года. Распоряжение Правительства РФ № 996-р от 29.05.2015.
- Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования. Утв. Приказом Минобрнауки РФ от 17.10.2013 № 1155.
- Данилюк А. Я., Кондаков А. М., Тишков В. А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. М.: Просвещение, 2009. 23 с.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Н. А. Шмырева – концептуализация, выстраивание авторской логики исследования (50 %). Г. Ю. Лопаткин – поиск и анализ научных источников, интерпретация результатов, общее оформление работы (40 %). К. Д. Завразина – проведение опроса и статистическая обработка результатов, поиск литературных источников (10 %).

Contribution: N. A. Shmireva developed the concept and designed the research (50%). G. Ju. Lopatkin reviewed scientific publications, interpreted the results, and designed the research (40%). K. D. Zavrazina performed the survey, processed the results, and reviewed scientific publications (10%).

Благодарности: Работа выполнена в рамках инновационного образовательного проекта «Диверсификация педагогического образования в форматах непрерывного профессионального развития педагогических работников на уровнях общего, профессионального и дополнительного образования» (приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 25 декабря 2020 г. № 1580 «Об утверждении перечня организаций, отнесенных к федеральным инновационным площадкам, составляющим инновационную структуру в сфере высшего образования и соответствующего дополнительного профессионального образования»).

Acknowledgment: The research is part of the innovative educational project "Diversification of teacher training in the formats of continuous professional development of teachers at the levels of general, professional, and additional education" (Order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation dated December 25, 2020, No. 1580 "On approval of the list of organizations, classified as federal innovation platforms constituting an innovative structure in the field of higher education and related additional professional education").

Литература / References

1. Беляев И. А. Концепция культуры Д. В. Пивоварова. *Интеллект. Инновации. Инвестиции*. 2016. № 10. С. 14–17. Belyaev I. A. Concept of culture by D. V. Pivovarov. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii*, 2016, (10): 14–17. (In Russ.)
2. Кислов А. Г. Компетенции vs культура. *Педагогический журнал Башкортостана*. 2019. № 4. С. 74–78. Kislov A. G. Competence vs culture. *Pedagogicheskij zhurnal Bashkortostana*, 2019, (4): 74–78. (In Russ.)
3. Пышминцева О. А. Социокультурный подход к образовательному потенциалу населения. *Human Progress*. 2017. Т. 3. № 5. Режим доступа: http://progress-human.com/images/2017/tom3_5/Pyshmintseva.pdf (дата обращения: 28.03.2022). Pyshmintseva O. A. Sociocultural approach to the educational potential of the population. *Human Progress*, 2017, 3(5). Available at: http://progress-human.com/images/2017/tom3_5/Pyshmintseva.pdf (accessed 28 Mar 2022). (In Russ.)
4. Галагузов А. Н. Культурологический подход как методологическое основание образовательной деятельности. *Педагогическое образование и наука*. 2011. № 4. С. 45–50. Galaguzov A. N. Culturological approach as a methodological basis of educational activity. *Pedagogical education and science*, 2011, (4): 45–50. (In Russ.)
5. Спирина А. А. Проблемы взаимовлияния культуры и личности: междисциплинарные связи. *Аспирантский вестник Поволжья*. 2019. № 3-4. С. 12–18. <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2019.19.2.12-18> Spirina A. A. Problems of the interinfluence of culture and personality: cross-disciplinary connections. *Aspirantskiy Vestnik Povolzh'ya*, 2019, (3-4): 12–18. (In Russ.) <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2019.19.2.12-18>
6. Чумаколенко Н. А. Теория «диалога культур» М. М. Бахтина – В. С. Библера и развитие медиаобразования в художественно-эстетическом образовании и воспитании школьников. *Теория и практика общественного развития*. 2013. № 1. С. 194–196. Chumakolenko N. A. M. Bakhtin and V. Bibler's "dialogue of cultures" theory and development of media education in artistic and aesthetic education of schoolchildren. *Theory and Practice of Social Development*, 2013, (1): 194–196. (In Russ.)
7. Библер В. С. От наукоучения – к логике культуры: два философских введения в двадцать первый век. М.: Политиздат, 1991. 413 с. Bibler V. S. *From science to the logic of culture: two philosophical introductions to the twenty-first century*. Moscow: Politizdat, 1991, 413. (In Russ.)
8. Библер В. С. Культура. Диалог культур (опыт определения). *Вопросы философии*. 1989. № 6. С. 31–42. Bibler V. S. Culture. Dialogue of cultures (experience of definition). *Voprosy Filosofii*, 1989, (6): 31–42. (In Russ.)
9. Библер В. С. Нравственность. Культура. Современность. М.: Знание, 1990. 64 с. Bibler V. S. *Morality. Culture. Modernity*. Moscow: Znanie, 1990, 64. (In Russ.)
10. Библер В. С. К философии культуры. *Замыслы*. М.: РГГУ, 2002. Режим доступа: https://www.bibler.ru/bik_k_filosofii.php (дата обращения: 25.03.2022). Bibler V. S. The philosophy of culture. *Ideas*. Moscow: RSUH, 2002. Available at: https://www.bibler.ru/bik_k_filosofii.php (accessed 25 Mar 2022). (In Russ.)
11. Леонтьев А. Н. Учение о среде в педологических работах Л. С. Выготского. *Вопросы психологии*. 1998. № 1. С. 108–124. Leontev A. N. The doctrine of the environment in the pedological works of L. S. Vygotsky. *Voprosy psikhologii*, 1998, (1): 108–124. (In Russ.)
12. Бондаревская Е. В., Кульневич С. В. Педагогика: личность в гуманистических теориях и системах воспитания. М.-Ростов н/Д.: ТЦ «Учитель», 1999. 560 с. Bondarevskaya E. V., Kulnevich S. V. *Pedagogy: personality in humanistic theories and systems of education*. Moscow-Rostov-on-Don: TTs "Uchitel", 1999, 560. (In Russ.)
13. Коробкова Е. Н., Шейко Н. Г. Дидактические основы проектирования образовательной деятельности в рамках культурологического подхода. *Традиционное прикладное искусство и образование*. 2020. № 1. С. 70–86. <https://doi.org/10.24411/2619-1504-2020-00011> Korobkova E. N., Sheiko N. G. Didactic basis for the design of educational activities in the framework of the cultural approach. *Tradicionnoe prikladnoe iskusstvo i obrazovanie*, 2020, (1): 70–86. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/2619-1504-2020-00011>
14. Гайсина Г. И. Становление культурологического подхода как методологической основы педагогики. *Психолого-педагогический журнал «Гаудеамус»*. 2002. Т. 2. № 2. С. 12–21. Gaisina G. I. Formation of the culturological approach as a methodological basis of pedagogy. *Psikhologo-pedagogicheskij zhurnal "Gaudeamus"*, 2002, 2(2): 12–21. (In Russ.)
15. Гетьман В. В. Личностно-профессиональное становление педагога предметной области «Искусство»: гуманитарно-культурологический аспект. *Педагогика и психология образования*. 2020. № 3. С. 40–53. <https://doi.org/10.31862/2500-297X-2020-3-40-53> Getman V. V. Personality and professional development of a teacher of the subject area "Art": humanity and cultural aspect. *Pedagogy and Psychology of Education*, 2020, (3): 40–53. (In Russ.) <https://doi.org/10.31862/2500-297X-2020-3-40-53>

16. Щуркова Н. Е. Воспитание: новый взгляд с позиции культуры. М.: ОЦ «Пед. поиск», 1997. 78 с.
Schurkova N. E. *Education: a new look from the point of view of culture*. Moscow: OTs "Ped. poisk", 1997, 78. (In Russ.)
17. Хорошилова Н. В. Культурологический подход как методологическая основа реализации развивающей функции образования. *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. 2010. № 2-3. С. 14–17.
Khoroshilova N. V. *Culturological approach as the methodological basis of realizing the developing function of education*. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, 2010, (2-3): 14–17. (In Russ.)
18. Чуркина Н. И. Культурологический подход: возможности и ограничения в педагогике. *Вестн. Ом. гос. пед. ун-та. Гуманитар. исслед.* 2019. № 2. С. 145–147.
Churkina N. I. *Culturological approach: opportunities and limitations in pedagogy*. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya*, 2019, (2): 145–147. (In Russ.)
19. Дахин А. Н. Педагогическое моделирование. Новосибирск: НИПКИПРО, 2005. 230 с.
Dakhin A. N. *Pedagogical modeling*. Novosibirsk: NIPKiPRO, 2005, 230. (In Russ.)
20. Дахин А. Н. Моделирование в педагогике. *Идеи и идеалы*. 2010. Т. 2. № 1. С. 11–20.
Dakhin A. N. *Models in pedagogics. Idei i idealy*, 2010, 2(1): 11–20. (In Russ.)
21. Лодатко Е. А. Моделирование педагогических систем и процессов. Славянск: СГПУ, 2010. 148 с.
Lodatko E. A. *Modeling of pedagogical systems and processes*. Slavyansk: SGPU, 2010, 148. (In Russ.)
22. Монахов В. М. Педагогическое проектирование – современный инструмент дидактических исследований. *Школьные технологии*. 2001. № 5. С. 75–89.
Monakhov V. M. *Pedagogical design as a modern toolkit for didactic research. Shkolnye tekhnologii*, 2001, (5): 75–89. (In Russ.)
23. Асмолов А. Г. Стратегия и методология социокультурной модернизации образования. *Проблемы современного образования*. 2010. № 4. С. 4–18.
Asmolov A. G. *Sociocultural modernization of education – strategy and methodology. Problemy sovremennogo obrazovaniya*, 2010, (4): 4–18. (In Russ.)
24. Шмырева Н. А., Лопаткин Г. Ю. Концептуальные основания проектирования пространственно-образовательной среды в дошкольных образовательных организациях. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. Т. 2021. Т. 5. № 1. С. 52–62. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2021-5-1-52-62>
Shmireva N. A., Lopatkin G. Ju. *Conceptual foundations for designing the spatial learning environment in pre-school establishments. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2021, 5(1): 52–62. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2021-5-1-52-62>

оригинальная статья

Вопросы осуществления, обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина муниципальной публичной властью

Трещева Оксана Юрьевна

Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Россия, г. Москва

<https://orcid.org/0000-0002-8661-119X>

oksana.treshhyova.69@mail.ru

Поступила 17.03.2022. Принята после рецензирования 14.04.2022. Принята в печать 25.04.2022.

Аннотация: В статье исследованы некоторые актуальные вопросы правового регулирования осуществления, обеспечения и защиты прав человека и гражданина муниципальной публичной властью. Цель – проанализировать положения правового регулирования основных процессов осуществления, обеспечения и защиты прав человека и гражданина органами муниципальной власти, выявить проблемы и разработать предложения для их решения. Методологическую основу исследования составили общенаучные и специальные методы: метод аналогии, сравнительно-правовой и формально-юридический методы. Предмет исследования – конституционные, муниципальные и иные отраслевые нормы, регулирующие участие органов муниципальной власти в предоставлении прав и свобод человека и гражданина. С учетом норм разработаны предложения, направленные на совершенствование законодательства Российской Федерации в этом направлении. Сформулированы выводы, включающие в себя предложения по совершенствованию отдельных положений нормативных правовых актов, регулирующих осуществление, обеспечение и защиту прав и свобод человека и гражданина муниципальными органами. Сделано заключение о том, что представленные рекомендации по совершенствованию норм законодательства по заявленной тематике способны повысить уровень и качество жизнеобеспечения местного населения в России.

Ключевые слова: права и свободы человека, муниципальная публичная власть, местное самоуправление, муниципальное правотворчество, муниципальные правовые акты, угольные разрезы

Цитирование: Трещева О. Ю. Вопросы осуществления, обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина муниципальной публичной властью. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2022. Т. 6. № 2. С. 126–133. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2022-6-2-126-133>

full article

Implementation, Provision, and Protection of Human and Civil Rights and Freedoms by Municipal Public Authorities

Oksana Yu. Trescheva

Moscow Financial and Industrial University "Synergy", Russia, Moscow

<https://orcid.org/0000-0002-8661-119X>

oksana.treshhyova.69@mail.ru

Received 17 Mar 2022. Accepted after peer review 14 Apr 2022. Accepted for publication 25 Apr 2022.

Abstract: This article introduces solutions to some topical problems of legal regulation of human and civil rights by municipal public authorities. The research featured constitutional, municipal, and other sectoral norms that regulate the actions of municipal authorities in providing human and civil rights and freedoms. The list of general scientific and special methods included the system analysis, the method of analogy, the comparative legal analysis, the legal forecasting, etc. The resulting proposals can improve certain legal provisions in this sphere, thus improving the quality of life in the Russian Federation.

Keywords: human rights and freedoms, municipal public authority, local self-government, municipal law-making, municipal legal acts, coal mines

Citation: Trescheva O. Yu. Implementation, Provision, and Protection of Human and Civil Rights and Freedoms by Municipal Public Authorities. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2022, 6(2): 126–133. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2022-6-2-126-133>

Введение

Истоками зарождения муниципальных правовых норм в России можно считать конец советской эпохи. В этот период права и свободы человека в основном являлись просто декларированными. Современные реалии быстрой модернизации диктуют законодателю принимать те или иные нормативные акты, регулирующие общественные отношения путем цифровых технологий. По сути, разрабатывается доктрина виртуального сетевого инновационного государства. Условия пандемии COVID-19 показали, насколько такие нормативные правовые акты рентабельны в решении важных социальных проблем. Новшества в правоотношениях между властью и населением при осуществлении их основных прав определили наш исследовательский вектор. Электронные услуги, организованные публичной властью, переплетаются со всеми сферами жизнеобеспечения, которые постоянно совершенствуются, но проблемы качества жизни местного населения остаются. Качество жизни человека – важнейшее понятие, связанное с целеполаганием в муниципальной деятельности, формированием муниципальной политики [1, с. 22]. Все вышеперечисленное обуславливает особую актуальность исследования реализации прав и свобод человека на местном уровне. Она объясняется тем, что в России при созданных институтах всех уровней власти для обеспечения, осуществления и защиты прав человека сохраняются проблемы в их полноценной реализации. Преобразованиями в области муниципальной политики являются введение муниципальной власти в единую систему публичной власти, предоставление гарантий на компенсацию дополнительных расходов, возникших при исполнении переданных государственных функций. Вопрос доверия между обществом и государством остается на сегодня достаточно острым. Противоречивость социально-экономической реализации еще присутствует, проблемы бедности населения сохраняются, хотя немало сделано для их преодоления. Это означает необходимость и важность научно обоснованного анализа правовых норм в области обеспечения, осуществления и защиты прав человека органами местного самоуправления (ОМС). Цель исследования – анализ положений правового регулирования основных процессов осуществления, обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина, выявление проблем и представление предложений для их решения.

Методы и материалы. Исследование проводилось с использованием метода аналогии, сравнительно-правового и формально-юридического методов. Применение метода аналогии помогло в разработке варианта муниципальной правотворческой инициативы населения для решения вопросов местного значения на примере государственного портала «Российская общественная инициатива», а также в рассмотрении вопроса увеличения доходной части муниципального бюджета. Посредством сравнительно-правового метода на базе анализа норм российского законодательства в области прав и свобод человека и гражданина сделан нормативный и практический подход к обобщению

предложения о внесении в него изменений (в частности, о закреплении полномочия ОМС заранее закладывать возможные расходы в свой местный бюджет с последующим возмещением в виде компенсации из федерального или регионального бюджетов). В сфере экологических прав метод содействовал формированию положения о целесообразности закрепления размеров санитарно-защитной зоны для предприятий в конкретном обязательном порядке. С помощью формально-юридического метода выявлены значимые недостатки правового механизма осуществления, обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина органами муниципальной публичной власти; предложены варианты его совершенствования.

Правотворческая инициатива как основа прав человека и гражданина на участие в осуществлении местного самоуправления

Муниципальное правовое поле формируется на правовых основах, прописанных в Конституции РФ. Решения органов муниципальной власти реализуются на территории муниципалитета конкретного субъекта РФ. Система муниципального правового регулирования сформирована с учетом реализации прав личности. Нормативный способ воплощения муниципальной власти реализуется в форме общих правил поведения, представленных в виде норм. Результатом правотворчества муниципальной власти является принятие муниципальных правовых актов. Можно согласиться с высказыванием Ю. В. Анохина о том, что «государство закрепляет в нормативных актах и обеспечивает действие принципа разделения властей, современных основ федерализма, развития местного самоуправления в целях обеспечения прав и свобод человека и гражданина» [2, с. 13].

Основным законом страны трактуются социально-экономические и политические права человека и гражданина. Как указывает Э. Ю. Балаян: «... права человека – такие высшие ценности и ориентиры, которыми обязательно руководствоваться современное государство» [3, с. 69]. Муниципальная власть вошла в структуру публичной власти, и теперь можно считать, что к ней перешли обязательства по содействию в реализации конституционных прав и свобод человека. В законодательных нормативных правовых актах не предусмотрено четко закрепленных обязательств со стороны органов местной власти. Ранее на феномен отсутствия прямых обязанностей муниципальных должностных лиц в законе о местном самоуправлении ссылались во многих научных кругах.

В вопросах политических прав законом о местном самоуправлении 2003 г. предусмотрена возможность осуществления населением правотворческой инициативы. Тем не менее данная форма непосредственной демократии применяется местным населением довольно редко. В рамках ст. 28 ФЗ № 131-ФЗ от 06.10.2003 (ФЗ № 131-ФЗ) предусмотрена организация публичных слушаний по узконаправленным вопросам в области социально-экономических

отношений, а именно по отчету главы территории об исполнении местного бюджета и по градостроительной деятельности, при принятии и внесении изменений и дополнений в устав¹. В масштабах государства активно развиваются формы так называемой «электронной демократии», однако при осуществлении муниципальной власти активность местного населения в обсуждении важных вопросов местного значения еще остается на недостаточно высоком уровне. Почти у каждого муниципального образования в России имеется официальный сайт в сети Интернет. На его страницах отображаются все проблемы муниципалитета, существует виртуальная приемная, вся информация о муниципальном образовании находится в свободном доступе. Для повышения активности населения в решении местных проблем каждой территории, возможно, следует внедрить вариант муниципальной правотворческой инициативы на примере государственного портала «Российская общественная инициатива»².

Этот вопрос взаимодействия между ОМС и местным населением с помощью электронных форм уже раскрывался нами. В работах озвучено предложение о создании на сайте муниципального образования раздела для размещения проектов муниципальных нормативных правовых актов, в котором затем последует их общественное обсуждение [4, с. 24], а также описана успешная реализация таких предложений [5, с. 249–252]. Данная процедура дает возможность населению непосредственно принимать участие в решении задач местного жизнеобеспечения.

Представленную концепцию правотворческой инициативы предлагаем закрепить в нормах закона о местном самоуправлении и предусмотреть возможность оформления ОМС отдельным муниципальным правовым актом. Внести изменения и дополнения в статьи 28 и 46 ФЗ № 131-ФЗ следующего характера:

- 1) в п. 1 ст. 28 после слов «публичные слушания» добавить «..., общественные обсуждения»; добавить п. 3.1: «На общественные обсуждения должны выноситься проекты муниципальных правовых актов по вопросам местного значения, согласно статьям 14, 15, 16, 16.2 настоящего Федерального закона»;
- 2) в п. 1 ст. 46 после слов «могут вноситься» включить дополнение «с правом их дальнейшего вынесения на общественное обсуждение по вопросам местного значения муниципального образования... (далее по тексту)»; в п. 2 ст. 46 внести следующий абзац: «Порядок организации передачи на общественное обсуждение проектов муниципальных правовых актов по вопросам местного значения (с учетом статей 14, 15, 16, 16.2 настоящего Федерального закона), вносимых перечисленными лицами (п. 1 настоящей статьи), установленными уставом муниципального образования, осуществляется в том числе посредством

его размещения на официальном муниципальном сайте в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. В случае не имеющейся возможности обеспечить предоставление жителям муниципального образования своих замечаний и предложений по проектам муниципальных правовых актов, включая информирование о мотивированном обосновании после обсуждения принятых решений посредством публикации материалов на его официальном сайте, используются другие меры путем соблюдения требований об обязательном применении для таких целей официального сайта субъекта РФ, в том числе и органа местного самоуправления через единую информационную систему портала государственных и муниципальных услуг (функций)». В этом случае расширится круг вопросов, выносимых на общественные обсуждения согласно статьям 14, 15, 16, 16.2 указанного Федерального закона.

Органы публичной власти используют технологии интернет-коммуникации для взаимодействия как между собой, так и с обществом. Применение цифровых технологий во многих сферах позволяет намного быстрее и качественнее реализовать населению страны гарантированные конституционные права и свободы, но при этом необходимо соблюдать кибербезопасности личных персональных данных. Концепция реализации прав человека органами муниципальной власти на протяжении всей длящейся муниципальной реформы исследовалась в данном ключе многими российскими учеными. Реформирование местной власти в России показало жизнеспособность местного самоуправления и наличие больших резервов для его развития и совершенствования [6, с. 9]. Государство продвигает новшества по обеспечению функциональности прав и свобод человека, внедряет их на практике, в которой задействована и муниципальная публичная власть.

Обеспечение социальных прав личности на уровне муниципальной власти

Социальная политика на уровне муниципальной власти имеет адресный характер, предоставляя различные меры социальной поддержки. Можно выделить основные направления деятельности ОМС по участию в реализации социальной политики государства [7, с. 409]. Каждый муниципалитет на основании решения представительного муниципального органа предоставляет разные дотации и пособия жителям, нуждающимся в них, но в зависимости от бюджетных возможностей муниципального образования. В современных реалиях цифровой контент содействует улучшению условий получения социальных выплат, устраняет разного рода бюрократические проволочки при их оформлении, сокращает время и энергетические затраты человека. Использование цифровых технологий способствует постепенному разрушению барьеров между властью и обществом. Электронные

¹ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации. ФЗ РФ № 131-ФЗ от 06.10.2003. СПС КонсультантПлюс.

² Российская общественная инициатива. Режим доступа: <https://www.roi.ru/> (дата обращения: 20.02.2022).

услуги, задействованные в разных сферах жизнеобеспечения, тем самым улучшают их качество, а нововведенные услуги социальной направленности с участием муниципальных служб уменьшают порог бедности в стране.

С целью увеличения возможностей для осуществления, обеспечения прав личности на муниципальном уровне в экономических, социальных, жилищно-коммунальных областях можно рассмотреть схему внесения прогрессивной шкалы налогов. Так, федеральным законодательством введено уже увеличение процентной ставки налога в размере 15 % с доходов более 5 млн руб.³ Такой вариант возможно применить и на уровне местных налогов, но с учетом мнения населения, при этом увеличивая круг полномочий муниципальных органов, являющихся самостоятельной частью публичной власти.

Особым предметом ведения ОМС являются отдельные государственные полномочия [8, с. 53]. Передача государственных полномочий в области реализации социальных прав человека муниципальным органам осуществляется в соответствии с федеральным и региональным законодательством. Передача отдельных государственных полномочий происходит по следующему сценарию: осуществление данной процедуры только на основе нормативной правовой базы, материально-финансовая обеспеченность, государственный контроль над их реализацией. Рассмотрим структуру Комитета социальной защиты администрации г. Новокузнецка⁴. Он организует и контролирует деятельность входящих в него структурных подразделений, а также районных управлений социальной защиты по реализации мер социальной поддержки населения. В целях улучшения качества предоставления социальных муниципальных и государственных услуг местным жителям муниципальные служащие наделяются отдельными государственными полномочиями, среди которых выделим участие в разработке инновационных технологий на основании муниципальной социальной программы г. Новокузнецка, утвержденной Постановлением администрации г. Новокузнецка № 191 от 15.12.2014⁵.

В границах своих полномочий муниципальные органы стараются реализовать социальные права человека и гражданина. Конституционные новеллы дали возможность компенсировать муниципалитетам обоснованные понесенные затраты при реализации ими переданных государственных полномочий сверх выделенных средств на эти цели. В случае понесенных дополнительных расходов возможна компенсация со стороны федерального и регионального бюджетов, но с обязательным контролем, т. к. органы

муниципалитета несут ответственность в пределах выделенных средств. Органы местной власти могут настаивать на компенсации расходов, возникших по факту исполнения переданных им государственных полномочий. В разных регионах с помощью законодательного нормотворчества осуществление и обеспечение прав человека реализуются эффективно, но в реальности некоторые существующие проблемы муниципальной власти при этом остаются. Это выявляет необходимость определения нормативных расходов и источников при возмещении компенсации в случае понесенных дополнительных расходов местными бюджетами. Полагаем, в соответствии с нововведением необходимо внести в положения закона о местном самоуправлении полномочие муниципалитетов заранее закладывать возможные расходы в свой местный бюджет с последующим возмещением в виде компенсации из государственного бюджета. По нашему мнению, требуется дальнейшее исследование данного вопроса в части совершенствования механизма передачи и исполнения отдельных государственных полномочий муниципальными должностными лицами.

Экологическая безопасность как приоритет прав человека и гражданина

Право на благоприятную окружающую среду – одно из приоритетных прав человека. Наряду с уровнем доходов, занятостью населения и другими социальными вопросами уровень жизни определяется комфортностью среды обитания [9, с. 41]. В целях реализации экологических прав и охраны здоровья ОМС путем исполнения своих полномочий принимают соответствующие муниципальные акты. Создание благоприятных условий проживания человека – один из главных критериев осуществления и обеспечения прав органами местной публичной власти. Даже если человек из экологически неблагоприятного региона переселится в экологически чистую местность, на его реабилитацию уйдут годы [10, с. 33]. Например, на территории Новокузнецкого городского округа в соответствии с муниципальными правовыми актами в области экологической безопасности осуществляется и обеспечивается право на охрану окружающей среды. Область решения задач по охране окружающей среды внедряется органами муниципалитета на основании устава и муниципальных нормативных правовых актов⁶.

Как указывает И. Н. Жочкина, в числе прочих проблем эффективной реализации экологических полномочий можно выделить недостаток нормативного обеспечения

³ О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации в части налогообложения доходов физических лиц, превышающих 5 миллионов рублей за налоговый период. ФЗ РФ № 372-ФЗ от 23.11.2020. СПС КонсультантПлюс.

⁴ Комитет социальной защиты администрации города Новокузнецка. Режим доступа: <http://www.ksz-nk.ru/deyatelnost/uslugi-okazyvaemye> (дата обращения: 20.02.2022).

⁵ Об утверждении муниципальной программы «Развитие системы социальной защиты населения города Новокузнецка». Постановление администрации г. Новокузнецка № 191 от 15.12.2014. Гарант. Режим доступа: <https://base.garant.ru/7654537/> (дата обращения: 10.02.2022).

⁶ Об охране окружающей среды. ФЗ РФ № 7-ФЗ от 10.01.2002. СПС КонсультантПлюс.

и финансирования, невысокий уровень взаимодействия с региональной властью [11, с. 47]. Создание условий обеспечения безопасной окружающей среды закрепляется путем принятия мэрией муниципальных правовых актов. Экологические проблемы присутствуют в разных субъектах страны. Например, в Кемеровской области – Кузбассе влияние угольных разрезов на экологию и качество жизни населения до сих пор вызывает много споров. На территории Сосновского сельского поселения Новокузнецкого района функционируют угольные разрезы, добывающие уголь открытым способом. Согласно табл. 7.1 «Санитарная классификация» (гл. VII, п. 7.1, раздел 3, пп. 3.1.4 санитарно-эпидемиологических правил и нормативов), угольные разрезы относятся к I классу, где рекомендуемый ориентировочный размер санитарно-защитной зоны составляет 1000 м⁷. Предприятия, относящиеся к этой категории вредности, могут осуществлять свою деятельность при условии соблюдения технических и экологических правил. В обеспечении благоприятных условий жизнедеятельности участвуют и нормативы санитарного законодательства, предлагающие свою правовую категорию – благоприятную среду обитания [12, с. 80]. Для сохранения благоприятной окружающей среды Решением представительного муниципального органа вышеуказанного поселения № 169 от 24.10.2016 определены нормативы санитарно-защитной зоны в соответствии с классом промышленной опасности⁸. Проблемы экологии, связанные с работой угольных разрезов, остаются, одна из них – их близкая расположенность к населенным пунктам, где определенная нормами действующего законодательства санитарно-защитная зона – 1000 м для горных работ, 500 м для отвальных работ – является, конечно, очень малым расстоянием [13, с. 755].

Таким образом, действующие положения в нормативах санитарно-защитной зоны, установленной для предприятий в зависимости от класса вредности, указывают на целесообразность внесения в них изменений, где практическая реальность показывала бы необходимость определения ее размера не в рекомендательном, а в обязательном порядке.

Муниципальные механизмы защиты прав и свобод человека и гражданина

Механизмы защиты прав и свобод человека и гражданина включают в себя разнообразные правозащитные элементы: положения муниципального устава, решения

представительного органа муниципального образования, постановления и распоряжения главы муниципалитета, а также муниципальный контроль. Разные виды последнего помогают реализовывать основные принципы осуществления, обеспечения и защиты прав местного населения. Законодатель предусмотрел закон о государственном и муниципальном контроле, в котором прописал его определение, виды, цель и перечень компетенций, организацию и порядок осуществления⁹. Создан единый реестр контрольных (надзорных) мероприятий, в котором отображается учет контрольными муниципальными органами проводимых профилактических мероприятий и принятых мер. В своей работе А. А. Брышкина опирается на налаженную систему контроля, являющуюся обязательным условием нормального функционирования общества [14, с. 34]. Например, Распоряжением администрации г. Новокузнецка № 1103 от 06.08.2020 внесены изменения в перечень видов муниципального контроля, к числу которых отнесены муниципальный лесной контроль в границах городского округа, муниципальный жилищный контроль, контроль в сфере благоустройства на территории городского округа и т. д.¹⁰ Контроль выполняется в виде плановых выездных и внеплановых выездных документальных проверок. Результатом осуществления муниципального контроля является акт проверки, а в случае выявления нарушений требований законодательства РФ выписывается предписание с направлением материалов проверки в контрольно-надзорные или судебные органы для принятия соответствующих мер. Информирование заинтересованных лиц организуется путем индивидуального и публичного варианта. Публичное информирование отображается в средствах массовой информации либо размещается на официальном сайте администрации г. Новокузнецка в сети Интернет.

Правозащитная роль муниципальной власти строится на взаимосвязанных отношениях между муниципальными органами и местным населением, которые основываются на взаимных правах и обязанностях. Они могут проявляться в представлении на рассмотрение муниципальным служащим инициативных проектов со стороны граждан для развития и улучшения среды проживания. Инициативные проекты установили свои позиции, аналогичные народным проектам, в целях решения местных задач, требующих неотлагательного исполнения. Дальнейшее развитие инноваций, применяемых государственной и муниципальной

⁷ О введении в действие новой редакции санитарно-эпидемиологических правил и нормативов СанПиН 2.2.1/2.1.1.1200-03 «Санитарно-защитные зоны и санитарная классификация предприятий, сооружений и иных объектов». Постановление Главного государственного санитарного врача РФ № 74 от 25.09.2007 (ред. от 28.02.2022). *Гарант*. Режим доступа: <https://base.garant.ru/12158477/b89690251be5277812a78962f6302560/> (дата обращения: 04.04.2022).

⁸ О внесении изменений в Правила землепользования и застройки муниципального образования «Сосновское сельское поселение», утвержденные решением Совета народных депутатов Сосновского сельского поселения от 24.12.2015 № 130. Решение Совета народных депутатов Сосновского сельского поселения Новокузнецкого муниципального района Кемеровской области № 169 от 24.10.2016. *Администрация Сосновского сельского поселения*. Режим доступа: <http://www.sosnovskoe-nk.ru/sovets-narodnyx-deputatov/resheniya-soveta-narodnyx-deputatov/baza-2016.html> (дата обращения: 12.01.2022).

⁹ О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации. ФЗ № 248-ФЗ от 31.07.2020. *СПС КонсультантПлюс*.

¹⁰ О внесении изменений в распоряжение администрации города Новокузнецка от 15.10.2018 № 1479. Распоряжение Администрации г. Новокузнецка Кемеровской области № 1103 от 06.08.2020. *Гарант*. Режим доступа: <https://base.garant.ru/74500229/> (дата обращения: 04.03.2022).

публичной властью для осуществления личностных прав и свобод местного населения, позволит расширить механизмы их обеспечения и защиты.

Например, Минстрой России и АНО «Диалог Регионы» запустили проект на всей территории РФ в виде общероссийской платформы по формированию комфортной городской среды. На ее основе в субъектах РФ образовали Центры управления регионами и создали систему «Инцидент Менеджмент». Цель проекта – создать с помощью интернет-технологий условия для реализации возможности участия граждан в улучшении благоустройства местной территории. Созданная платформа послужит информатором о фактическом состоянии муниципальных образований в стране. На ней будет сформулирован список тех территорий, которые в действительности нуждаются в улучшении своего общего состояния. Принцип работы платформы и ее мобильной версии устроен следующим образом. После быстрой регистрации через портал «Госуслуги» или социальные сети можно решить, каким именно объектам необходима реставрация или замена. За какую местность отдадут больше голосов, та и попадет в этот список благоустройства на следующий год, в том числе и по дизайн-проектам¹¹. В рамках этой концепции можно создать реестр местных территорий, нуждающихся в благоустройстве, на каждый год. Сформированная общая база данных поможет планомерно принимать конкретные меры по их развитию. Быстрыми темпами внедряется модернизация во все сферы жизнеобеспечения со стороны публичной власти.

Таким образом, муниципальные механизмы способствуют повышению достойного уровня жизни населения, что является одним из главных приоритетов политики публичной власти в России.

Выводы

Возможность реализации одной из ключевых для ОМС в РФ задач осуществления, обеспечения и защиты прав человека и гражданина заключается в следующем:

1. Необходимо со стороны муниципальной власти создавать качественные условия проживания для местного населения, давая ему возможность принимать участие в осуществлении местного самоуправления путем проявления активности через правотворческую инициативу. Представленная ее концепция повысит уровень сознания людей, стимулируя их на принятие решений в вопросах местного значения.
2. Использование цифровизации на всех уровнях публичной власти позволит ей намного быстрее и качественнее обеспечить конституционные права и свободы человека и гражданина, но с обязательным соблюдением кибербезопасности.

3. Сложившиеся реалии диктуют в целях осуществления, обеспечения прав личности на муниципальном уровне рассмотреть внесение прогрессивной шкалы местных налогов с учетом мнения жителей.

4. В связи с предусмотренной возможностью компенсировать муниципалитетам обоснованные понесенные затраты при осуществлении ими переданных государственных полномочий сверх выделенных средств на эти цели прописать в положениях закона о местном самоуправлении нормативы муниципальным образованиям заранее закладывать эти возможные дополнительные расходы в местный бюджет с последующим возмещением в виде компенсации из государственного бюджета.

5. В решении экологических проблем на муниципальном уровне целесообразно внести изменения в действующие нормативы санитарно-защитной зоны, установленной для предприятий в зависимости от класса вредности, где практическая реальность указывает на необходимость определения ее размера не в рекомендательном, а в обязательном порядке.

6. Нужно способствовать повышению уровня развития ОМС, используя муниципальные правовые механизмы защиты прав и свобод человека и гражданина. Для этого необходимо внедрение инициативных проектов, муниципальных программ и стратегий как со стороны государства, так и общества (с учетом контроля государственных органов при их реализации). Дальнейшее внедрение публичной властью инноваций позволит расширить механизмы муниципального правотворчества.

Для осуществления, обеспечения и защиты прав человека и гражданина необходимо сохранять демократические принципы, давая возможность принимать участие населению в решении местных проблем, повышать его активность в правотворческой инициативе, улучшая ее структуру и порядок внесения предложений по развитию местных территорий [15, с. 40]. В контексте рассматриваемой проблемы можно указать основной правовой момент – совершенствование законодательства в этой сфере.

Заключение

Полагаем, что с помощью модернизации цифровых инновационных технологий и их внедрения на уровне муниципальной власти улучшатся условия реализации основных конституционных прав человека и гражданина. Благодаря их использованию повысится качество государственных и муниципальных услуг, минимизируются бюрократические проволочки при их оформлении, сократится время получения разных видов пособий и компенсаций, появится больше возможностей для благоустройства территорий

¹¹ Минстрой России и АНО «Диалог Регионы» запускают общероссийскую платформу по голосованию за объекты благоустройства. *Минстрой России*. 10.02.2021. Режим доступа: https://minstroyrf.gov.ru/press/minstroy-rossii-i-ano-dialog-regiony-zapuskayut-obshcherossiyskuyu-platformu-pogolosovaniyu-za-obek/?sphrase_id=1625013 (дата обращения: 17.01.2022).

и жизнеобеспечения населения каждой местности, а в совокупности всей страны. Внедрение в дальнейшей перспективе цифровых технологий в сфере муниципальных услуг позволит улучшить качество их предоставления, но при этом со стороны государства необходимо обеспечить безопасность личных персональных данных.

Следует повышать активность местного населения в решении вопросов местного значения, например в правотворческой инициативе на муниципальном уровне. Предложенный вариант в виде концепции подачи на общественное обсуждение проектов муниципальных правовых актов, касающихся вопросов местного значения, через сайт муниципалитета с использованием портала «Госуслуги» способствует непосредственному участию населения в реализации местного самоуправления. Представленную концепцию правотворческой инициативы предлагаем закрепить в нормах статей 28 и 46 ФЗ № 131-ФЗ, что расширит перечень полномочий ОМС по вопросам осуществления, обеспечения и защиты прав человека и гражданина. ОМС наделяются отдельными государственными полномочиями в целях реализации прав и свобод человека и гражданина. В вопросах их осуществления муниципальной властью с учетом конституционных новелл предлагается расширить меры по определению нормативных расходов и источников при возмещении компенсации в случае понесенных дополнительных расходов местными бюджетами. В связи с этим рекомендуется

предусмотреть внесение в полномочия муниципалитетов регулирующей функции заранее закладывать возможные расходы в свой местный бюджет с последующим возмещением в виде компенсации из государственного бюджета.

Кроме того, залогом осуществления, обеспечения и защиты прав человека и гражданина ОМС будет являться достаточный уровень доходов местного бюджета. Увеличение его доходной части возможно путем введения прогрессивной шкалы местных налогов. В целом бремя охраны, обеспечения и осуществления прав и свобод человека и гражданина лежит на обществе, государстве, ОМС, где абсолютное большинство гарантий носит объективный характер. Вместе с тем с учетом конституционных новелл повышается роль человека в обеспечении реализации прав и свобод. Таким образом, представленные меры в рамках заявленной тематики будут способствовать как улучшению реализации процессов осуществления, обеспечения и защиты прав человека и гражданина на уровне местного самоуправления, так и правовому развитию государства в целом.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Бабун Р. В. Организация муниципального управления. СПб.: Питер, 2012. 336 с.
Babun R. V. *Organization of municipal administration*. St. Petersburg: Piter, 2012, 336. (In Russ.)
2. Анохин Ю. В. О проблемах государственно-правового обеспечения прав человека в современных условиях. *Социально-экономическое развитие регионов России: реалии современности, тенденции, перспективы (посвящается 70-летию колледжа Западного филиала РАНХиГС)*: мат-лы I Междунар. науч.-практ. конф. (Калининград, 5–9 июля 2016 г.) Калининград: Западный филиал РАНХиГС, 2016. С. 12–14.
Anokhin Yu. V. State and legal support of human rights in modern conditions. *Socio-economic development of Russian regions: modern realities, trends, and prospects (dedicated to the 70th anniversary of the College of the Western Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration)*: Proc. I Intern. Sci.-Prac. Conf., Kaliningrad, 5–9 Jul 2016. Kaliningrad: Western Branch of RANEPА, 2016, 12–14. (In Russ.)
3. Балаян Э. Ю. Защита прав человека и гражданина как обязанность государства: конституционно-правовое исследование. Кемерово: Кемеровский институт (филиал) РГТЭУ, 2010. 298 с.
Balayan E. Yu. *Protection of human and civil rights as a duty of the state: a constitutional and legal study*. Kemerovo: Plekhanov Russian University of Economics Kemerovo branch, 2010, 298. (In Russ.)
4. Трещева О. Ю., Балаян Э. Ю. Муниципальная власть в условиях модернизации общества и государства. *Государственная власть и местное самоуправление*. 2020. № 9. С. 22–25. <https://doi.org/10.18572/1813-1247-2020-9-22-25>
Trescheva O. Yu., Balayan E. Yu. Municipal government in the conditions of modernization of the society and state. *Gosudarstvennaia vlast i mestnoe samoupravlenie*, 2020, (9): 22–25. (In Russ.) <https://doi.org/10.18572/1813-1247-2020-9-22-25>
5. Трещева О. Ю. Механизмы реализации основных прав и свобод человека и гражданина в контексте муниципального правотворчества. *Учредительные нормы и учредительные акты в публичном праве (к 25-летию Устава (Основного Закона) Калининградской области)*. IV Прокопьевские чтения: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (Калининград, 18–19 декабря 2020 г.) Калининград: БФУ им. И. Канта, 2021. С. 247–254.
Trescheva O. Yu. Mechanisms for the implementation of fundamental human and civil rights and freedoms in the context municipal lawmaking. *Constituent norms and constituent acts in public law (25th anniversary of the Charter of the Kaliningrad Region)*. 4th Prokopiev Readings: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Kaliningrad, 18–19 Dec 2020. Kaliningrad: IKBFU, 2021, 247–254. (In Russ.)

6. Система муниципального управления, под ред. В. Б. Зотова. 5-е изд., испр. и доп. Ростов н/Д: Феникс, 2010. 717 с. *The system of municipal government*, ed. Zotov V. B. 5th ed. Rostov-on-Don: Feniks, 2010, 717. (In Russ.)
7. Овчинников И. И., Писарев А. Н. Муниципальное право России. М.: Эксмо, 2007. 544 с. Ovcinnikov I. I., Pisarev A. N. *Municipal law of Russia: a tutorial*. Moscow: Eksmo, 2007, 544. (In Russ.)
8. Зотов В. Б., Бабун Р. В., Алиева З. А. Система муниципального управления. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Олма-Пресс, 2006. 624 с. Zotov V. B., Babun R. V., Alieva Z. A. *System of municipal management*. 2nd ed. Moscow: Olma-Press, 2006, 624. (In Russ.)
9. Рыткова В. Ю. Основные аспекты правового регулирования в сфере охраны окружающей среды. *Социально-экономическое развитие регионов России: реалии современности, тенденции, перспективы (посвящается 70-летию колледжа Западного филиала РАНХ и ГС)*: мат-лы I Междунар. науч.-практ. конф. (Калининград, 5–9 июля 2016 г.) Калининград: Западный филиал РАНХиГС, 2016. С. 41–43. Rytkova V. Yu. The main aspects of legal regulation in the field of environmental protection. *Socio-economic development of Russian regions: modern realities, trends, prospects (dedicated to the 70th anniversary of the College of the Western Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration)*: Proc. I Intern. Sci.-Prac. Conf., Kaliningrad, 5–9 Jul 2016. Kaliningrad: Western Branch of RANEPА, 2016, 41–43. (In Russ.)
10. Ионов П. К. Эндоекологическая реабилитация на курорте (метод Левина в модификации Ионова). Анапа, 1999. 208 с. Ionov P. K. *Endoecological rehabilitation at the resort (Levin's method in Ionov's modification)*. Анапа, 1999, 208. (In Russ.)
11. Жочкина И. Н. Роль органов местного самоуправления в экологически устойчивом развитии территорий. *Научная дискуссия современной молодежи: актуальные вопросы юридических наук*: мат-лы II науч.-практ. конф. (Саранск, 11 декабря 2018 г.) Саранск: ЮрЭксПрактик, 2018. С. 47–51. Zhochkina I. N. Role of local government bodies in environmentally sustainable development of territories. *Scientific discussion of modern youth: topical issues of legal sciences*: Proc. II Sci.-Prac. Conf., Saransk, 11 Dec 2018. Saransk: IurEksPraktik, 2018, 47–51. (In Russ.)
12. Рыженков А. Я. Принцип обеспечения благоприятных условий жизнедеятельности человека в экологическом праве: вопросы теории. *Юрист-Правоведь*. 2015. № 4. С. 77–82. Ryzhenkov A. Ya. Principle of providing favorable conditions of person activity in the ecological law: theory questions. *Jurist-Pravoved*, 2015, (4): 77–82. (In Russ.)
13. Трещева О. Ю., Балаян Э. Ю. Влияние угольных разрезов на состояние окружающей среды и здоровье человека. *Инновационный конвент «Кузбасс: образование, наука, инновации – 2018»*: мат-лы Инновационного конвента. (Кемерово, 14 декабря 2018 г.) Кемерово-Новокузнецк: СибГИУ. 2019. С. 751–756. Treshcheva O. Yu., Balayan E. Yu. The impact of coal on the environment and human health. *Innovation Convention "Kuzbass: education, science, and innovation – 2018"*: Proc. Innovation Convention, Kemerovo, 14 Dec 2018. Kemerovo-Novokuznetsk: SibSIU, 2019, 751–756. (In Russ.)
14. Брышкина А. А. Муниципальный контроль: законодательство, теория, практика. *Местное право*. 2016. № 6. С. 33–44. Bryshkina A. A. Municipal control: legislation, theory, practice. *Mestnoe pravo*, 2016, (6): 33–44. (In Russ.)
15. Трещева О. Ю., Балаян Э. Ю. Конституционные гарантии осуществления, обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина органами местного самоуправления. *Государственная власть и местное самоуправление*. 2019. № 10. С. 40–45. <https://doi.org/10.18572/1813-1247-2019-10-40-45> Treshcheva O. Yu., Balayan E. Yu. Constitutional guarantees of exercising, securing, and protection of human and civil rights and freedoms by local self-government authorities. *Gosudarstvennaia vlast i mestnoe samoupravlenie*, 2019, (10): 40–45. (In Russ.) <https://doi.org/10.18572/1813-1247-2019-10-40-45>

оригинальная статья

Архетипы традиционной культуры в XXI веке

Бакирова Айгуль Муратовна

Российский университет дружбы народов, Россия, г. Москва

aigulya_2050@mail.ru

Поступила в редакцию 15.03.2022. Принята после рецензирования 12.04.2022. Принята в печать 25.04.2022.

Аннотация: Предмет исследования – архетипы традиционной культуры, сложившиеся в эпоху кочевой цивилизации в Казахстане и упраздненные в советский период времени как пережитки родового строя, противоречившие и не нашедшие места в новой складывающейся правовой системе социалистического государства. Цель – выявить причины, мотивы возрождения архетипов традиционной культуры, латентности совершаемых правонарушений, связанных с применением упраздненных в начале XX в. и запрещенных в XXI в. традиций, основанных на нормах казахского обычного права и шариате. Актуальность темы обусловлена увеличением роста многоженства и совершения правонарушений, связанных с похищением женщин с целью их принуждения к браку. Рассмотрена трансформация правового положения женщин в Казахстане с XX по начало XXI в. Особое место в исследовании отведено советским преобразованиям и основаниям упразднения традиционных семейно-брачных институтов в Казахстане в связи с коренным изменением общественных отношений, вызванных сменой государственной власти и повлиявших на государственное развитие кочевой окраины Российского государства. Проанализированы данные уголовной правовой статистики по совершенным правонарушениям против прав и свобод женщин, проведен сравнительный анализ хроники похищений потерпевших и фактов многоженства в соседних постсоветских государствах. Методология работы основывается на правовых компаративистских исследованиях, в рамках которых осуществлялись диахронизация и синхронизация правовых явлений и процессов в Казахстане в установленных хронологических рамках. Диахронный метод позволил сравнить традиции похищения невест, особенности многоженства в Казахстане, существовавшие в разные исторические периоды. Юрико-догматический метод был направлен на толкование и правильное использование нормативных правовых актов и содержащихся в них норм и применялся для анализа обычаев, норм ислама, дореволюционного имперского права, советского и постсоветского законодательства.

Ключевые слова: традиции, местные обычаи, правовая культура, права женщин, похищение женщины, умыкание невесты, многоженство, кочевая община

Цитирование: Бакирова А. М. Архетипы традиционной культуры в XXI веке. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2022. Т. 6. № 2. С. 134–141. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2022-6-2-134-141>

full article

Archetypes of Traditional Culture in the XXI Century

Aigul M. Bakirova

Peoples' Friendship University of Russia, Russia, Moscow

aigulya_2050@mail.ru

Received 15 Mar 2022. Accepted after peer review 12 Apr 2022. Accepted for publication 25 Apr 2022.

Abstract: The article deals with the archetypes of traditional nomadic culture in Kazakhstan that were abolished in the Soviet period as remnants of the tribal system. However, polygamy and abduction of women in order to force them into marriage occur quite often nowadays. The author examined the transformation of the legal status of women in Kazakhstan in the XX – early XXI centuries. The research focused on the Soviet transformations of traditional family and marriage institutions in Kazakhstan, which were caused by the radical change in social relations, state power, and nomadic lifestyle. The author analyzed criminal statistics on offenses against the rights and freedoms of women and compared the current situation with abductions of women and polygamy in neighboring post-Soviet states. The research objective was to find out the motives behind the revival of the archetypes of traditional culture, as well as the latency of committed offenses related to the use of Kazakh customary law and Sharia. The methodology was based on legal comparative studies, i.e., diachronization and synchronization of legal phenomena and processes. The diachronic method made it possible to compare the traditions of bride kidnapping and polygamy in Kazakhstan in different historical periods. The legal-dogmatic method was used to analyze the customs, norms of Islam, pre-revolutionary imperial law, Soviet and post-Soviet legislation, etc.

Keywords: traditions, local customs, legal culture, women's rights, abduction of women, bride kidnapping, polygamy, nomadic community

Citation: Bakirova A. M. Archetypes of Traditional Culture in the XXI Century. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2022, 6(2): 134–141. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2022-6-2-134-141>

Введение

Советские преобразования начала XX в. кардинально изменили правовую систему национальной окраины России и повлияли на развитие прав и свобод казахской женщины, закрепив ее новый правовой и социальный статус в обществе.

В казахском патриархальном обществе огромную роль играли традиции и нормы шариата, являющиеся регулятором отношений в кочевой общине. Несмотря на доминирующую роль мужчины в традиционном кочевом обществе, взаимоотношения с женщинами строились на разных ролевых функциях и различии мужской и женской Конституций. Очень сильны были основы матриархата, когда женщина стояла во главе государства (в истории Казахской степи царица массагетов¹ – Томирис) и самостоятельно решала вопросы управления хозяйством, принимала участие в конных состязаниях, проявляла себя с творческой стороны в разных качествах: певицы, акына² и др. Известный миссионер М. А. Миропиев писал о казахских женщинах: «Хотя женщина киргиза-кочевника и обременена домашними работами, но она пользуется большою свободой: она не закрывает своего лица от мужчины и беспрепятственно допускается в его общество, где она имеет достаточный вес и значение. Киргизскую женщину, скорее, можно упрекнуть в излишней вольности, а в некоторых случаях даже и в циничности, чем в недостатке свободы» [1, с. 377]. Вопреки патриархальному укладу общества, роль казахской женщины в кочевой общине была особенной. Отметим, что при главенствующей роли мужчины в семье правовое положение казахских женщин по сравнению со статусом других женщин Востока было относительно высоко. Наличие родового деления в казахском кочевом обществе предопределило то, что практически за каждой женщиной стоял ее род, и с этим весомым фактором приходилось считаться.

Революционные и последовавшие государственные и социальные преобразования привели к упразднению многих традиционных институтов казахского обычного права и норм шариата. Смена государственной власти в связи с произошедшей Великой российской революцией³ привела к полному упразднению архетипов традиционной культуры в Казахстане в начале XX в. Февральские и октябрьские события 1917 г. запустили определенные политические процессы, приведшие к кардинальной эволюции всего казахского общества.

Новый тип государства, ликвидация кочевой общины, запрет адата⁴ и норм шариата – все это вызвало определенное сопротивление со стороны кочевой общины, не желающей менять свой традиционный уклад жизни.

В центрально-азиатской части Земли, которую населяла этническая группа тюрков, традиции были той ценностью, которая на протяжении столетий являлась регулятором общественных отношений кочевников [2, с. 37]. Как заметил российский академик В. С. Стёпин, это некий «социокод, посредством которого фиксируются программы социального поведения, общения и деятельности» [3, с. 107]. Профессором было отмечено, что «культура может быть определена как система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях. Эти программы представлены многообразием знаний, предписаний, норм, навыков, идеалов, образцов деятельности и поведения, идей, верований, целей и ценностных ориентаций и т. д. В своей совокупности и исторической динамике они образуют накапливаемый и постоянно развивающийся социальный опыт. Культура хранит, транслирует этот опыт (передает его от поколения к поколению). В этой функции она выступает как традиция, как социальная память» [3, с. 107].

Поэтому насильственное упразднение сложившихся вековых традиций и норм шариата было не принято казахским обществом и вызывало протест и враждебность к новым постановлениям советской власти. Однако трансформация казахского общества с помощью коллективизации и «советизации аула» запустила процессы социализации, которые привели к дальнейшей ликвидации казахского обычного права и норм шариата. В результате отмены некоторых семейно-брачных традиций кардинально изменилось правовое положение казахской женщины в обществе. Новая идеология сформировала новый облик современной женщины в Казахстане.

С начала распада Советского Союза и перехода к рыночной экономике в Казахстане начался процесс поднятия национальной самоидентификации, который привел к возрождению различного рода традиций. Учитывая возрождение

¹ Массагеты – среднеазиатские кочевые и полукочевые племена.

² Акын – поэт-импровизатор.

³ Великая российская революция – термин Концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории, утвержденной в 2013 г. на расширенном заседании Совета Российского исторического общества и рекомендованной школьникам, студентам, всем, кто изучает историю России.

⁴ Адат – казахское обычное право.

традиционных стереотипов казахского обычного права и норм шариата (умыкание, принуждение к браку), существовавших в эпоху кочевого общества, прерванных в связи с внедрением советских преобразований, актуализировавшиеся в начале настоящего столетия архетипы казахской кочевой культуры, запрещенные государством, пополняют сводку современной уголовной правовой статистики.

Современное состояние не признанных государством архетипов традиционной культуры

В конце декабря 1920 г. ЦИК и СНК КазАССР принимается декрет об отмене калыма⁵, в 1922 г. устанавливается законодательная ответственность за принуждение к замужеству, в 1924 г. принимается закон о наказании за двоеженство и многоженство, в 1925 г. – о наказаниях за брак с малолетними, умыкание и амангерство⁶. С 1924 г. в Казахстане, как и в республиках Средней Азии, вводится праздник «День отмены калыма» [4, с. 31].

Ликвидация традиционных семейно-брачных институтов советской властью вызвала некую модификацию в брачных правоотношениях: многоженство приобрело скрытый характер, а в качестве его оправдания утверждалось, что европейские мужчины совсем не содержат своих жен. Женщины сами стали гораздо чаще требовать развода и предпочитали переходить от бедняков к богатым на правах второй или третьей жены. Поэтому государственные органы в борьбе со старыми родовыми пережитками, нормативно закрепляя гендерное равноправие мужчин и женщин, обеспечивали равные возможности для реализации прав женщин. Началась активная пропаганда по участию женщин в производстве, это позиционировалось как обязательное условие построения социалистического строя. Участие в производстве для большинства женщин постепенно стало главным условием признания в обществе. Символами феминистских успехов стали Алма Уразбаева, Нагима Арыкова, Сара Есова, Мадина Бегалиева, Фатима Далдабаева и др. Публичный характер трудового коллектива стимулировал общественную активность женщин, стремившихся доказать свою успешность как гражданки, жены и матери [5]. В условиях формирования новых политических устоев правовой статус казахской женщины менялся коренным образом вследствие повышения брачного возраста; установления права на выбор профессии, рода занятий, места жительства; введения равной оплаты за труд и реализации многих других правомочий.

С началом советских преобразований женщины были вовлечены во всю совокупность экономических, политических,

социальных структур и отношений. Преимущества нового строя были продемонстрированы на примере правового статуса женщины-мусульманки, которая становится значимым субъектом советского общества благодаря «обеспечению женского равноправия, отказу от явно устаревших социальных норм и практик» [4, с. 26–27]. На наш взгляд, советское правительство, создавая необходимые условия для участия женщины во всех сферах общественной жизни, в корне меняло представление о социальном предназначении женщины.

Таким образом, на формирование нового облика казахской женщины повлияло становление нового типа государства в начале XX в.: правовой статус женщины трансформировался в силу изживших себя традиций в связи с полной ликвидацией патриархальных стереотипов. Тем удивительнее сегодня наблюдать возрождение некоторых старых родовых пережитков, запрещенных государством и неутешительно пополняющих уголовную статистику современного Казахстана.

Учитывая требования современной эпохи, некоторые институты традиционного казахского обычного права в настоящее время нашли свое применение как новация (Совет биев⁷, успешно вписавшийся в современное сообщество как институт медиации), однако не все возродившиеся традиции и нормы шариата в казахстанском социуме заслуживают право на существование. Все чаще в последнее время такие отжившие архетипы традиционной культуры, как похищение женщины с целью принуждения к браку и многоженство, зародившиеся в период кочевой общины, исчерпавшие свой потенциал еще в начале XX в., ущемляющие права женщин, как было сказано, возглавляют сводки сегодняшних правонарушений в Казахстане. Однако, несмотря на то, что государством противоправные деяния против прав и свобод женщин признаются правонарушениями, по мнению некоторых респондентов, многоженство и умыкание нельзя расценивать только с негативной точки зрения. Они считают, что если женщины идут на заключение полигамных браков и соглашаются после умыкания вступить в брачный союз, не заявляя в правоохранительные органы о таких фактах, то их не следует относить к общественно-опасным деяниям⁸. Официальное же право Республики Казахстан приравнивает умыкание женщин к похищению человека – особо опасному общественному деянию, за которое виновный несет уголовное наказание. За похищение женщины в Казахстане предусмотрена не административная, а уголовно-правовая ответственность. Многоженство, нарушающее гендерное равенство, хоть и не является правонарушением, но и не признается в качестве законного брачного союза действующим

⁵ Калым – выкуп невесты.

⁶ Амангерство (левират) – казахская традиция, согласно которой женщина, потерявшая мужа, выходила замуж за одного из его братьев.

⁷ Совет биев – совещательный орган при Казахском хане, действующий на общественных началах, занимающийся решением важнейших вопросов внутренней и внешней политики ханства, учрежденный в XVII в.

⁸ Результаты анкетирования, проведенного в 2020 г. среди представителей различных возрастных групп в рамках написания диссертационной работы «Традиции и инновации в правовой культуре Казахстана». Опрошено 50 респондентов, изучено 45 бланков опроса.

законодательством Республики Казахстан, и, соответственно, правомочия супругов с момента заключения полигамного брака у сторон не возникают.

Представители казахстанских правозащитных организаций⁹ в XXI в. констатируют увеличение фактов «воровства» невест. В период продолжающейся пандемии COVID-19 растет число бытовых преступлений. За 2021 г. и первый месяц 2022 г., по данным Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан (далее – Комитет), в разделе сведений об уголовных правонарушениях, лицах их совершивших, работе органов уголовного преследования и совершенных суицидах информация по заведенным уголовным делам в отношении похищенных женщин в целях принуждения к браку отсутствует. В предоставленных сведениях за 2021 г. в общем разрезе преступлений против личности упоминается количество совершенных правонарушений по стране (7665); в разделе сведений по зарегистрированным правонарушениям, связанным с торговлей людьми, похищением человека с целью эксплуатации похищенной (п. 2 ч. 3 ст. 125 УК РК), количественные данные не представлены; в разделе по совершению уголовно-правовых деяний против женщин количество преступлений составляет неутешительные цифры (61464). Учитывая, что похищение женщины с целью ее эксплуатации относится к квалифицирующему признаку преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 125 УК РК, государственный орган дает лишь общие данные в разрезе совершенных преступлений за 2021 г. (41346). За первый месяц 2022 г. в Казахстане совершено 1447 преступлений против личности; в разделе сведений о зарегистрированных правонарушениях, связанных с торговлей людьми, похищением человека с целью эксплуатации похищенной, информация отсутствует; в разделе преступлений против женщин количество совершенных уголовных общественно-опасных деяний составляет 5683¹⁰. На сегодняшний день не имеется точных статистических данных, учитывающих количество похищенных женщин в Казахстане. Представлены лишь данные пятилетней давности из интернет-ресурсов за 2016 г., составленные организациями по защите прав женщин, которые сообщают, что ежегодно в Республике Казахстан совершается до 5 тыс. похищений женщин с целью заключения брака, что составляет около 13 случаев в день. Это только те случаи, о которых известно. Очень часто жертвы не заявляют о преступлении в соответствующие органы: они запуганы и пребывают в растерянности¹¹.

Все это свидетельствует о неполной информации и об отсутствии реальной оценки совершенных правонарушений против прав и свобод женщин, фактов многоженства.

На данный момент мы не располагаем сведениями о количестве совершаемых правонарушений в отношении похищенных, поэтому не можем говорить о преамбуле роста или падения совершаемых общественно-опасных деяний, дискредитирующих современные завоевания в области прав и свобод женщин. Возникает вопрос: *Какой толк в большом объеме статистической информации, которая не отражает точных сведений по совершению преступных деяний, связанных с пережитками родового строя?*

Традиции и нормы шариата как пережиток прошлого на территориях постсоветского пространства

Практика похищения невест (каз. *қыз алып қашу* 'похищение девушки'), распространенная у многих восточных народов постсоветского пространства, является древнейшей традицией стран Средней и Центральной Азии. Несмотря на то, что в современном обществе умыкание невесты порицается и уголовно преследуется, девушек похищают регулярно (как против воли невесты, так и по обоюдному согласию). Чаще всего влюбленные договариваются о похищении, когда у них нет денег на проведение свадебного торжества (раньше – когда не было возможности уплатить калым).

В советский период в УК РСФСР была отведена целая глава «Преступления, составляющие пережитки местных обычаев» (статьи 231–236). Она предусматривала наказание не только за похищение невесты, но и за кровную месть, уплату калыма, многоженство и за соблюдение прочих восточных традиций, которым не место в советском государстве. Наказание за похищение невесты существовало и в царской России. Древний обычай похищения невест остается довольно распространенным и в современной России. Особенно часто в настоящее время такие случаи встречаются в Чечне, Дагестане и Ингушетии [6, с. 23; 7, с. 43]. Статья 126 УК РФ «Похищение человека» действительно применима к случаям кражи невест и предполагает наказание в виде лишения свободы на срок от четырех лет. Однако, согласно примечанию к этой статье, «лицо, добровольно освободившее похищенного, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления», что фактически освобождает похитителя от судебного преследования.

В 2008 г. в Ингушетии уже был подготовлен законопроект о внесении в УК РФ поправок, предусматривающих наказание за похищение невест. В нем указывалось, что по нынешнему законодательству «виновному в большинстве случаев удастся избежать уголовной ответственности»

⁹ Напр.: КГУ «Кризисный центр "Умит" акимата города Нур-Султан»; Частный фонд «Қорғау-Астана» г. Нур-Султан; ОЮЛ «Союз кризисных центров Казахстана» г. Алматы.

¹⁰ Аналитическая информация 2022. Комитет по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан. Режим доступа: <https://www.gov.kz/memleket/entities/pravstat/documents/details/266599?lang=ru> (дата обращения: 11.02.2022).

¹¹ Ауеспекова А. Алып қашу: дань традиции или пережиток прошлого. *Newtimes.kz*. 03.02.2020. Режим доступа: <https://newtimes.kz/obshchestvo/104702-alyup-kashu-dan-traditsii-ili-perezhitok-proshlogo> (дата обращения: 12.02.2022).

именно на основании примечания к ст. 126 УК РФ. Авторы законопроекта отмечали, что правоохранительные органы республик Северного Кавказа не могут привлекать похитителей к ответственности. При этом потерпевшие, не найдя защиты у государства, часто пытаются самостоятельно возместить ущерб от нанесенного оскорбления (именно так расценивается похищение женщины местными обычаями), что создает угрозу вне судебного разрешения конфликта¹². Государственная Дума отклонила этот законопроект, а в ее профильном комитете по законодательству заявили, что предлагаемые поправки снижают вероятность добровольного освобождения похищенных, поскольку реальные мотивы похищения установить сложно, кроме случаев, когда брак действительно был заключен. В 2017 г. представительные органы Ингушетии вновь внесли законопроект о выделении из состава похищения человека в отдельную диспозицию похищение невест, чтобы предотвратить случаи принуждения к браку после похищения и наказать лиц, которые, пользуясь примечанием ст. 126 УК РФ, избегают уголовной ответственности¹³. Однако в настоящее время изменений по исключению из уголовной ответственности оснований освобождения от наказания за похищение женщин с целью принуждения к браку в действующее законодательство РФ не внесено.

Национальная традиция умыкания невест существовала во многих патриархальных обществах, не обошла она стороной и современный Кыргызстан. В Кыргызстане в 1994 г. умыкание и принуждение к браку, многоженство были приравнены к преступным деяниям. Согласно новому УК Кыргызской Республики¹⁴, государством был расширен перечень деяний, приравненных к преступлениям против свободы женщин.

Немаловажным аспектом для кыргызского законодательства является тот факт, что в отличие от Казахстана в УК Кыргызской Республики указано порядка пяти статей, связанных с применением семейно-брачных традиций, соблюдавшихся в досоветский период. Уголовное законодательство Кыргызстана относит похищение лица с целью вступления в брак, принуждение лица к вступлению в фактические брачные отношения, или в брак, нарушение законодательства о брачном возрасте при проведении религиозных обрядов, двоеженство или многоженство

к преступлениям против уклада семейных отношений и интересов детей (гл. 26)¹⁵. Санкции за совершение указанных общественно-опасных деяний составляют от пяти до десяти лет лишения свободы, за принуждение к браку предусмотрены штраф и лишение свободы, за нарушение единобрачия – общественные, исправительные работы и штрафы. При похищении лица с целью вступления в брак умысел, связанный с похищением женщины в качестве невесты, кыргызский законодатель признал обстоятельством, отягчающим уголовную ответственность. Таким образом, Кыргызстан путем криминализации деяний против прав и свобод женщин с помощью уголовных наказаний пытается бороться с патриархальными устоями и пережитками родового строя.

Организация Объединенных наций констатирует, что в Кыргызстане 13,8 % женщин в возрасте до 24 лет принудительно выдавались замуж¹⁶. По данным правоохранительных органов, в Кыргызстане ежегодно похищается до 12 тыс. девушек, которые вступают в брак не по своей воле¹⁷.

В Казахстане дело с практикой похищения женщин в качестве невест обстоит не лучшим образом. В Казахстане проблема похищения невест «на самом деле имеет латентный характер и связана с бытовым насилием», – считает Т. Ибраев¹⁸.

В противоположность Кыргызстану Казахстан в конце XX в. декриминализовал многоженство, исключив его из перечня правонарушений. Казахстанское законодательство не предусматривает данное явление в своем уголовном законодательстве, но на практике факты сожительства мужчин с двумя или несколькими женщинами с ведением общего хозяйства по-прежнему имеют место. В случае выявления таких фактов брачный союз с многоженцами и возникающие проблемы раздела имущества, алиментных обязательств фактических супругов и другие вопросы, связанные с совместным ведением быта, приходится доказывать сторонам в судебном порядке. Отсутствие юридической ответственности за многоженство поощряет со стороны религиозных мусульманских сообществ в Казахстане политику заключения брачных союзов с двумя и более женщинами, нарушая действующий принцип единобрачия и равноправия между мужчиной и женщиной. Все это приводит к закрепощению женщин, нарушению ее прав.

¹² О внесении изменения в УК РФ (об установлении уголовной ответственности за похищение женщины с целью вступления в брак). Проект ФЗ № 159515-4 от 08.04.2005. *Кодекс*. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/8405378?marker=7D60K4> (дата обращения: 12.02.2022).

¹³ Сотникова А., Холмогорова В., Окрест Д., Истомина М. В Госдуму внесен законопроект о тюремном сроке для похитителей невест. *РБК*. 26.04.2017. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/26/04/2017/590076e89a794792af237a19/> (дата обращения: 12.02.2022).

¹⁴ Уголовный кодекс Кыргызской Республики № 127 от 28.10.2021 (в ред. от 18.01.2022). *Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики*. Режим доступа: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112309> (дата обращения: 12.02.2022).

¹⁵ Там же.

¹⁶ Ващенко В. Заявление ООН о краже невест и детских браках. *Юнисеф Кыргызстан*. 31.05.2018. Режим доступа: <https://www.unicef.org/kyrgyzstan/ru/Пресс-релизы/заявление-оон-о-детских-браках> (дата обращения: 12.02.2022).

¹⁷ Видео о похищении невесты в ЮКО возмутило казахстанцев. *Zakon.kz*. 02.12.2013. Режим доступа: <https://www.zakon.kz/4589455-video-opokhishchenii-nevesty-v-iuko-vozmutilo-kazakhstanstse.html> (дата обращения: 12.02.2022).

¹⁸ Ибраев Т. Педофилия в Казахстане: ювенильное тельце. *Nomad.su*. 13.09.2016. Режим доступа: <https://nomad.su/?a=3-201609130030> (дата обращения: 12.02.2022).

Борьба с патриархальными пережитками родового строя

В советский период, когда под нормативным запретом оказались сложившиеся семейно-брачные устои кочевого уклада жизни, не отвечающие требованиям советской правовой системы, у части населения данный запрет вызвал отторжение и враждебное отношение к правовым нормам, устанавливающим новые условия заключения брака, вызвавшие особые формы проявления правового нигилизма к советским преобразованиям. Для устрашения в УК РСФСР 1926 г., действовавший на территории Казахстана, была введена глава «Преступления, составляющие пережитки родового быта», включавшая ст. 197 «Принуждение женщины к вступлению в брак или к продолжению брачного сожителства, а равно похищение ее для вступления в брак», за нарушение которой следовало наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет [8, с. 202].

Страх наступления уголовной ответственности не привел к полному упразднению данных архетипов традиционной культуры казахов. Ярким подтверждением продолжающейся практики применения старых родовых пережитков является включение в УК КазССР 1959 г. новой главы «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности», содержавшей ст. 106 «Принуждение к вступлению в брак», за несоблюдение которой предусматривалось наказание в виде лишения свободы на срок до одного года или исправительные работы на тот же срок. В этой же диспозиции при похищении женщины вопреки ее воле или принуждении не достигшей брачного возраста к вступлению в фактические брачные отношения следовала санкция в виде лишения свободы на срок до трех лет¹⁹.

Изучение кодифицированных актов КазССР в области уголовного права свидетельствует, несмотря на упразднение многоженства и понуждения к браку, о стойкой тенденции существования архетипов традиционной культуры кочевой общины при наличии предусмотренного советским законодательством уголовного наказания. В действующем УК РК статьи по принуждению женщины к вступлению в брак или к продолжению брачного сожителства, а равно похищение ее для вступления в брак не предусмотрено. Современный законодатель в рамках статьи «Похищение человека» не предусмотрел наказание за совершение похищения женщины в качестве невесты²⁰.

Факты краж невест периодически всплывают в средствах массовой информации Казахстана. Согласно действующему законодательству РК, похищение человека образует состав уголовно наказуемого деяния, влекущего ответственность

в виде лишения свободы до 15 лет с конфискацией имущества. По данным социологических исследований, более 60 % опрошенных взрослых признались, что лично сталкивались с такими случаями в своей жизни. А у 74 % респондентов-подростков в Казахстане есть знакомые сверстники, которых «украли» замуж или которые сами участвовали в таких кражах²¹. В данном случае можно смело говорить о том, что нормы шариата и адата уже одерживают верх над официальным правом.

Проблематичным для квалификации преступления, связанного с похищением человека, остается то, что диспозиция ст. 125 УК РК не выделяет отдельным признаком похищение женщины в качестве невесты²². Количество данных правонарушений увеличивается с каждым годом; утверждать, с чем связана тенденция роста, очень сложно, т. к. социологические исследования по изучению причин, ведущих к совершению правонарушений против прав и свобод женщин, не проводились. Запреты на правовом уровне не приводят к исчезновению стереотипов традиционной культуры, поэтому большинство отечественных правоведов приходят к неутешительным выводам этой обратной стороны поднятого национального самосознания. Возрождение национальных традиций, основанных на казахском обычном праве и нормах шариата, нарушающих права женщин, ведут к дискриминации, несоблюдению принципов равноправия между мужчиной и женщиной, попиранию человеческого достоинства.

В целях изучения данной проблематики мы обратились в Комитет в 2018 г. с заявлением о предоставлении сведений по количеству совершаемых преступлений по ст. 125 УК РК за последние три года. Автор обращался повторно в государственный орган по правовой статистике в 2020–2021 гг. с запросом о предоставлении сведений по количеству совершенных преступлений в отношении лиц женского пола, изнасилований и насильственного лишения свободы женщин с целью принуждения к браку. Ответ был получен в форме отписки: *Все сведения по совершенным правонарушениям за 2020–2021 гг. имеются на сайте Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры РК.* Поэтому только в 2018 г. по запросу автора была получена одна справка, в которой отмечено: *За первое полугодие 2018 г. совершено одно преступление.* В процессе устной беседы с представителями Комитета было выяснено, что в этом государственном органе ранее не велось и в настоящее время не ведется отдельный учет по квалифицирующим признакам данной статьи (похищение женщины с целью принуждения к браку), поэтому предоставить исчерпывающий ответ о том, какое

¹⁹ Уголовный кодекс Казахской ССР от 22.07.1959 (утратил силу). Эдilet. Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/KS90002000_ (дата обращения: 12.02.2022).

²⁰ Уголовный кодекс Республики Казахстан № 226-V ЗРК от 03.07.2014. Эдilet. Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения: 12.02.2022).

²¹ В Казахстане обычая похищения невесты не существовало, – К. Тасибек. *Zakon.kz*. 24.10.2014. Режим доступа: <https://www.zakon.kz/4662647-v-kazakhstan-obyuchaja-pokhishhenija.html> (дата обращения: 12.02.2022).

²² Уголовный кодекс Республики Казахстан № 226-V ЗРК от 03.07.2014...

количество преступлений было совершено с целью похищения невесты, не представляется возможным.

Единственным вариантом выяснения количества похищений невест являются учетные карточки по ведению уголовных дел, в которых есть краткая характеристика совершенного деяния²³. В одной из учетных карточек было отмечено: *Похищение невесты имело место в Абайском районе Южно-казахстанской области в первой половине 2018 года с вынесением обвинительного приговора. Представителями Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан было сказано, что с мая 2018 года в учетную карточку по статье «Похищение человека» включили графу «в отношении женщин». Думается, что включение данной графы²⁴ по данному правонарушению принесет ясность в вопрос о количестве совершаемых преступлений с целью кражи невест. В процессе исследования мы обратились к правовому защитнику, адвокату Айман Умаровой²⁵, предоставившей информацию в рамках одного отказного материала по уголовному делу, где потерпевшая обратилась к ней с вопросом обжалования действий следственных органов, которые отказались возбуждать уголовное дело по ст. 120 «Изнасилование» и ст. 126 «Незаконное лишение человека свободы» УК РК. Потерпевшая была похищена знакомым молодым человеком, который обманным путем заманил девушку к себе домой и не выпускал из дома, определив ее статус в качестве супруги. Мотивируя соблюдением обычаев, оставил ее насильно в своем доме и совершил изнасилование; заставил написать расписку, угрожая расправой, что она добровольно согласилась прийти в его дом и решила остаться. Оповестив родителей, она осталась в данном доме, – поделилась адвокат.*

Интересным фактом является то, что статья о похищении человека в качестве невесты затрагивает и совершение других преступных деяний, которые предусмотрены другими статьями УК РК: насильственное лишение свободы и изнасилование. Описанные случаи свидетельствуют о латентности преступлений в отношении женщин, и, соответственно, количество совершаемых правонарушений с целью похищения в качестве невесты неизвестно. Рост данных преступлений не отражается в сведениях, фиксируемых Комитетом; все это приводит к искажению правовой действительности, т. е. на официальном уровне государственные органы не владеют точной информацией о количестве, причинах, мотивах совершения преступного деяния. Поэтому органы государственной власти не могут своевременно предупредить подобные правонарушения. Первостепенную роль в латентности совершаемых правонарушений играют моральное

давление родственников с обеих сторон, гендерный фактор, патриархальность уклада и воспитания. Отметим, что в основном похищение женщины в качестве невесты совершается на территории Южного Казахстана, в Алматинской области. Причины совершения данного преступного деяния в обозначенных областях не установлены.

Как считает государство, для искоренения преступного деяния против прав и свобод женщин в УК РК предусмотрена специальная статья для похитителей «Похищение человека». Наказание за совершение преступных деяний, связанных с похищением и дальнейшим принуждением к заключению брака, может наступить только при условии, если «похищенная девушка захочет обратиться в правоохранительные органы, ведь многие из них смиряются с такой судьбой. Этому способствует то, что некоторые родители не хотят принимать обратно похищенных дочерей»²⁶.

Заключение

На наш взгляд, причинами распространения похищения женщин с целью понуждения к браку и фактов многоженства являются следующие факторы:

- 1) экономический (бедность, усиление миграции и др.);
- 2) социальный;
- 3) географический.

Причины со стороны похищенных, по которым данное деяние становится латентным:

- 1) отсутствие поддержки родителей, родных похищенных девушек;
- 2) незнание своих прав;
- 3) устоявшееся восприятие кражи невест как национальной традиции;
- 4) нежелание правоохранительных органов предупреждать совершение преступлений и пресекать совершенные преступления по похищению женщин.

В завершении обзора проведенного исследования укажем на ошибочность мнения о том, что в XXI в. у обсуждаемых традиций нет исторического будущего. Как оказалось, приращение некоторых архетипов кочевой общины, ставших достаточно устойчивой и стабильной формой существования, вызывает сегодня большие опасения у казахстанцев. Учитывая участвующую практику совершения похищения женщин и фактов многоженства, патриархальные традиции переживают свое второе рождение. В рамках профилактики и пресечения нарушения прав и свобод человека и гражданина трансляция негативного правового опыта, ведущая к попиранию прав женщин в современном Казахстане, должна быть прервана.

²³ Отсутствуют требования к заполнению учетных карточек, однако в одной из них следователь отметила целевой индикатор преступления, указав, что похищение человека совершено с целью кражи невесты.

²⁴ В ст. 125 УК РК похищение женщины в качестве невесты не закреплено как квалифицирующий признак.

²⁵ Адвокат, специализирующийся на тяжких и особо тяжких преступлениях, связанных с сексуальным надругательством над женщинами и детьми в РК; обладатель премии International Women of Courage Awards (2018 г.).

²⁶ Мунинов А. Кража невест – часть реального Казахстана, – эксперты. *Kursiv.kz*. 12.06.2015. Режим доступа: https://www.kursiv.kz/news/obshchestvo/krazha_nevest_chast_realnogo_kazakhstan_eksperty_367/ (дата обращения: 12.02.2022).

Высказывания некоторых представителей и специалистов уголовного права в Казахстане о том, что из статьи о похищении человека следует вывести отдельно правонарушение «похищение женщин с целью заключения брака», так и остаются доктринальными. Другая плеяда специалистов императивной отрасли права предлагает не исключить, а добавить в действующую редакцию преступления «похищение человека» новое обстоятельство, отягчающее уголовную ответственность, – «похищение женщин с целью принуждения к заключению брака». Как бы ни развивалась дискуссия между учеными-правоведами, психологами, общественниками, депутатами, привлечение внимания к данной проблематике на государственном уровне позволит своевременно

реагировать на преступления и предупреждать их. В Казахстане растут уголовная статистика и латентность данных правонарушений, поэтому наказание лиц, совершивших общественно-опасные деяния, являющиеся пережитками прошлого и патриархальных стереотипов, – первоочередная задача в защите прав и свобод женщин.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Миропиев М. А. О положении русских инородцев. СПб.: Синод. тип., 1901. 515 с.
Miropiev M. A. *Status of Russian foreigners*. St. Petersburg: Sinod. tip., 1901, 515. (In Russ.)
2. Древний мир права казахов. Материалы, документы и исследования, под ред. С. З. Зиманова. Алматы: Жеті жарғы, 2005. Т. 5. 544 с.
Ancient world of the Kazakh law. Materials, documents, and research, ed. Zimanov S. Z. Almaty: Zhety Zhargy, 2005, vol. 5, 544. (In Russ.)
3. Стёпин В. С. История и философия науки. М.: Академический проект; Трикта, 2011. 423 с.
Stepin V. S. *History and philosophy of science*. Moscow: Akademicheskii proekt; Triкта, 2011, 423. (In Russ.)
4. Аманжолова Д. А. Из истории женского вопроса в СССР (от традиций к модерности). 1920–1930-е гг. *Российские регионы: взгляд в будущее*. 2017. Т. 4. № 3. С. 26–43.
Amanzholova D. A. From the history of the women's issue in the USSR (from tradition to modernity). The 1920s–1930s. *Rossiiskie regiony: vzgliad v budushchee*, 2017, 4(3): 26–43. (In Russ.)
5. Рысбекова С. Т. Женские организации в Казахстане и советская практика формирования гражданской активности в 1920–1930 годы. *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета*. 2009. № 4. С. 214–217.
Rysbekova S. T. Women organizations in Kazakhstan and soviet policy of the development of social activism in 1920–1930. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsialnoekonomicheskogo universiteta*, 2009, (4): 214–217. (In Russ.)
6. Бешукова Ф., Ларина О. Похищение невесты – традиция или преступление? *Norwegian Journal of Development of the International Science*. 2021. № 72-2. С. 23–25. <https://doi.org/10.24412/3453-9875-2021-72-2-23-25>
Beshukova F., Larina O. Bride kidnapping – a tradition or a crime? *Norwegian Journal of Development of the International Science*, 2021, (72-2): 23–25. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/3453-9875-2021-72-2-23-25>
7. Сердюкова Е. В. Криминологический взгляд на проблему похищения женщин в Республике Дагестан. *Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки*. 2011. № 4. С. 43–45.
Serdyukova E. V. Criminological view on the problem of abduction of women in the Republic of Dagestan. *Dagestan State Pedagogical University. Journal. Social and Humanitarian Sciences*, 2011, (4): 43–45. (In Russ.)
8. Кудяева Л. А. Уголовное законодательство и уголовная политика советского периода в отношении ответственности за преступления, в которых женщина является потерпевшей. *Пробелы в российском законодательстве*. 2015. № 4. С. 200–204.
Kudaeva L. A. Criminal law and criminal policy of the Soviet period in respect of liability for crimes in which a woman is the victim. *Gaps in Russian Legislation*, 2015, (4): 200–204. (In Russ.)

оригинальная статья

Концепция прав человека, сформировавшаяся в Германской Демократической Республике

Бегунович Роман Владимирович

Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово

<https://orcid.org/0000-0002-6366-8724>

r.begunovich@gmail.com

Поступила в редакцию 25.01.2022. Принята после рецензирования 14.02.2022. Принята в печать 28.02.2022.

Аннотация: Рассмотрена концепция прав человека, сформировавшаяся в Германской Демократической Республике, приведены точки зрения восточно-немецких ученых относительно понимания таких прав. Не все исследователи выступили за их существование в социализме. Среди юристов, выступавших за существование прав человека в социализме, не наблюдается консенсуса относительно понятия этих прав. Мнения расходятся также в вопросе континуитета – дисконтинуитета буржуазных и социалистических прав человека. Одни считают, что категории таких прав отсутствуют в действительности. Другие – что социалистические основные права человека являются продуктом социалистической революции, а не какой лучшей реализацией унаследованных прав человека. В этом выражается дисконтинуитет буржуазных и социалистических прав человека. Встречается идея о единстве континуитета и дисконтинуитета. Важное место в концепции социалистических прав человека занимает принцип единства прав и обязанностей: они являются двумя сторонами одного и того же предмета. Права могут быть реализованы только тогда, когда на гражданина возложены обязанности. Установлено, что общее идеологическое основание (идеология марксизма-ленинизма) не является препятствием для разнообразия мнений в восточно-немецкой дискуссии о правах человека.

Ключевые слова: права человека, ГДР, Восточная Германия, социализм, марксизм-ленинизм, основные права, основные обязанности, континуитет, дисконтинуитет, принцип единства прав и обязанностей

Цитирование: Бегунович Р. В. Концепция прав человека, сформировавшаяся в Германской Демократической Республике. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2022. Т. 6. № 2. С. 142–147. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2022-6-2-142-147>

full article

The Concept of Human Rights in the German Democratic Republic

Roman V. Begunovich

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

<https://orcid.org/0000-0002-6366-8724>

r.begunovich@gmail.com

Received 25 Jan 2022. Accepted after peer review 14 Feb 2022. Accepted for publication 28 Feb 2022.

Abstract: This article describes the concept of human rights that emerged in the German Democratic Republic through the pluralism of the doctrine of East German jurists. Some scholars denied human rights in socialism while others had no consensus regarding the concept. They had different opinions on continuity / discontinuity of bourgeois and socialist human rights. Some scientists believed that these categories did not exist in reality. Others argued that socialist basic human rights were the product of the socialist revolution rather than an improved realization of inherited human rights, which revealed the discontinuity of bourgeois and socialist human rights. East German philosophers also had an idea of the unity of continuity and discontinuity. The principle of the unity of rights and obligations was of paramount importance in the concept of socialist human rights as two sides of the same subject because rights can only be realized when the citizen is entrusted with obligations. Therefore, the ideology of Marxism-Leninism did not prevent the East German researchers from developing different opinions on human rights.

Keywords: human rights, German Democratic Republic, East Germany, socialism, Marxism-Leninism, basic rights, basic duties, continuity, discontinuity, principle of unity of rights and duties

Citation: Begunovich R. V. The Concept of Human Rights in the German Democratic Republic. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2022, 6(2): 142–147. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2022-6-2-142-147>

Введение

Известный французский компаративист Р. Давид призвал при изучении советского права ясно отдавать отчет в том, что понятия не имеют абсолютной ценности, что они способны изменяться. При этом, по замечанию ученого, противники советского строя утверждают, что данный строй не знает демократии, прав человека. В действительности же эти понятия приобрели иной смысл [1, с. 244]. Считаем, что тезис Р. Давида применим также к правовой системе другой социалистической страны – Германской Демократической Республики (ГДР).

В России имеются исследования, так или иначе затрагивающие тему прав человека в ГДР. Отметим отечественные работы, касающиеся социальной политики [2–5]. Не меньший интерес представляют исследования, посвященные социально-правовому положению женщин в ГДР, уголовно-исполнительному праву и пенитенциарной системе, положению иностранцев в ГДР [6–8]. Тем не менее понимание прав человека в ГДР остается в целом вне поля зрения российских исследователей.

В то же время, по нашему мнению, тема более разработана в зарубежной литературе [9–13]. Большим подспорьем на начальном этапе изучения темы являются обзоры литературы [14]. Среди обобщающих работ по законодательству ГДР, способствующих лучшему пониманию реализации прав человека в данном государстве, выделим [15]. Также отметим значимость изучения западно-немецкой литературы, изданной до объединения Германии [16; 17].

Таким образом, концепция прав человека в ГДР относится в российской науке к разряду малоизученных тем. Кроме того, в отечественном научном обороте недостаточно источников по этой тематике. В нашем исследовании сделана попытка не только комплексно рассмотреть концепцию прав человека, сформировавшуюся в ГДР, но и обозначить некоторые источники, касающиеся понимания таких прав. Методология исследования включает системный подход, методы анализа, синтеза, сравнения.

Несмотря на прекращение существования ГДР, не следует игнорировать интеллектуальное наследие, оставленное восточно-немецкими учеными. Концепция прав человека в ГДР определенно заслуживает внимания как одна из точек зрения на такие права. Ее исследование позволило бы лучше понять развитие института прав человека в целом и в ГДР в частности, составить представление о взаимосвязи института с правовой системой страны.

К вопросу о понятии прав человека

Само существование категории прав человека ставилось в литературе ГДР под сомнение. По мнению Ю. Кучинского, понятие прав человека всегда связано с идеями неотъемлемости, природженности, данности природой или богом. В этом смысле никаких прав человека не существует, а в других смыслах этих прав быть не может. В каждом обществе имеются основополагающие законы и основные права, однако это не права человека. В социализме основные права являются правами классов и действующих согласно интересам этих классов людей [18, S. 24].

Ни К. Маркс, ни Ф. Энгельс не предлагали прав человека для социализма, а В. И. Ленин не противопоставлял т. н. правам человека буржуазии какие-либо социалистические права. Они существуют в реальности настолько же мало, насколько буржуазные. Они равным образом были бы лишь фальшивой идеологической обшивкой несуществующей реальности. Все права, которые вообще существуют, – всегда классовые права, а не всеобщие права человека [18, S. 24–25]. Исключение Ю. Кучинский делает для определенных прав, которые на международном юридическом языке названы правами человека. Однако они являются только направляющей помощью (не более и не менее) во всемирной борьбе за защищенное и нацеленное на будущее человеческое бытие еще угнетенных и эксплуатируемых [18, S. 32].

Приведем другой случай настороженного отношения к категории прав человека в ГДР. З. Форбергер, глава Комитета ГДР по правам человека, вспоминая о восточно-немецком юристе Г. Кленнере и его работе «Исследование об основных правах» (Studien über die Grundrechte), отмечает, что изначально автор выбрал название «Исследование о правах человека» (Studien über die Menschenrechte), однако догматики в Государственном издательстве из антипатии к понятию *права человека* применили категорию *основные права* [19, S. 174].

В то же время в восточно-немецкой литературе было распространено мнение о существовании категории прав человека. Так, Э. Поппе отмечает, что социалистические основные права могут пониматься как права человека с двух точек зрения [20, S. 61]. Во-первых, они являются выдающимся проявлением того факта, что в социализме развитие человека находится в центре общественной и государственной деятельности, а в развитом социалистическом обществе назрели политические и материальные условия для обеспечения равных прав и свобод всем людям независимо от их классовой принадлежности и социального статуса [20, S. 61–62]. Во-вторых, социалистические основные права полностью согласуются с соответствующими международно-правовыми конвенциями и как внутреннее право не только обеспечивают реализацию демократического международного права, но и ориентируют на всестороннее развитие личности, возможное в социалистических общественных условиях. В связи с этим обоснованно обозначать социалистические основные права как права человека, не ограничивая это понятие только правами человека, закрепленными в международно-правовых соглашениях [20, S. 62].

Точки зрения о существовании категории прав человека придерживается также Г. Кленнер. По его мнению, не следует исключать из словарного запаса ученых определенное обозначение только потому, что оно в прошлом или настоящем служило или служит маскарადу интересов [21, S. 125].

Однако в отличие от Э. Поппе для Г. Кленнера права человека не являются вторым обозначением для декларированных в конституции основных прав граждан. Когда говорят о правах человека, речь идет об объективности требований к обществу и индивиду, к государству и гражданину. В правах человека

выражен закон, согласно которому пролетариат начинает свою революцию для уничтожения всех отношений, в рамках которых человек является эксплуатируемым и подавляемым. Требование пролетариата заключается в том, чтобы отменить любое разделение на классы посредством освобождения класса производителей от класса эксплуататоров. Это поддерживаемое в правах человека требование проводится в жизнь как исторический критерий для деятельности по созиданию и реализации права на полном противоречий и конфликтов пути от капитализма к коммунизму. Классовое право пролетариата направлено на реализацию ключевых условий развития всех членов общества [21, S. 125–126].

Остановимся на вопросе о соотношении категорий *права человека* и *основные права*. По Э. Поппе, права человека – это вторичное обозначение для основных прав [20, S. 61]. С точки зрения Г. Кленнера, права человека, являясь самостоятельной категорией, трансформируются в основные права [21, S. 128, 139]. Как отмечает В. Бюхнер-Удер, несмотря на различные обозначения, основные права, права человека и гражданские права имеют общую задачу: они закрепляют принципиальное положение гражданина в общественном порядке. Так как в конституционных актах зачастую используется термин *основные права граждан*, а в международно-правовых декларациях в то же время преимущественно употребляется формулировка *права человека*, то эти обозначения следует рассматривать как смежные [22, S. 5]. Отметим тесную взаимосвязь категорий *права человека* и *основные права* в воззрениях восточно-немецких юристов. Нам представляется верным рассматривать концепцию основных прав (и основных обязанностей) как составляющую концепции прав человека.

При изучении понимания социалистических прав человека, сформировавшегося в юриспруденции ГДР, следует исходить из строгого разграничения восточно-немецкими исследователями концепций прав человека в социалистических и капиталистических странах. Одним из проявлений разграничения является критика буржуазных прав человека в литературе ГДР. Эта критика основана прежде всего на марксистско-ленинском тезисе о том, что право носит классовый характер, является возведенной в закон волей господствующего класса¹. В литературе ГДР отмечается, что права человека в понимании юристов капиталистических стран – не более, чем классовые права буржуазии. По мнению Г. Кленнера, как сражающаяся с феодализмом, так и победившая его буржуазия считала целесообразным провозгласить права буржуа в качестве прав гражданина, прав человека. При этом политическая эмансипация едва ли является большим прогрессом: она – лишь прогресс внутри эксплуататорского общества. Свободным стал только человек как товаровладелец. Ни одно из т. н. прав человека

не находится выше эгоистичного человека. Поэтому осуществленная буржуазной революцией, высокопарно сформулированная в каталогах основных прав политическая эмансипация не является человеческой эмансипацией. В действительности, подчеркивает ученый, права человека буржуазии – бесчеловечные права буржуа [23, S. 21, 26].

Базис и содержание как политических, так и социально-экономических прав полностью различаются в отдельных государствах. В социализме с его действительными правами для трудящихся достигнуто совершенно иное качество, нежели в империалистических государствах или в молодых национальных государствах, где требования прав человека могли являться программой. Для рабочего класса в империалистических странах права человека являются важным инструментом классовой борьбы с целью изменить политические и социальные отношения в духе демократии [20, S. 279].

Права человека в капиталистических и социалистических странах: их континуитет – дисконтинуитет

Из необходимости разграничения прав человека в капиталистических и социалистических странах возникает вопрос о соотношении данных категорий, а именно об их континуитете – дисконтинуитете².

В литературе ГДР отмечается, что дисконтинуитет в экономических и политических отношениях господства в равной степени распространяется на соотношение буржуазных и социалистических основных прав и свобод. Нет и не может быть никакого континуитета между буржуазными и социалистическими основными правами. Последние не являются всего лишь дальнейшим развитием или лучшей реализацией унаследованных прав человека. Они происходят от общественных отношений социализма. Только в социалистическом обществе на основании его политических, материальных условий и целей могут быть обеспечены свобода, достоинство и развитие человека. Для этого не требуется континуитет относительно буржуазных прав эксплуататорских государств. Невозможно усмотреть образец для социалистических основных прав в буржуазных основных правах на труд, на образование, на свободу слова, прессы, собраний и т. д. [20, S. 16, 64–65; 24, S. 47].

Для Ю. Кучинского дискуссия о континуитете или дисконтинуитете прав человека представляется излишней. Не может быть ни континуитета, ни дисконтинуитета между выдумкой и реальностью, между правами человека, которые по определению должны быть вечными, и основными правами в социализме. Также нет континуитета или дисконтинуитета между пророчеством Сфинкса и марксистским прогнозом [18, S. 26–27].

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. *Сочинения*. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 4. С. 443.

² В общем термин *континуитет* можно понимать как продолжение чего-либо. Следовательно, понятие *дисконтинуитет* – отрицание такого продолжения. Таким образом, когда ставится вопрос о континуитете или дисконтинуитете буржуазных и социалистических прав человека, то имеется в виду, существует ли преемственность социалистических прав человека относительно буржуазных или же социалистические права являются качественно новыми.

Представляет интерес мнение Г. Кленнера по данному вопросу, считающего, что так же неизбежно, как пролетарская революция и образующаяся в ней диктатура пролетариата вмешиваются в основную структуру буржуазного общества, так же необходимо они должны отвергнуть провозглашенные в качестве прав человека основные права этого общества. Права и обязанности человека в социализме, трансформированные в основные права и обязанности, нельзя понимать как просто дальнейшее развитие уже данных или как лучшую реализацию унаследованных прав человека. Социалистические основные права являются продуктом социалистической революции и общества [21, S. 109, 131, 139].

В то же время Г. Кленнер не отстаивает идею об исключительном дисконтинуитете буржуазных и социалистических прав человека. Приписываемый коммунистической революции К. Марксом самый радикальный разрыв с традиционными отношениями собственности не помешал В. И. Ленину поместить взгляды К. Маркса на «шоссе» западной цивилизации и обозначить их как «прямое и непосредственное продолжение учения величайших представителей философии, политической экономии и социализма»³. Невозможно лишить всякое наследие прошлого способности последующего воздействия. Ни одно настоящее, в том числе и социалистическое, не находится со своим прошлым в отношении полной неидентичности. Таким образом, научное рассмотрение пережитого, формирование отражающей собственные интересы традиции является конститутивным фактором для дальнейшего развития социалистического общества. Быть наследником не обязывает быть эпигоном. Принцип народного суверенитета, право на революцию, требование законности не изобретены марксистами, а рецепированы в созданное ими законодательство. Историческое измерение проблематики прав человека не может быть раскрыто без понимания существенного признака исторического процесса, единства континуитета и дисконтинуитета [21, S. 141–143].

Примечательно, что Э. Поппе, отстаивая точку зрения об отсутствии континуитета между буржуазными и социалистическими основными правами, заключает, что социалистическая концепция основных прав должна вбирать в себя все революционные традиции, все гуманистические и прогрессивные достижения культуры прошлого [20, S. 66].

Принцип единства прав и обязанностей как характерный элемент социалистической концепции прав человека

Согласно марксистскому тезису, равные обязанности являются особо важным дополнением к буржуазно-демократическим равным правам, лишаящим последних

их специфически буржуазного смысла⁴ «Нет прав без обязанностей, нет обязанностей без прав»⁵.

В юридической науке ГДР вопросу о принципе единства прав и обязанностей было уделено достаточно много внимания. При этом некоторые ученые выводили сферу действия данного принципа за пределы юриспруденции. По мнению Г. Кленнера, принцип единства прав и обязанностей реализуется уже в борьбе рабочего класса против «капиталистических оков общественного развития». С одной стороны, этот класс обязан содействовать законам истории, т. к. более ни одна сила не способна. С другой – рабочий класс имеет право на осуществление необходимых для такого содействия мер. Эта согласованность исторического права и исторической обязанности находит свое выражение в решающие часы после каждой пролетарской революции. Только тогда, когда пролетариат в союзе с другими трудящимися начинает строить свою собственную государственную власть, идентичность прав и обязанностей может развиваться не только в исторической, но также и в юридической сфере. Лишь тогда необходимый ход истории отражается в изъятии воли народных органов власти, обязывая и наделяя правами одновременно [23, S. 88–89].

Социалистическая конституция⁶, отмечают восточно-немецкие ученые, привержена неразрывному единству прав и обязанностей. В данной конституции основные права гражданина сформулированы в качестве выражения его ответственности как за свое, так и за общественное развитие. При этом юридически охватываемая в обязанностях ответственность по отношению к обществу в социализме не ведет к ущемлению свободы личности. Наоборот, свобода немислима без ответственности действовать в соответствии с общественными требованиями и компетентно принимать решения. Эта взаимосвязь воплощается в социалистической демократии, находит свое юридическое выражение в демократическом лозунге сформировавшейся правовой практики – «нет прав без обязанностей, нет обязанностей без прав». Реализацию прав нельзя отделять от исполнения каждым обязанностей. Расширение прав и свобод связано с растущей ответственностью использовать права и исполнять обязанности. Лишь так содержательная связь свободы и ответственности, прав и обязанностей может содействовать согласованию индивидуального поведения с правовыми и моральными нормами, с правилами социалистического общежития, способствовать совершенствованию социалистической демократии [20, S. 81–82].

В литературе ГДР ставится вопрос о том, являются ли основные права в то же время основными обязанностями, и если да, то в какой степени [24, S. 40]. Г. Кленнер считает

³ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2016. Т. 23. С. 67.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1962. Т. 22. С. 235.

⁵ Там же. М.: Госполитиздат, 1960. Т. 16. С. 13.

⁶ Здесь, по-видимому, авторы подразумевают Конституцию ГДР от 06.04.1968. См. *Verfassung der Deutschen Demokratischen Republik vom 6. April 1968: (in der Fassung vom 7. Oktober 1974). Verfassungen der Deutschen Demokratischen Republik (1949–1990)*. Режим доступа: <http://www.verfassungen.de/ddr/verf74-i.htm> (дата обращения: 25.01.2022).

недостаточным обозначение того факта, что основные права и обязанности находятся во взаимодействии и между ними нет противоречия. Основные права и обязанности тождественны, они идентичны. Торжественно провозглашая основные права и обязанности, социалистическая народная власть предоставляет всему обществу обязывающую установку относительно необходимых мер [23, S. 97–98].

В восточно-немецкой литературе отмечается, что права и обязанности являются двумя сторонами одного и того же предмета: в этом смысле существует безусловное единство прав и обязанностей. Гармоничная связь общественных и личных интересов может привести только к тому, что индивид должен максимально использовать признаваемые за ним права [24, S. 40]. Основные права могут быть реализованы только тогда, когда на гражданина также возложены обязанности [25, S. 59]. При этом сама реализация прав является требованием социалистической морали, моральной обязанностью. Однако включение определенных моральных обязанностей в положения закона еще не создает действительные юридические обязанности, несоблюдение которых всегда влечет юридические последствия. Социалистические основные права в смысле подлинных юридических обязанностей имеют место тогда, когда принципиально необходимо безусловно, независимо от уровня сознательности отдельного гражданина добиться определенного, общественно и исторически должного поведения, а также поставить силы индивида в служение обществу [24, S. 40–41].

Таким образом, восточно-немецкие юристы помимо основных выделяют моральные обязанности. К основным обязанностям ученые в соответствии с Конституцией ГДР 1968 г. относят обязанность трудиться (ст. 24, абз. 2), воинскую обязанность (ст. 23, абз. 1), обязанность родителей воспитывать своих детей (ст. 38, абз. 4), обязанность получить школьное и профессиональное образование (ст. 25, абз. 4), обязанность защищать и преумножать социалистическую собственность (ст. 10, абз. 2) [20, S. 80]. При этом моральными обязанностями являются активное участие гражданина в подготовке, реализации и контроле решений народных представительств (ст. 5, абз. 2), защита природы и окружающей среды (ст. 15, абз. 2), формирование отношений с согражданами на основании взаимного уважения,

взаимной помощи и принципов социалистической морали (ст. 19, абз. 3), реализация права на участие в формировании политической, экономической, социальной и культурной жизни социалистического общества и социалистического государства (ст. 21, абз. 3) [20, S. 84].

Заключение

Несмотря на общее идеологическое основание – идеологию марксизма-ленинизма, дискуссия восточно-немецких исследователей о правах человека отличается разнообразием мнений. Прежде всего, не все ученые разделяли позицию о приемлемости прав человека для социализма. Так, в литературе ГДР представлена точка зрения, что права человека не существуют ни в буржуазном, ни в социалистическом обществах. Все существующие права – всегда классовые, а не всеобщие права человека. Но даже среди правоведов, разделявших мнение о существовании в социализме прав человека, отсутствовал консенсус относительно таких основополагающих вопросов, как континуитет – дисконтинуитет буржуазных и социалистических прав человека, а также понятие последних. Э. Поппе полагал, что основные права могут пониматься как права человека. При этом не существует никакого континуитета между буржуазными и социалистическими основными правами. В то же время для Г. Кленнера права человека являются самостоятельной категорией, а не вторичным обозначением основных прав. По мнению ученого, историческое измерение проблематики прав человека не может быть раскрыто без понимания единства континуитета и дисконтинуитета.

Тем не менее в представлениях восточно-немецких исследователей возможно выделить и общие черты: тезисы о качественно новом характере основных прав в социализме, признание значительной роли прогрессивных достижений культуры прошлого, приверженность принципу единства прав и обязанностей.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Давид Р. Основные правовые системы современности. М.: Прогресс, 1988. 496 с. David R. *Major legal systems in the world today*. Moscow: Progress, 1988, 496. (In Russ.)
2. Бетмакаев А. М. «Заботливая диктатура» (о специфике социальной политики в ГДР). *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2013. № 2-3. С. 21–25. Betmakaev A. M. "Welfare dictatorship" (on the specificity of social policy in the GDR). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, (2-3): 21–25. (In Russ.)
3. Корнева Л. Н. Социальная политика и социальное государство в Германии XX века: континуитет, разрывы, развитие. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2013. № 2-3. С. 80–84. Korneva L. N. Social policy and welfare state in Germany in the 20th century: continuity, ruptures, development. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, (2-3): 80–84. (In Russ.)

4. Балашов Д. Г. Реформирование системы здравоохранения в советской оккупационной зоне Германии, 1945–1949 гг.: социальный аспект. *Вестник Томского государственного университета. История*. 2019. № 57. С. 60–64. <https://doi.org/10.17223/19988613/57/10>
Balashov D. G. The health care reform in the Soviet occupation zone in Germany in 1945–1949: the social aspect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2019, (57): 60–64. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/19988613/57/10>
5. Балашов Д. Г. Социальное страхование немцев в советской оккупационной зоне Германии, 1945–1949 гг.: от страхования к социальному обеспечению. *Вестник Томского государственного университета*. 2019. № 440. С. 99–105. <https://doi.org/10.17223/15617793/440/13>
Balashov D. G. Social insurance of Germans in the Soviet occupation zone in Germany in 1945–1949: from insurance to social security. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, (440): 99–105. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/15617793/440/13>
6. Мухина И. Н. Социально-правовое положение женщин в Германской Демократической Республике. *Вестник Череповецкого государственного университета*. 2013. № 1-2. С. 32–35.
Mukhina I. N. Social and legal status of women in the German Democratic Republic. *Cherepovets State University Bulletin*, 2013, (1-2): 32–35. (In Russ.)
7. Бурцев А. Н. Уголовно-исполнительное право и пенитенциарная система ГДР в 1949–1990 гг. *Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление*. 2007. № 1. С. 27–31.
Burtsev A. N. Penal law and the penitentiary system of the German Democratic Republic in 1949–1990. *Ugolovno-ispolnitelnaia sistema: pravo, ekonomika, upravlenie*, 2007, (1): 27–31. (In Russ.)
8. Бетмакаев А. М. Иностранцы в ГДР: основные группы и отношения с восточными немцами (1949–1990 гг.). *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2015. № 3-2. С. 100–104.
Betmaкаev A. M. Foreigners in the GDR: major groups and relations with East Germans (1949–1990). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, (3-2): 100–104. (In Russ.)
9. Richardson-Little N. *Between dictatorship and dissent: ideology, legitimacy, and human rights in East Germany, 1945–1990*. Dr. Philos. Sci. Diss. Chapel Hill, 2013, 416. <https://doi.org/10.17615/hacn-1468>
10. Richardson-Little N. Dictatorship and dissent: human rights in East Germany in the 1970s. *The Breakthrough: Human Rights in the 1970s*, eds. Eckel J., Moyn S. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2013, 49–67. <https://doi.org/10.9783/9780812208719.49>
11. Richardson-Little N., Dietz H., Mark J. New perspectives on socialism and human rights in East Central Europe since 1945. *East Central Europe*, 2019, 46(2-3): 169–187. <https://doi.org/10.1163/18763308-04602004>
12. Richardson-Little N. The failure of the socialist Declaration of Human Rights. *East Central Europe*, 2019, 46(2-3): 318–341. <https://doi.org/10.1163/18763308-04602008>
13. Betts P. Socialism, social rights, and human rights: the case of East Germany. *Humanity: An International Journal of Human Rights, Humanitarianism, and Development*, 2012, 3(3): 407–426. <https://doi.org/10.1353/hum.2012.0026>
14. Greenfield R. The human rights literature of Eastern Europe. *Human Rights Quarterly*, 1981, 3(2): 136–148. <https://doi.org/10.2307/761865>
15. *Die Rechtsordnung der DDR: Anspruch und Wirklichkeit*, Hrsg. Heuer U.-J. 1. Aufl. Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, 1995, 630.
16. *Menschenrechte und Selbstbestimmung: unter Berücksichtigung der Ostdeutschen*, Hrsg. Ermacora F., Blumenwitz D., Hacker J., Czaja H. Bonn: Kulturstiftung der Deutschen Vertriebenen, 1980, 119.
17. Woywod G., Heumeyer E. *Menschenrechte in der DDR und Berlin (Ost)*. 3. Aufl. Frankfurt am Main: Internationale Gesellschaft für Menschenrechte, 1988, 251.
18. Kuczynski J. *Menschenrechte und Klassenrechte*. Berlin: Akademie-Verlag, 1978, 164.
19. Forberger S. *Das DDR-Komitee für Menschenrechte. Erinnerungen an den Sozialismus – Versuch im 20. Jahrhundert*. Berlin, 1997–2000, teil 2, 557.
20. Poppe E., Riege G., Zschiedrich A. *Grundrechte des Bürgers in der sozialistischen Gesellschaft*. 1. Aufl. Berlin: Staatsverlag der DDR, 1980, 308.
21. Klenner H. *Marxismus und Menschenrechte: Studien zur Rechtsphilosophie*. Berlin: Akademie-Verlag, 1982, 528.
22. Büchner-Uhder W. *Sozialistische Menschenrechte in der Deutschen Demokratischen Republik: zum Recht auf Mitwirkung an der Leitung von Staat, Wirtschaft und Kultur durch alle Bürger der DDR*, Hrsg. Komitee zum Schutze der Menschenrechte. Dresden: Verlag Zeit im Bild, 1968, 60.
23. Klenner H. *Studien über die Grundrechte*. Berlin: Staatsverlag der DDR, 1964, 280.
24. Poppe E. *Mensch und Bildung in der DDR*. Berlin: Staatsverlag der DDR, 1965, 315.
25. Nast M. *Das Recht des Menschen auf Bildung*. 1. Aufl. Berlin: Staatsverlag der DDR, 1978, 285.

оригинальная статья

Уголовно-правовые категории и институты: соотношение понятий и функции

Понятовская Татьяна Григорьевна

Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Россия, г. Москва

<https://orcid.org/0000-0001-9070-6100>

tagri8@yandex.ru

Кайшев Александр Владимирович

Удмуртский государственный университет, Россия, г. Ижевск

Поступила 12.05.2022. Принята после рецензирования 02.06.2022. Принята в печать 06.06.2022.

Аннотация: В статье рассматриваются такие уголовно-правовые понятия, как *преступление*, *наказание*, *ответственность*. Представлены отличительные признаки указанных дефиниций от иных терминов, содержащихся в уголовном законе. Показано соотношение понятий с уголовно-правовыми институтами. Доказано, что категории уголовного права являются выражениями его политических основ. Однако без институтов уголовного права категории оставались только некими правовыми символами, а политические основы – исключительно декларациями, не обладающими утилитарным значением для каждого уголовно-правового кейса и наказания для лица его совершившего. Сделан вывод, что уголовно-правовые институты, представляя собой критерии оценивания правового значения отдельных фактических обстоятельств, служат реализации положений, нашедших отражение в основных категориях уголовного права. Институты уголовного права могут быть отнесены к той или иной категории в зависимости от принадлежности (преступление, наказание или ответственность), а также в зависимости от политической функции (институты служебные и институты-посредники). Служебные институты категорий: *преступление* – а) вина; б) стадии совершения преступления; в) множественность преступлений; *наказание* – а) система наказаний (статьи 44, 45, 88 УК РФ); б) назначение наказания; в) освобождение от наказания; *ответственность* – а) обстоятельства, исключающие преступность деяния; б) состав преступления; в) освобождение от уголовной ответственности; г) соучастие. Институты-посредники, обеспечивающие связь между категориями *преступление* и *наказание*: а) назначение наказания (в том числе при наличии обстоятельств неоконченного преступления, соучастия, множественности преступлений, т. е. институтов, обслуживающих категории); б) подсистемы наказаний, предусмотренных в статьях Особенной части УК РФ.

Ключевые слова: преступление, наказание, уголовная ответственность, уголовно-правовая категория, уголовно-правовые институты, уголовная политика

Цитирование: Понятовская Т. Г., Кайшев А. В. Уголовно-правовые категории и институты: соотношение понятий и функций. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2022. Т. 6. № 2. С. 148–153. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2022-6-2-148-153>

full article

Criminal Law Categories and Institutions: Correlation of Concepts and Functions

Tatyana G. Ponyatovskaya

Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Russia, Moscow

<https://orcid.org/0000-0001-9070-6100>

tagri8@yandex.ru

Alexander V. Kayshev

Udmurt State University, Russia, Izhevsk

Received 12 May 2022. Accepted after peer review 2 Jun 2022. Accepted for publication 6 Jun 2022.

Abstract: The article deals with such concepts of criminal law as *crime*, *punishment*, and *responsibility*, their distinctive features, and their correlation with criminal law institutions. The authors believe that the categories of criminal law express its political foundations. However, without criminal law institutions, these categories would remain only legal symbols, and the political foundations would be empty declarations with no practical significance for each specific case of crime and punishment. The institutions of criminal law serve as criteria for assessing the legal significance of various factual circumstances and implement the provisions reflected in the main criminal law categories. Criminal law institutions can be classified depending on the category, e.g., crime, punishment, or responsibility, as well as on the political function, e.g., service institutions and intermediary institutions. Service institutes include belong to the following categories: *Crime* – а) guilt; б) stages of crime; в) multiplicity of crimes; *Punishment* – а) the system of punishments (Articles 44, 45, 88 of the Criminal Code of the Russian Federation);

b) sentencing; c) exemption from punishment; *Responsibility* – a) the composition of the crime; b) circumstances excluding the criminality of the act; c) complicity; d) exemption from criminal liability. Intermediary institutions provide a link between the categories of *crime* and *punishment*: a) the imposition of punishment (including unfinished crime, complicity, multiplicity of crimes, i.e. institutions that serve particular categories); b) subsystems of punishments provided for in articles of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: crime, punishment, criminal responsibility, criminal law category, criminal law institutions, criminal policy

Citation: Poniatovskaya T. G., Kayshev A. V. Criminal Law Categories and Institutions: Correlation of Concepts and Functions. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 6(2): 148–153. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2022-6-2-148-153>

Введение

В философии категория определяется как «форма осознания в понятиях всеобщих способов отношения человека к миру, отражающая наиболее общие и существенные свойства, законы природы, общества и мышления»¹. Уголовно-правовые категории – понятия, в которых отражаются существенные политико-правовые свойства репрессивной власти, ее цели и функции. Такими категориями являются понятия *преступление, наказание и ответственность*.

Существует множество признаков отличий этих понятий от других. Первый признак: категория – не выводимое, а заданное понятие. В классическом уголовном праве дефиниция *преступление* представляет собой деяние, признаки которого определены уголовным законом. В советском уголовном праве категория *преступление* определяется как «всякое общественно опасное действие или бездействие, угрожающее основам советского строя и правопорядку, установленному рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени». Признаки категории *преступление* задаются по воле властителя в соответствии с его интересами и целями.

Вторая отличительная особенность категории как понятия – ее способность подчинять себе содержание других (производных, служебных) понятий. Например, посредством юридических признаков институт стадий служит конкретизации категории *преступление* для применения этого абстрактного понятия в бесконечном многообразии жизненных ситуаций. В данном случае – ситуации развития. Роль института стадий является по отношению к определению понятия преступления служебной. Поэтому содержание стадий (и их виды) находится в абсолютной зависимости от политического значения категории преступления [1].

Методы и материалы. Для уяснения заявленных категорий необходимо обращение к источникам классической, советской и современной доктрин [2–4]. Аксиологический метод познания позволит проанализировать представленные к изучению категории в качестве ценностных ориентиров уголовно-политического курса. Исторический, культурологический и социологический методы дадут возможность установить соотношение понятий и функций уголовно-правовых категорий и институтов.

Виды определений понятий

При формализованном определении понятия (преступлением является только то деяние, признаки которого предусмотрены в уголовном законе) критерием определения видов наказуемых стадий опасной деятельности может быть только состав преступления («норма»). Поэтому в досоветском уголовном праве России к наказуемым стадиям относились только покушение и оконченное преступление («посягательства на норму»). Этот же формальный юридический критерий определял и содержание юридических признаков указанных стадий.

При материальном определении понятия преступления критерием выделения и разграничения наказуемых стадий опасной деятельности может выступать только общественная опасность. Согласно этому критерию, приготовление к преступлению – это уже проявленная воля и в силу этого опасная. Соответственно, такая деятельность должна быть наказуемой независимо от каких бы то ни было формальных признаков, т. е. невзирая на то, что в приготовительных действиях отсутствуют признаки состава преступления (следовательно, и формальные юридические основания уголовной ответственности) [1].

Классическая и советская доктрины считали вопрос о наказуемости (или ненаказуемости) приготовления принципиальным для себя. Он и являлся таковым. Ненаказуемость приготовительных действий в досоветском российском уголовном праве являлась юридической конкретизацией политической функции формального определения понятия преступления. Задача института стадий – формализовать на практике то, что лишь названо формальным. Наказуемость приготовления по советскому уголовному праву – одно из средств реализации политической функции материального определения понятия преступления – снять формальные ограничения с репрессивной власти.

Находим этому подтверждение и в работах основоположников советского уголовного права. Например, А. Н. Трайнин утверждал, что все институты классического уголовного права пронизаны жизненными устоями возмездного правосудия – идеями абстрактного правового равенства. Для социалистического уголовного права фетиши буржуазной юриспруденции (уголовно-правовые институты) – не что иное, как критерии

¹ Михайлов Ф. Т. Категории. *Философский словарь*, под ред. И. Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Республика, 1991. С. 237.

социальной опасности. Это именно так. Во-первых, уголовно-правовые институты действительно являются не чем иным, как критериями правовой оценки. Во-вторых, в согласии с материальным определением понятия преступления в рамках советской уголовно-политической концепции другого значения, кроме критерия общественной опасности, у институтов уголовного права быть не могло [2, с. 101].

О правовых символах

Категории уголовного права являются выражениями его политических основ. Однако без уголовно-правовых институтов рассматриваемые дефиниции были бы исключительно некими правовыми символами, а политические основы – декларациями, не обладающими практическим значением для уголовно-правовой оценки преступления и наказания лица, его совершившего.

Например, в соответствии с идеей об ограничении репрессивной функции государства (при формальном определении понятия преступления) наличие в действиях лица состава преступления является юридическим фактом, дающим основание для репрессивной реакции государства [5]. Согласно этой же политической идее, за преступлением должно следовать пропорциональное ему наказание [2; 6–8].

В таком случае, когда причастными к совершению преступления являются несколько лиц с различными степенями участия, или когда преступление разнится своеобразием субъективной стороны или неоконченностью преступной деятельности, или когда в действиях лица формально присутствуют признаки нескольких различных преступлений при направленности его умысла на совершение единичного преступления и прочее, возникает проблема определения критериев такой пропорциональности, критериев оценки различных ситуаций в жизни с позиции права.

Без представленных критериев (как объективных, так и субъективных), т. е. обстоятельств совершения преступления в конкретном кейсе не представляется возможным реализовать в жизни идеи об отношениях между личностью и государством, определенных правовыми символами в дефинициях *преступление, наказание, ответственность*.

Институты уголовного права, представляя собой критерии оценки правового значения различных фактических обстоятельств, служат реализации положений, нашедших отражение в основных уголовно-правовых категориях. Указанное значение уголовно-правовых институтов универсально настолько же, насколько универсально значение категорий. В любой уголовно-правовой системе, основанной на любой из указанных правовых идеологий, институты исполняют одну и ту же роль по отношению к категориям – являются юридическими механизмами применения на практике содержащихся в них (категориях) политических идей.

Классификация институтов уголовного права

Институты уголовного права могут быть классифицированы в зависимости от их принадлежности к той или иной категории (преступлению, наказанию или ответственности), а также в зависимости от политической функции (институты служебные и институты-посредники).

Служебные институты категорий: *преступление* – а) вина; б) стадии совершения преступления; в) множественность преступлений; *наказание* – а) система наказаний (ст. 44, 45, 88 УК РФ); б) освобождение от наказания; в) назначение наказания; *ответственность* – а) обстоятельства, исключающие преступность деяния; б) состав преступления; в) освобождение от уголовной ответственности; г) соучастие.

Имеют значение концептуальные различия между институтами классического и советского уголовного права, обслуживающими категорию *ответственность*. В классическом уголовном праве эту функцию выполнял институт «способности ко вменению», определявший субъективные обстоятельства привлечения к уголовной ответственности. Эти обстоятельства предусматривались в уголовном законе как в Общей, так и в Особенной части и варьировались в зависимости от степени развитости данной способности (неразвитая, развитая, утраченная, ограниченная), а также в зависимости от правового значения (обстоятельство, исключающее уголовную ответственность; обстоятельство, препятствующее уголовной ответственности за определенные преступления; обстоятельство, влияющее на наказание) [9]. Подобный подход стал доминирующим в уголовно-правовой доктрине [3; 10; 11].

В советском уголовном праве вменяемость – не институт, а признак субъекта преступления (вспомним утверждение А. Н. Трайнина о том, что все буржуазное учение о вменяемости на самом деле есть простой и ясный вопрос психического здоровья или психической болезни [2, с. 100]). Установление юридическим образом границ целесообразной репрессивной реакции на общественно опасное поведение в зависимости от субъективных интеллектуальных и волевых особенностей (способностей) лица противоречило политическому значению универсального (правового и социального) критерия преступления, каким являлась общественная опасность.

В постсоветском уголовном праве России пока не обнаруживается тенденция развития вменяемости как признака субъекта преступления до масштабов уголовно-правового института, определяющего условия, основания и пределы уголовной ответственности лиц в зависимости от их интеллектуальных и волевых способностей, условий социальной среды, социально-психологических и индивидуально-психологических и других характеристик².

² По Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., Уголовному уложению 1903 г. способность ко вменению могла быть развитой, неразвитой, утраченной. Среди обстоятельств, определяющих неразвитую способность ко вменению, предусматривались: 1) особенности естественного роста человеческого организма; 2) болезненные состояния организма; 3) вредно действующие условия воспитания. Согласно ст. 98 Уложения о наказаниях, невменяемыми признавались глухонемые от рождения или с детства, «если они не получили через общение с другими людьми надлежащего понятия о своих обязанностях».

Институты-посредники, обеспечивающие связь между категориями *преступление* и *наказание*: 1) назначение наказания (в том числе при наличии обстоятельств неоконченного преступления, соучастия, множественности преступлений, т. е. институтов, обслуживающих категории); 2) подсистемы наказаний, предусмотренных в статьях Особенной части УК РФ.

Разграничение уголовно-правовых категорий и институтов, определение их соотношения не только иллюстрируют политическое значение традиционных уголовно-правовых понятий, но и служат решению задач совершенствования уголовного законодательства и практики его применения [12; 13].

При сохранении материального определения понятия преступления нельзя рассчитывать на полную отмену наказуемости приготовления как неоконченного преступления. В современной российской уголовно-правовой науке (и раньше, в том числе при обсуждении проектов УК РСФСР 1960 г., УК РФ) ставился вопрос об отмене наказуемости приготовления к преступлению, в обоснование которого приводились веские доводы.

Действительно, в законе приготовление описано как оценочное понятие. Оценочное понятие в основании уголовной ответственности противоречит классическим принципам права, но не противоречит политическому значению материального определения понятия преступления. Современная уголовно-правовая идеология во многом отличается от советской. Однако коренным образом изменить содержание института стадий без изменения категории, которую он обслуживает, невозможно.

Эта категория в настоящее время также претерпела некоторые изменения: определение понятия преступления теперь называется не материальным, а формально-материальным. Критерий общественной опасности не утратил своего правового значения, но он перестал быть единственным и основным. Общественная опасность превращается в социальное основание криминализации, пенализации и уголовно-правовой оценки, уступая по своему значению признакам формальным (юридическим).

С этих позиций нужно ставить вопрос не о полной отмене наказуемости приготовления к преступлению, а об исключении его из числа наказуемых стадий неоконченного преступления. В то же время общественная опасность приготовления к отдельным преступлениям может послужить основанием криминализации такой деятельности, т. е. – определению признаков приготовления к отдельным преступлениям (видам преступлений) в Особенной части УК РФ.

Служебное по отношению к категории *преступление* значение института неоконченного преступления (стадий) сказывается на практике применения уголовного закона, в частности на квалификации преступления. Как следует квалифицировать ситуацию отравления, когда злоумышленник предлагает жертве тайно отравленное им питье с целью лишения ее жизни, но ожидаемые им последствия не наступают, т. к. жертва напиток не употребила? Как известно, покушение на преступление отличается от приготовления

исполнением состава преступления. В классическом уголовном праве значение формального критерия абсолютно. Поэтому предложение жертве яда рассматривалось бы лишь как обнаружение умысла, а для начала исполнения «законного состава» потребовалось бы принятие жертвой яда внутрь [14, с. 543–545].

При материальном определении понятия преступления покушение выражено в действии (или бездействии), непосредственно направленном на получение преступного результата, т. е. на совершение преступления. В таком контексте изменяется представление о моменте начала исполнения преступления. Поэтому приходится признать, что с политической точки зрения квалификация предложенной для примера ситуации отравления должна быть иной: эти действия должны получать юридическую оценку как покушение на убийство.

Содержание и правовое значение одноименных институтов уголовного права в разнообразных уголовно-политических концепциях различаются в положениях, существенных для этих концепций [15–17]. Данное обстоятельство обуславливает необходимость определения политической функции каждого института уголовного права, выделения тех положений, которые относятся к его политическим основам, что в конечном итоге позволит выявить принципиальные направления совершенствования уголовно-правового института как в теории, так и в практическом преломлении.

Заключение

На сегодняшний день политические основы являются жизненными устоями не только возмездного правосудия, но и всякой другой уголовно-правовой системы; они пронизывают все уголовно-правовые понятия, законодательство и практику его применения.

Соотношение и взаимосвязь категорий и институтов уголовного права на нескольких примерах института стадий являются лишь фрагментами общей многоплановой картины политических основ российского уголовного права. Для отображения ее во всей полноте следует представить политический курс уголовного права от начала и до конца. Пока наша цель ограничилась лишь демонстрацией того, что кроме привычного нормативистского подхода к изучению уголовного права существует еще и политико-правовой.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Т. Г. Понятовская – проведение исследования (50%), сбор и обработка данных из источников на русском языке, анализ материалов, подготовка первого варианта статьи.

А. В. Кайшев – проведение исследования (50%), применение логического метода, подготовка введения, редактирование и подготовка окончательного варианта статьи, оформление текста и источников литературы.

Contribution: T. G. Ponyatovskaya performed the research (50%), collected and processed the data from Russian sources, analyzed the materials, and prepared the draft of the manuscript. A. V. Kayshev conducted the research (50%), applied the logical method, wrote the introduction, edited the final version of the article, and formatted the article.

Литература / References

1. Полный курс уголовного права. Т. I. Преступление и наказание, под ред. А. И. Коробеева. СПб.: Юридический центр, 2008. 1131 с.
The complete course of criminal law. Vol. 1. Crime and punishment, ed. Korobeev A. I. St. Petersburg: Iuridicheskii tsentr, 2008, 1131. (In Russ.)
2. Трайнин А. Н. Критерии социальной опасности. *Основы и задачи советской уголовной политики*, под ред. Е. Г. Ширвиндта. М.-Л.: Гос. изд-во, 1929. С. 98–109.
Trainin A. N. Criteria of social danger. *Fundamentals and tasks of Soviet criminal policy*, ed. Shirvindt E. G. Moscow-Leningrad: Gos. izd-vo, 1929, 98–109. (In Russ.)
3. Понятовская Т. Г. Концептуальные основы уголовного права России: история и современность: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1997. 34 с.
Ponyatovskaya T. G. *Conceptual foundations of Russian criminal law: history and modernity*. Dr. Jurispr. Sci. Diss. Abstr. Ekaterinburg, 1997, 34. (In Russ.)
4. Шевелева С. В., Шатанкова Е. Н. О свободе воли, принуждении, манипуляции в философии, психологии и праве: к постановке проблемы. *Российский девиантологический журнал*. 2022. Т. 2. № 1. С. 109–123. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2022-1-109-123>
Sheveleva S. V., Shatankova E. N. On freedom of will, coercion, manipulation in philosophy, psychology and law: towards the formulation of the problem. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 2022, 2(1): 109–123. (In Russ.) <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2022-1-109-123>
5. Нагаева Т. И. Формы и виды преступного деяния: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. 51 с.
Nagaeva T. I. *Forms and types of criminal act*. Dr. Jurispr. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2012, 51. (In Russ.)
6. Понятовская Т. Г. Концептуальные основы системы понятий и институтов уголовного и уголовно-процессуального права. М.: Проспект, 2021. 232 с.
Ponyatovskaya T. G. *Conceptual foundations of the system of concepts and institutions of criminal and criminal procedural law*. Moscow: Prospekt, 2021, 232. (In Russ.)
7. Зубарева Е. Д., Ширококов М. И., Гребеньков А. А. Соотношение норм морали и норм уголовного права. *Уголовное право в эволюционирующем обществе: проблемы и перспективы*: сб. науч. ст. в рамках проведенного симпозиума с международным участием (Курск, 27–28 мая 2021 г.) Курск: ЮЗГУ, 2021. С. 167–169.
Zubareva E. D., Shirobokov M. I., Grebenkov A. A. Correlation of moral norms and criminal law norms. *Criminal law in an evolving society: problems and prospects*: Proc. Sci. Symposium with Intern. Participation, Kursk, 27–28 May 2021. Kursk: SWSU, 2021, 167–169. (In Russ.)
8. Шевелева С. В., Можайкина В. А. Принцип неотвратимости наказания в уголовно-исполнительном праве: от декларирования к возможности реализации. *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2021. № 54. С. 722–753. <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2021-54-722-753>
Sheveleva S. V., Mozhaikina V. A. The principle of the inevitability of punishment in penal enforcement law: from declaration to the possibility of implementation. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki*, 2021, (54): 722–753. (In Russ.) <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2021-54-722-753>
9. Понятовская Т. Г. Концептуальные основы и содержание института вменяемости в уголовном праве. *Российский юридический журнал*. 1995. № 4. С. 69–82.
Ponyatovskaya T. G. Conceptual foundations and content of the institute of sanity in criminal law. *Russian Juridical Journal*, 1995, (4): 69–82. (In Russ.)
10. Шевелева С. В., Григорова И. А., Григоров Д. Н. Специальное соучастие в организации деятельности нежелательной иностранной или международной организации. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2021. Т. 5. № 4. С. 365–372. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2021-5-4-365-372>
Sheveleva S. V., Grigorova I. A., Grigorov D. N. Active complicity in the activities of an undesirable foreign or international organization. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2021, 5(4): 365–372. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2021-5-4-365-372>

11. Шевелева С. В., Сидоренко Э. Л. Освобождение от наказания в российском праве. Курск: ЮЗГУ, 2020. 272 с.
Sheveleva S. V., Sidorenko E. L. *Exemption from punishment in Russian law*. Kursk: SWSU, 2020, 272. (In Russ.)
12. Байбарин А. А., Секарева Л. А. Модернизация уголовного законодательства в сфере развития уголовно-правовой политики. *Уголовное право в эволюционирующем обществе: проблемы и перспективы*: сб. науч. ст. по мат-лам VII Междунар. заоч. науч.-практ. конф. (Курск, 15–16 декабря 2016 г.) Курск: ЮЗГУ, 2017. С. 316–321.
Baybarin A. A., Sekareva L. A. Modernization of criminal legislation in the sphere of criminal law development. *Criminal law in an evolving society: problems and prospects*: Proc. VII Intern. Correspondence Sci.-Prac. Conf., Kursk, 15–16 Dec 2016. Kursk: SWSU, 2017, 316–321. (In Russ.)
13. Панина Ю. А., Горячих С. А. Сравнительно-правовой анализ правовых норм РФ и США, связанных с похищением человека и незаконным лишением свободы. *Эволюция государства и права: проблемы и перспективы*: сб. науч. тр. Междунар. науч. конф., посвященной 55-летию ЮЗГУ (Курск, 28–29 марта 2019 г.) Курск: ЮЗГУ, 2019. С. 251–255.
Panina Yu. A., Goriachikh S. A. Comparative legal analysis of the legal norms of the Russian Federation and the USA related to kidnapping and illegal deprivation of liberty. *Evolution of the state and law: problems and prospects*: Proc. Intern. Sci. Conf. dedicated to the 55th anniversary of SWSU, Kursk, 28–29 Mar 2019. Kursk: SWSU, 2019, 251–255. (In Russ.)
14. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть общая. Т. 1. Тула: Автограф, 2001. 800 с.
Tagantsev N. S. *Russian criminal law. Part general. Vol. 1*. Tula: Avtograf, 2001, 800. (In Russ.)
15. Байбарин А. А., Гребеньков А. А., Шевелева С. В. Уголовное право России. Общая часть. Курск: ЮЗГУ, 2017. 429 с.
Baybarin A. A., Grebenkov A. A., Sheveleva S. V. *Criminal law of Russia. General part*. Kursk: SWSU, 2017, 429. (In Russ.)
16. Синяева М. И., Скокова А. Н. Стадии совершения преступления в уголовном праве и уголовно-правовой науке. *Уголовное право в эволюционирующем обществе: проблемы и перспективы*: сб. науч. ст. V Междунар. заоч. науч.-практ. конф. (Курск, 15–16 июня 2014 г.) Курск: ЮЗГУ, 2014. Ч. 2. С. 72–77.
Sinyaeva M. I., Skokova A. N. Stages of the crime in the criminal law and criminal science. *Criminal law in an evolving society: problems and prospects*: Proc. V Intern. Correspondence Sci.-Prac. Conf., Kursk, 15–16 Jun 2014. Kursk: SWSU, 2014, pt. 2, 72–77. (In Russ.)
17. Полянская С. С. Актуальные проблемы пособничества в уголовном праве России. *Актуальные вопросы развития современного общества*: сб. науч. ст. 4-й Междунар. науч.-практ. конф. (Курск, 20 марта 2020 г.) Курск: ЮЗГУ, 2020. С. 83–86.
Polyanskaya S. S. Actual problems of complicity in the criminal law of Russia. *Actual issues of the development of modern society*: Proc. 4th Intern. Sci.-Prac. Conf., Kursk, 20 Mar 2020. Kursk: SWSU, 2020, 83–86. (In Russ.)

оригинальная статья

О понятии и соотношении принципов надлежащего и реального исполнения гражданско-правовых обязательств

Сенотрусова Евгения Михайловна

Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Россия, г. Иркутск

<https://orcid.org/0000000182921193>

evg-suranova@yandex.ru

Поступила 15.02.2022. Принята после рецензирования 21.04.2022. Принята в печать 25.04.2022.

Аннотация: Рассматривается содержание принципов надлежащего и реального исполнения гражданско-правовых обязательств, их соотношение между собой. На основе анализа доктринальных работ и судебной практики выявлено, что принцип надлежащего исполнения заключается в соответствии действий должника по исполнению обязательства условиям соглашения, требованиям закона, иных правовых актов либо обычаям или иным обычно предъявляемым требованиям в части предоставления надлежащим лицом в надлежащем месте и в надлежащее время надлежащего предмета. Указанный принцип является универсальным и в той или иной мере действует на всех этапах обязательственных отношений, в частности при допущении обязанным лицом правонарушения. Принцип реального исполнения заключается в противопоставлении действий должника по исполнению обязательства в натуре требованию о выплате денежных средств и характерен исключительно для аномального этапа развития обязательственных отношений. Проанализированы положения статей 308.3 и 396 Гражданского кодекса РФ, сделан вывод о закреплении в них не ограничений принципа реального исполнения, а правил о соотношении присуждения к исполнению в натуре с иными способами защиты гражданских прав. Обосновывается наличие негативных (объективного и субъективного) и позитивного пределов действия принципа реального исполнения обязательств. Указывается на необходимость отграничения принципа реального исполнения и такого элемента принципа надлежащего исполнения, как реальность исполнения (условие о надлежащем предмете). Выработаны предложения по совершенствованию гражданского законодательства.

Ключевые слова: исполнение обязательств, надлежащее исполнение, реальное исполнение, исполнение в натуре, способы защиты, принципы исполнения обязательств

Цитирование: Сенотрусова Е. М. О понятии и соотношении принципов надлежащего и реального исполнения гражданско-правовых обязательств. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2022. Т. 6. № 2. С. 154–162. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2022-6-2-154-162>

full article

Concept and Correlation of the Principles of Proper and Specific Performance of Civil Obligations

Evgenia M. Senotrusova

Irkutsk Law Institute (branch) of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, Russia, Irkutsk

<https://orcid.org/0000000182921193>

evg-suranova@yandex.ru

Received 15 Feb 2022. Accepted after peer review 21 Apr 2022. Accepted for publication 25 Apr 2022.

Abstract: The article features the principles of proper and specific performance of civil obligations and their correlation. The principle of proper execution presupposes that the debtor's actions comply with the terms of the agreement and the requirements of the law or customs in terms of the provision of the proper subject by the proper person in the proper place and at the proper time. This principle is universal for all stages. The principle of specific performance is characteristic of the abnormal stage: it is when the debtor refuses to perform the in-kind financial obligations. The author analyzed Articles 308.3 and 396 of the Civil Code of the Russian Federation. They contain rules on the ratio of the award to execution in kind with other ways of protecting civil rights. The article introduces negative (objective and subjective) and positive limits of the principle of specific performance. The principle of specific performance is not the same as the reality of performance as an element of the principle of specific performance (proper subject). The article contains some ideas on how to improve the civil legislation.

Keywords: performance of obligations, proper performance, specific performance, in-kind performance, way of protection, principles of performance of obligations

Citation: Senotrusova E. M. Concept and Correlation of the Principles of Proper and Specific Performance of Civil Obligations. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2022, 6(2): 154–162. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2022-6-2-154-162>

Введение

Согласно презумпции добросовестности участников гражданского оборота и разумности их действий, надлежащее и реальное исполнение гражданско-правовых обязательств необходимо рассматривать как предполагаемую цель вступления сторон в договорные отношения, а применительно к внедоговорным обязательствам – как идеальное, желаемое поведение ответственного лица, т. к. именно такое исполнение обеспечивает реализацию экономического и социального потенциала возникающих между сторонами связей.

Вместе с тем до настоящего времени в цивилистике не сложилось единой позиции относительно содержания принципов надлежащего и реального исполнения обязательств и их соотношения между собой, что в немалой степени обусловлено текущим состоянием гражданского законодательства в указанной части. Как верно отмечают К. Я. Ананьева и А. Г. Ананьев, принципы исполнения весьма хаотично и бессистемно распределены по тексту кодифицированного гражданского акта, имеют многочисленное количество исключений и ограничений [1, с. 78].

В рамках настоящей работы проанализированы научные труды отечественных цивилистов по вопросам исполнения гражданско-правовых обязательств:

- советских ученых: А. В. Венедиктов, О. С. Иоффе, Н. И. Краснов, И. Б. Новицкий, Г. А. Свердлык;
- современных правоведов: Д. С. Алякин, А. Г. Ананьев, К. Я. Ананьева, В. С. Бельх, А. Г. Карапетов, И. Д. Кузьмина, В. В. Ровный, С. В. Сарбаш, Е. А. Суханов, Н. Г. Соломина, В. А. Хохлов и др.

Признавая весомый вклад ученых в развитие теории исполнения обязательств и принципов их исполнения, считаем возможным провести переосмысление уже имеющихся в доктрине частного права знаний, ориентируясь на новые тренды судебной практики и динамично изменяющиеся общественные отношения. В этой связи автор уделяет большое внимание обобщению и анализу практики судов общей юрисдикции и арбитражных судов.

Методология исследования. При написании статьи использованы всеобщий философский метод, общенаучные методы обобщения, анализа, синтеза, индукции и дедукции, а также частно-научные методы: сравнительно-правовой и юрико-догматический методы, метод толкования правовых норм.

Принцип надлежащего исполнения гражданско-правовых обязательств

Изучение научных трудов по поставленной проблематике и отечественного гражданского законодательства в его исторической ретроспективе позволяет говорить о некой преемственности при раскрытии принципа надлежащего исполнения.

О. С. Иоффе указывал, что надлежащее исполнение обязательства означает то, что оно исполнено «надлежащими субъектами, в надлежащем месте и в надлежащее время, в отношении надлежащего предмета и надлежащим способом» [2, с. 69]. Близкие по своему содержанию определения рассматриваемого принципа дают современные исследователи Е. А. Суханов [3, с. 47], В. А. Хохлов [4, с. 161], В. С. Бельх [5, с. 364].

Схожее содержание указанного принципа прослеживается и в отечественном гражданском законодательстве на разных этапах его развития: статьи 1530 и 1536 Свода законов Российской Империи (Т. 10. Ч. 1. Свод законов гражданских), ст. 168 ГК РСФСР 1964 г., ст. 309 ГК РФ.

Раскрытие содержания принципа надлежащего исполнения гражданско-правовых обязательств подразумевает решение вопроса и об его одностороннем или двустороннем характере. С. В. Сарбаш полагает, что принцип надлежащего исполнения обязательств адресован как должнику, так и кредитору, для которого он выражается в требовании надлежащего исполнения кредиторских обязанностей [6]. Подобную позицию высказывает Д. С. Алякин [7, с. 587]. Ряд ученых распространяют принцип надлежащего исполнения на кредитора в части обязанности по принятию надлежащего исполнения. Действительно, «обязательство устанавливается для того, чтобы оно было исполнено. <...> Эта обязанность возлагается на обе стороны в обязательстве. Не только одна сторона обязана надлежаще исполнить обязательство, но и другая сторона не вправе уклониться от принятия производимого надлежащего исполнения. Такое обязательство предполагает определенное сотрудничество между сторонами, обусловленное взаимностью обязательства»¹.

Изложенная позиция находит повсеместное отражение в судебной практике. Например, постановлением суда удовлетворены требования организации об обязанности органа местного самоуправления принять надлежащее исполнение по муниципальным контрактам на приобретение жилых

¹ Апелляционное определение ВС Республики Крым от 18.01.2018 по делу № 33-400/2018. *КонсультантПлюс*; Апелляционное определение ВС Республики Башкортостан от 21.11.2017 по делу № 33-24296/2017. *КонсультантПлюс*.

помещений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а именно – принять жилые помещения, оформить акты приема-передачи и зарегистрировать переход права собственности². В другом деле суд обязал кредитора исполнить условия договора на информационное обслуживание посредством принятия пластиковых карт с электронными паспортами захоронения и оплаты товара³.

Раскрывая принцип надлежащего исполнения обязательств через необходимость соответствия предоставленного должником исполнения условиям обязательства и требованиям закона, следует иметь в виду, что исполнение, не соответствующее изначально установленным соглашением сторон условиям, в последующем может быть принято кредитором в качестве надлежащего. Указанное возможно при условии достижения сторонами отдельного соглашения об изменении условий обязательства. Как верно отмечает Н. Г. Соломина, в данной ситуации максимально сближаются по времени два юридических факта: соглашение сторон об изменении условий обязательства и непосредственно само надлежащее исполнение [8, с. 175].

Таким образом, принцип надлежащего исполнения гражданско-правовых обязательств предполагает, что они должны исполняться надлежащим образом в соответствии с условиями обязательства и требованиями закона, в том числе в отношении условий о субъекте, объекте, предмете обязательства, сроках, месте исполнения, а при отсутствии таких условий и требований – в соответствии с обычаями или иными обычно предъявляемыми требованиями. Указанный принцип адресован не только должнику, но и кредитору в части обязанности по принятию надлежащего исполнения.

Принцип реального исполнения гражданско-правовых обязательств

Традиционно принцип реального исполнения обязательств рассматривается через противопоставление объекта обязательства, т. е. предусмотренного им поведения обязанного лица и (или) его предмета⁴, предоставлению денежного суррогата в виде неустойки и компенсации убытков. Н. В. Габриэль раскрывает принцип следующим образом: «обязательство должно быть исполнено в натуре – т. е. предоставлен тот предмет, либо совершено такое действие, которые предусмотрены условиями обязательства, но не денежная компенсация» [9, с. 49–50]. По мнению А. Г. Карапетова, «предмет обязательства должника не может быть им произвольно заменен на деньги, а остается неизменным до тех пор, пока сам кредитор... не согласится на расторжение договора и получение денежного суррогата

исполнения вместо него» [10, с. 50]. Такой подход близок В. В. Ровному [11], Б. К. Нусратуллоеву [12, с. 233] и др.

Помимо традиционного существует и иной подход, для которого характерно отрицание самостоятельной роли принципа реального исполнения обязательства и сведение его к требованию о предоставлении надлежащего предмета. Более того, некоторые ученые полагают возможным отказаться от принципа реального исполнения вовсе. Безусловно, нельзя отрицать имеющиеся трудности в гражданском судопроизводстве и исполнении судебного акта как его завершающей стадии: высокую нагрузку на органы принудительного исполнения и, как следствие, недостаточную эффективность их работы, недобросовестность должников. При этом подобные факторы не могут явиться основанием для отказа от принципа реального исполнения. Право, являясь наиболее совершенным социальным регулятором, должно стремиться к легализации социально-позитивных (или, по крайней мере, допустимых) явлений и, напротив, бороться с негативными феноменами, несмотря на их распространенность в обществе.

В правоприменительной деятельности и в доктрине на протяжении длительного времени преобладающей была позиция, согласно которой принцип реального исполнения действует только в отношении ненадлежащего исполнения обязательства и не распространяется на случаи его неисполнения. Такой подход основан на положениях ст. 396 ГК РФ «Ответственность и исполнение обязательства в натуре», предусматривающей, что принуждение обязанного лица к реальному исполнению обязательства возможно только в случае, когда имеет место ненадлежащее исполнение обязательства, т. е. когда должником совершены какие-либо действия по исполнению обязательства, но они не соответствуют условиям договора, требованиям закона или обычно предъявляемым требованиям. При полном бездействии должника или при его отказе от воздержания от определенного действия (в случае признания негативных обязательств) принцип реального исполнения не действует (за исключением некоторых случаев, прямо предусмотренных законом). К последним относятся случаи неисполнения и (или) ненадлежащего исполнения обязательств продавцом по договору розничной купли-продажи (ст. 505 ГК РФ); изготовителем, исполнителем или продавцом перед потребителем (ч. 3 ст. 13 Закона № 2300-1 от 07.02.1992 «О защите прав потребителей»); контрагентом по закупкам и поставкам сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия для государственных нужд (ст. 8 ФЗ № 53-ФЗ от 02.12.1994 «О закупках и поставках сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия для государственных нужд»).

² Постановление Арбитражного суда Московского округа № Ф05-302/2017 от 09.02.2017 по делу № А41-5894/2016. *КонсультантПлюс*.

³ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа № Ф01-1816/2017 от 29.05.2017 по делу № А31-11727/2015. *КонсультантПлюс*.

⁴ Вопрос о структуре обязательства, различии и соотношении его объекта и предмета, безусловно, относится к числу дискуссионных. Признавая ценность всех имеющихся позиций, полагаем, что под объектом обязательства целесообразно понимать поведение обязанного лица, а под предметом – конкретную вещь или иное материальное благо, по поводу которого обязательство возникает. В некоторых случаях предмет обязательства может отсутствовать (в данном случае понятие предмета тождественно пониманию материального объекта, обоснованного еще О. С. Иоффе).

Однако возможно и иное толкование указанных норм: положениями ст. 396 ГК РФ определяется соотношение таких способов защиты, как требования об уплате неустойки и возмещении убытков, с одной стороны, и требование о присуждении к исполнению обязательства в натуре, с другой. Иными словами, выбор конкретного способа защиты должен принадлежать кредитору, однако если при неисполнении должником обязательства в натуре кредитором избран такой способ защиты, как взыскание убытков или неустойки, то применение иного способа (в данном случае – присуждения к исполнению в натуре) не допустимо. Такое решение объясняется тем, что размер подлежащих возмещению убытков / размер неустойки в таком случае будет покрывать все неблагоприятные последствия для кредитора, а предоставление надлежащего исполнения приведет, по существу, к неосновательному обогащению на стороне управомоченного лица. В то же время кредитор вправе отказаться от истребования выплаты убытков / неустойки и потребовать исполнения обязательства в натуре. Такое толкование, на наш взгляд, соответствует и положениям введенной в 2015 г. ст. 308.3 ГК РФ «Защита прав кредитора по обязательству», согласно которой «в случае неисполнения должником обязательства кредитор вправе требовать по суду исполнения обязательства в натуре». В противном случае, как справедливо указывает И. Д. Кузьмина, следует констатировать «внутренне противоречивое состояние законодательства относительно сферы действия принципа реального исполнения обязательства» [13, с. 65].

Безусловно, этот принцип имеет пределы своего действия, к примеру, согласно ст. 7.2.2 Принципов международных коммерческих договоров, «если сторона, обязательство которой состоит не в уплате денег, не исполняет его, другая сторона может потребовать исполнения, кроме случаев, когда: 1) исполнение невозможно юридически или фактически; 2) исполнение... является неразумно обременительным или дорогостоящим; 3) кредитор может разумно получить исполнение из другого источника; 4) исполнение носит исключительно личный характер; 5) кредитор не требует его в разумный срок после того, как узнал или должен был узнать о неисполнении»⁵. Аналогичные нормы закреплены в ст. 4.102 Принципов европейского контрактного права.

Отечественной правоприменительной практикой сформулированы два основных (назовем их «негативными») предела действия принципа реального исполнения гражданско-правового обязательства: 1) объективная невозможность исполнения обязательства в натуре;

2) субъективная невозможность исполнения обязательства в натуре. «Негативный» характер пределов видится в том, что в случае их наличия принцип реального исполнения не применяется.

Объективная невозможность исполнения обязательства в натуре имеет место в случае гибели индивидуально-определенной вещи, утраты подлежащих передаче объектов и невозможности их восстановления⁶. Особое внимание установлению наличия или отсутствия объективной невозможности уделяется при рассмотрении споров о возмещении вреда, причиненного окружающей среде. Так, объективная невозможность устанавливается исходя из того, осуществимо ли устранение наступивших негативных изменений окружающей среды в результате проведения ответчиком восстановительных работ как его собственными силами, так и путем привлечения третьих лиц. «В случае, если восстановление... возможно лишь частично (... в силу наличия невозможных и (или) трудновосполнимых экологических потерь), возмещение вреда в соответствующей... части осуществляется в денежной форме»⁷, т. е. принцип реального исполнения на спорные отношения не действует.

В рамках раскрытия содержания объективной невозможности считаем допустимым рассмотреть и положения ст. 463 ГК РФ, согласно которой при отказе продавца передать проданный товар покупателю последний «вправе отказаться от исполнения договора купли-продажи». Если продавец отказывается передать индивидуально-определенную вещь, «покупатель вправе предъявить продавцу требования, предусмотренные ст. 398 ГК РФ».

В судебной практике положения ст. 463 ГК РФ толкуются таким образом, что в случае неисполнения продавцом обязанности по передаче товара, определенного родовыми признаками, понуждение продавца к исполнению в натуре невозможно; покупатель может лишь отказаться от исполнения договора и требовать возмещения убытков⁸. Такое толкование положений ст. 463 ГК РФ является не вполне обоснованным, и речь должна вестись опять-таки о приоритете способов защиты и алгоритме их выбора кредитором (иначе говоря, если продавец отказывается передать покупателю проданный товар, покупатель вправе как требовать от продавца исполнения обязанности в натуре, так и отказаться от исполнения договора; указанные способы защиты альтернативны, т. е. выбор одного исключает возможность применения другого). В связи с этим следует привести позицию Верховного Суда РФ, предусматривающую, что «отсутствие у должника того количества вещей, определенных родовыми признаками, которое он по договору обязан предоставить кредитору,

⁵ Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА) (1994 г.). Разраб. Междунар. институтом унификации частного права (УНИДРУА). Кодекс. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901784163> (дата обращения: 12.01.2022).

⁶ См., например: Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа № Ф04-2608/2018 от 27.09.2019 по делу № А45-21246/2017. КонсультантПлюс.

⁷ О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде. Постановление Пленума ВС РФ № 49 от 30.11.2017. КонсультантПлюс.

⁸ Постановление ФАС Северо-Западного округа от 04.07.2013 по делу № А56-11975/2012. КонсультантПлюс.

... не освобождает его от исполнения обязательства в натуре, если оно возможно путем приобретения необходимого количества товара у третьих лиц»⁹. Например, в одном из дел суды указали, что отсутствие у ответчика жмыха как товара с родовыми признаками не освобождает его от обязанности исполнить обязательство в натуре¹⁰.

Изложенное правило относительно родовых вещей касается объектов, оборачивающихся и легко приобретаемых на рынке и, следовательно, не применяется, если товар ограничен в обороте или изъят из него. Так, суды отказали должнику в присуждении к исполнению обязательства в натуре, поскольку предмет обязательства представлял собой передачу лома и отходов драгоценных металлов, образующихся в результате деятельности воинских частей в космической сфере и сфере ракетостроения. Указанное было обосновано характером предмета договора и невозможностью свободного приобретения аналогичных вещей на рынке¹¹.

В свою очередь субъективная невозможность предполагает наличие следующих условий: связанность исполнения с личностью должника и наличие реальной возможности нарушения принципа уважения чести и достоинства гражданина в случае присуждения его к исполнению обязательства в натуре.

Таким образом, субъективный предел действия принципа реального исполнения обязательства распространяется исключительно на случаи, когда исполнение обязательства «настолько связано с личностью должника, что его принудительное исполнение будет нарушать принцип уважения чести и достоинства гражданина» (например, обязательство по исполнению музыкального произведения на концерте, по созданию произведения¹²), и не может произвольно применяться ко всем спорам, вытекающим из договоров оказания услуг или выполнения работ. Так, в одном из дел подрячика обосновано принудили к исполнению обязательства в натуре посредством осуществления монтажа технического оборудования и его передачи заказчику¹³. Принцип реального исполнения действует и в сфере обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств в части возможности понуждения страховщика к совершению возложенных на него обязательств в натуре, в том числе к организации проведения восстановительного ремонта и выдаче направления на такой ремонт¹⁴.

Помимо «негативных» пределов высшей судебной инстанцией сформулировано и «позитивное» условие, при наличии которого принцип реального исполнения должен

быть применен: «не может быть отказано в удовлетворении иска об исполнении обязательства в натуре в случае, когда надлежащая защита нарушенного... права истца возможна только путем понуждения ответчика к исполнению в натуре и не будет обеспечена взысканием с ответчика убытков за неисполнение обязательства, например, обязанностей по представлению информации, которая имеется только у ответчика»¹⁵. Речь идет о некоей исключительности такого способа защиты, как присуждение к исполнению в натуре, невозможности защиты нарушенных прав иными способами, недостаточной эффективности последних.

С нашей точки зрения, принцип реального исполнения заключается в возможности кредитора понудить должника к исполнению обязательства в натуре посредством применения различных правовых инструментов, как непосредственно направленных на реализацию указанного принципа путем предъявления иска об исполнении в натуре, так и косвенно обеспечивающих его действие, к примеру, взыскание судебной неустойки. Иначе говоря, объект и предмет обязательства не могут быть произвольно заменены должником на денежный суррогат. Принцип реального исполнения имеет «негативные» (объективная и субъективная невозможность исполнения обязательства в натуре) и «позитивный» (исключительность данного способа защиты) пределы своего действия.

В целях недопущения неоднородного, двоякого толкования положений гражданского законодательства, закрепляющих содержание и пределы действия принципа реального исполнения обязательств, представляется необходимым внесение некоторых изменений в ГК РФ.

Во-первых, требуется исключение ст. 308.3 ГК РФ из гл. 21 ГК РФ. Безусловно, ее положения сами по себе должны оцениваться положительно, что подтверждается сложившейся на сегодняшний день судебной практикой. Рецепированный в отечественное частное право институт астрента представляет собой весьма эффективный инструмент воздействия на неисправного должника, средство стимулирования к исполнению обязательства в натуре и борьбы с недобросовестным поведением участников гражданского оборота. Вместе с тем закрепление положений об астренте в гл. 21 ГК РФ, посвященной понятию обязательства, его сторонам, видам, а также применению общих положений к договорным обязательствам, обязательствам вследствие причинения вреда и неосновательного

⁹ О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств. Постановление Пленума ВС РФ № 7 от 24.03.2016. *КонсультантПлюс*.

¹⁰ Определение ВС РФ № 308-ЭС19-11173 от 29.07.2019 по делу № А32-26210/2018. *КонсультантПлюс*.

¹¹ Обзор судебной практики ВС РФ № 3 (2019) (утв. Президиумом ВС РФ 27.11.2019). *Бюллетень ВС РФ*. 2020. № 4.

¹² См., например: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 14.12.2017 по делу № 305-ЭС17-7826, А40-51703/2016. *КонсультантПлюс*.

¹³ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа № Ф01-4578/2016 от 01.11.2016 по делу № А17-8533/2015. *КонсультантПлюс*.

¹⁴ О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств. Постановление Пленума ВС РФ № 58 от 26.12.2017. *КонсультантПлюс*.

¹⁵ О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств...

обогащения, корпоративным отношениям и отношениям, связанным с применением последствий недействительности сделки, является крайне неудачным. Не вступая в дискуссию относительно правовой природы астрента, мы не можем не признать его близость к способам защиты гражданских прав и институту ответственности, которым (применительно к общим положениям об обязательствах) посвящена гл. 25 ГК РФ. Изложенное подтверждает и тот факт, что положения ст. 308.3 ГК РФ применимы только на аномальной стадии развития обязательства после допущения должником нарушения. Таким образом, есть достаточные основания полагать, что нормы об астренте должны быть расположены в гл. 25 ГК РФ.

Во-вторых, с учетом необходимости изменения расположения норм об астренте, а также более понятного, не допускающего неоднозначного толкования положений о соотношении присуждения к исполнению обязательства в натуре с иными способами защиты, предлагаем изложить ст. 396 ГК РФ в следующей редакции:

«1. В случае неисполнения должником обязательства кредитор вправе требовать по суду исполнения обязательства в натуре либо возмещения убытков и уплаты неустойки, если иное не предусмотрено законом или договором.

2. В случае ненадлежащего исполнения должником обязательства кредитор вправе требовать исполнения обязательства в натуре и (или) уплаты неустойки и возмещения убытков, если иное не предусмотрено законом или договором.

3. Присуждение к исполнению обязательства в натуре не допускается, если это противоречит закону, договору либо существу обязательства.

4. Суд по требованию кредитора вправе присудить в его пользу денежную сумму (п. 1 ст. 330) на случай неисполнения судебного акта о присуждении к исполнению обязательства в натуре в размере, определяемом судом на основе принципов справедливости, соразмерности и недопустимости извлечения выгоды из незаконного или недобросовестного поведения (п. 4 ст. 1).

5. Отказ кредитора от принятия исполнения, которое вследствие просрочки утратило для него интерес (п. 2 ст. 405), а также уплата неустойки, установленной в качестве отступного (ст. 409), освобождают должника от исполнения обязательства в натуре».

Указание в ст. 396 ГК РФ на невозможность присуждения к исполнению обязательства в натуре в случае, если это противоречит закону, договору либо существу обязательства, представляется достаточным. Раскрытие в тексте законодательного акта «негативных» и «позитивных» пределов действия принципа реального исполнения гражданско-правовых обязательств представляется излишним: нормативно-правовой текст (тем более текст кодифицированного федерального закона) должен быть относительно краток, понятен и стабилен. Его наполнение оценочными, динамично меняющимися категориями при их вполне успешном раскрытии в разъяснениях высшей судебной инстанции является нецелесообразным.

Требуется внесение изменений и в п. 1 ст. 463 ГК РФ: «Если продавец отказывается передать покупателю проданный товар, покупатель вправе предъявить продавцу требования, предусмотренные ст. 396 настоящего Кодекса, либо отказаться от исполнения договора купли-продажи».

Говоря об адресате принципа реального исполнения обязательства, следует учитывать особенности его действия, а именно – действие на аномальной стадии обязательственных нарушений при неисправности обязанного лица. Указанное, на наш взгляд, приводит к тому, что адресатами принципа следует считать в равной степени и управомоченное, и обязанное лица. Управомоченному лицу предоставляется возможность потребовать через суд исполнения обязательства в натуре или прибегнуть к иным способам защиты нарушенных прав, учитывая существующие границы действия рассматриваемого принципа. В свою очередь обязанное лицо информируется о недопустимости самовольной замены реального исполнения обязательства выплатой денежных средств (возмещением убытков, выплатой неустойки); о необходимости выполнения судебного акта о присуждении к исполнению обязательства в натуре; о возможных негативных гражданско-правовых последствиях его неисполнения в виде присуждения астрента.

Нельзя не отметить особенность действия принципа реального исполнения в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. В такого рода отношениях у управомоченного лица зачастую не имеется свободы усмотрения и возможности отказа от исполнения обязательства в натуре в пользу предоставления денежного суррогата. Безусловно, названная особенность продиктована требованиями публичного права, однако отрицать ее существенное влияние на развитие обязательственных отношений и реализацию исследуемого принципа невозможно.

Соотношение принципов реального и надлежащего исполнения гражданско-правовых обязательств

Анализ научных трудов, посвященных исполнению обязательств, позволяет выделить следующие позиции по вопросу соотношения принципов реального и надлежащего исполнения: 1) принцип надлежащего исполнения включает в себя ряд элементов, в частности реальное исполнение (реальное исполнение и принцип реального исполнения рассматриваются как тождественные) (А. С. Алякин [7, с. 584], Н. И. Краснов [14, с. 16], С. В. Сарбаш [6, с. 103], Г. А. Свердлык [15, с. 149]); 2) принцип реального исполнения включает в себя надлежащее исполнение (А. В. Венедиктов [16, с. 164]); 3) действие принципов надлежащего и реального исполнения обусловлено определенной стадией развития обязательственных отношений (О. С. Иоффе [2], В. В. Ровный [11], И. Б. Новицкий, Л. А. Лунц [17]); 4) рассматриваемые принципы самостоятельны и характеризуют исполнение обязательства с разных сторон (М. И. Брагинский, В. В. Витрянский [18, с. 420], А. А. Волос [19, с. 32]).

Уважая перечисленные выше и иные существующие в доктрине позиции по поставленной проблеме, не претендуя на исключительность собственных взглядов, полагаем, что более обоснованными являются последние два подхода. Так, если принцип надлежащего исполнения заключается в соответствии действий (бездействия) должника по исполнению обязательства различного рода требованиям, которые включают в себя требования о надлежащем предмете, субъекте, месте, времени и способе исполнения, то квинтэссенция принципа реального исполнения сводится к возможности кредитора требовать исполнения обязанности в натуре и самостоятельно принимать решение о применении иных способов защиты (возмещение вреда, взыскание неустойки и др.).

В свое время О. С. Иоффе писал, что принцип реального исполнения «определяющим образом влияет на исполнение обязательства в продолжение всего времени его действия – как на стадии нормального развития, так и в случае нарушения. На каждой из двух перечисленных стадий он проявляется по-разному. До тех пор, пока обязательство не нарушено..., оно должно исполняться в точном соответствии со всеми элементами, образующими в своей совокупности его содержание... В этом случае, следовательно, реальное означает вместе с тем и надлежащее исполнение». В случае же нарушения обязательства обязанной стороной надлежащее исполнение обязательства в части соблюдения сроков и некоторых иных условий становится невозможным, но сохраняется возможность фактически совершить действия, представляющие собой объект обязательства, предоставить тот предмет, который был предусмотрен соглашением сторон. Следовательно, на аномальной стадии развития обязательственных отношений «принцип реального исполнения воплощается прежде всего в требовании об исполнении в натуре... с соблюдением всех тех условий надлежащего исполнения, которые остаются осуществимыми после допущенного нарушения» [2, с. 59–60]. Несколько упрощая позицию выдающегося цивилиста, можно кратко обозначить ее следующим образом: принцип реального исполнения на нормальном этапе развития обязательственного правоотношения выступает как одно из требований надлежащего исполнения, после допущения нарушения он действует самостоятельно. Подобная точка зрения поддерживается и некоторыми современными исследователями [12, с. 234; 20, с. 54].

Однако не следует отождествлять принцип реального исполнения, заключающийся в противопоставлении исполнения в натуре денежному суррогату и факультативности последнего, и реальность исполнения как требование к предмету обязательства и элемент принципа надлежащего исполнения. В связи с этим более правильной представляется позиция, высказанная еще И. Б. Новицким и Л. А. Лунцем, согласно которой принцип реального исполнения, будучи самостоятельным, действует только

на аномальной стадии развития обязательства в случае его ненадлежащего исполнения [17, с. 291]. В. В. Ровный при очерчивании границ принципа реальности исполнения также указывает, что этот принцип обнаруживает себя только на стадии нарушенного правоотношения [11].

Такой подход объясняет тесную связь принципа реального исполнения с таким способом защиты гражданских прав, как присуждение к исполнению обязательства в натуре и возможность его применения независимо от действия договора на момент обращения в суд. В этой связи рассмотрим судебное решение, вызывающее серьезные сомнения. Индивидуальный предприниматель (истец) обратился в суд с требованием к обществу с ограниченной ответственностью (ответчику) об обязанности исполнить в полном объеме обязательства по договору мены, а именно – передать обрезной пиломатериал в предусмотренном соглашением объеме. Решением арбитражного суда требования истца удовлетворены, однако судами вышестоящих инстанций решение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении исковых требований отказано, поскольку требование заявлено истцом после окончания срока действия договора (подчеркнем – до истечения срока исковой давности). Так, судом установлено: согласно одному из пунктов договора, последний действует со дня его подписания и до момента окончания исполнения своих обязательств сторонами и прекращает свое действие с 31.12.2016. Материалами дела подтверждаются факты подписания договора его сторонами, передачи станка истцом во исполнение обязательства по договору мены и его принятия ответчиком, ненадлежащего исполнения ответчиком лежащего на нем встречного обязательства по передаче пиломатериала (передан в меньшем объеме). Вместе с тем суд указал: «поскольку при заключении договора мены стороны определили срок его действия и договорились, что окончание срока действия договора влечет прекращение обязательств сторон по нему, и поскольку срок действия договора истек, исковые требования об обязанности ответчика исполнить обязательства по договору мены не подлежат удовлетворению»¹⁶.

Заключение

Не претендуя на исчерпывающий анализ научных разработок по вопросу содержания принципов надлежащего и реального исполнения обязательств, а также признавая высокую значимость всех существующих в цивилистике подходов к поставленной проблематике, позволим себе выразить собственную позицию.

Принципы надлежащего и реального исполнения гражданско-правовых обязательств представляют собой взаимосвязанные, но все же различные правовые феномены. Принцип надлежащего исполнения заключается в соответствии поведения должника по исполнению обязательства условиям соглашения, требованиям закона, иных правовых актов, обычаям или иным обычно предъявляемым

¹⁶ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа № Ф06-2331/2021 от 27.04.2021 по делу № А72-19928/2019. КонсультантПлюс.

требованиям в части предоставления надлежащим лицом в надлежащем месте и в надлежащее время надлежащего предмета. Принцип реального исполнения заключается в противопоставлении действий должника по исполнению обязательства в натуре требованию о выплате денежных средств как известной замене реального предмета обязательства. Указанные принципы имеют высокое значение для обеспечения договорной дисциплины и требуемого, желаемого поведения участников внедоговорных обязательств.

Исходя из такой сущности названных принципов, различным является и этап отношений, на которых они проявляются. Принцип надлежащего исполнения обязательств является универсальным и действует на всех этапах обязательственных отношений как при нормальном, так и при аномальном характере их развития. Безусловно, в случае нарушения обязательства принцип надлежащего исполнения несколько сужается, например, становится невозможным исполнение обязательства в изначально установленный договором срок, но сохраняются такие элементы, как надлежащее лицо и надлежащий способ исполнения. Принцип реального исполнения характерен только для аномального развития обязательственных отношений, т. е. при допущении нарушения со стороны обязанного лица и отказе последнего от исполнения обязательства в натуре.

Реальность исполнения (т. е. условие о надлежащем предмете) является составной частью принципа надлежащего исполнения и предполагает предоставление кредитору именно того предмета, о котором договорились стороны. Важно разграничивать реальность исполнения как один из элементов принципа надлежащего исполнения обязательства, с одной стороны, и принцип реального исполнения, с другой.

В целях недопущения неединообразного толкования положений гражданского законодательства, закрепляющих содержание и пределы действия принципа реального исполнения обязательств, представляется необходимым внесение следующих изменений в ГК РФ: исключение ст. 308.3 ГК РФ, закрепление правил об астренте в гл. 25 ГК РФ и редактирование положений статей 396 и 463 ГК РФ.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Ананьева К. Я., Ананьев А. Г. Новые подходы к определению состава принципов исполнения обязательств. *Юридическая наука*. 2016. № 5. С. 78–84.
Ananeva K. Ya., Ananayev A. G. New approaches to determining the composition of the principles of performance of obligations. *Legal Science*, 2016, (5): 78–84. (In Russ.)
2. Иоффе О. С. Обязательное право. М.: Юрид. лит., 1975. 880 с.
Ioffe O. S. *Mandatory law*. Moscow: Iurid. lit., 1975, 880. (In Russ.)
3. Гражданское право. Т. 3: Обязательное право, отв. ред. Е. А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2005. 800 с.
Civil law. Vol. 3: Mandatory law, ed. Sukhanov E. A. 3rd ed. Moscow: Volters Kluver, 2005, 800. (In Russ.)
4. Хохлов В. А. Общие положения об обязательствах. М.: Статут, 2015. 288 с.
Khokhlov V. A. *General provisions on obligations*. Moscow: Statut, 2015, 288. (In Russ.)
5. Бельх В. С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России. М.: ТК Велби; Проспект, 2005. 432 с.
Belykh V. S. *Legal regulation of business activity in Russia*. Moscow: TK Velbi; Prospekt, 2005, 432. (In Russ.)
6. Сарбаш С. В. Исполнение договорного обязательства. М.: Статут, 2005. 636 с.
Sarbash S. V. *Performance of a contractual obligation*. Moscow: Statut, 2005, 636. (In Russ.)
7. Алякин Д. С. Надлежащее и реальное исполнение договорных обязательств по российскому праву. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. 2020. Т. 11. № 3. С. 584–600. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2020.304>
Alyakin D. S. Due and specific performance of contractual obligations under Russian law. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo*, 2020, 11(3): 584–600. (In Russ.) <https://doi.org/10.21638/spbu14.2020.304>
8. Соломина Н. Г. Обязательство из неосновательного обогащения: понятие, виды, механизм возмещения. М.: Юстицинформ, 2009. 288 с.
Solomina N. G. *Obligation from unjustified enrichment: concept, types, and performance*. Moscow: Iustitsinform, 2009, 288. (In Russ.)
9. Габриэль Н. В. Сущность принципа исполнения обязательств в натуре по гражданскому праву Российской Федерации. *Правовые проблемы укрепления российской государственности*, под ред. В. Ф. Воловича. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. Ч. 5. С. 49–52.
Gabriel N. V. The essence of the principle of in-kind obligations' performance under the civil law of the Russian Federation. *Legal problems of strengthening Russian statehood*, ed. Volovich V. F. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2000, pt. 5, 49–52. (In Russ.)

10. Карапетов А. Г. Иск о присуждении к исполнению обязательства в натуре. М.: Статут, 2003. 190 с.
Karapetov A. G. *Enforcement to in-kind obligations' performance*. Moscow: Statut, 2003, 190. (In Russ.)
11. Ровный В. В. Принципы исполнения обязательств (вопросы динамики). *Сибирский юридический вестник*. 1999. № 1. С. 32–37.
Rovniy V. V. Principles of performance of obligations (issues of dynamics). *Sibirskij yuridicheskij vestnik*, 1999, (1): 32–37. (In Russ.)
12. Нусратуллоев Б. К. Сущность и роль принципа реального исполнения обязательств на современном этапе становления гражданского законодательства Республики Таджикистан. *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2016. № 32. С. 231–238. <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2016-32-231-238>
Nusratulloev B. K. The principle of specific performance of obligations: its essence and role of the at the present stage of the civil legislation development in the Republic of Tajikistan. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki*, 2016, (32): 231–238. (In Russ.) <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2016-32-231-238>
13. Кузьмина И. Д. Состав принципов исполнения обязательств. *Вестник Омского университета. Серия «Право»*. 2018. № 1. С. 61–67. <https://doi.org/10.25513/1990-5173.2018.1.61-67>
Kuzmina I. D. Composition of the principles of obligation's performance. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo"*, 2018, (1): 61–67. (In Russ.) <https://doi.org/10.25513/1990-5173.2018.1.61-67>
14. Краснов Н. И. Реальное исполнение договорных обязательств между социалистическими организациями. М.: Госюриздат, 1959. 192 с.
Krasnov N. I. *Specific performance of contractual obligations between socialist organizations*. Moscow: Gosiurizdat, 1959, 192. (In Russ.)
15. Свердлык Г. А. Принципы советского гражданского права. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. 200 с.
Sverdlyk G. A. *Principles of Soviet civil law*. Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoiar. un-ta, 1985, 200. (In Russ.)
16. Венедиктов А. В. Гражданско-правовая охрана социалистической собственности в СССР. М.-Л.: АН СССР, 1954. 268 с.
Venediktov A. V. *Civil and legal protection of socialist property in the USSR*. Moscow-Leningrad: AS USSR, 1954, 268. (In Russ.)
17. Новицкий И. Б., Лунц Л. А. *Общее учение об обязательстве*. М.: Госюриздат, 1950. 416 с.
Novitskii I. B., Lunts L. A. *The general doctrine of commitment*. Moscow: Gosiurizdat, 1950, 416. (In Russ.)
18. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Кн. 1: Общие положения. 3-е изд., стер. М.: Статут, 2011. 847 с.
Braginsky M. I., Vitrianskii V. V. *Contract law. Book 1: General provisions*. 3rd ed. Moscow: Statut, 2011, 847. (In Russ.)
19. Волос А. А. К вопросу о соотношении надлежащего и реального исполнения обязательства. *Юридическая наука*. 2013. № 2. С. 31–32.
Volos A. A. On the issue of correlation of the due and actual performance of an obligation. *Legal Science*, 2013, (2): 31–32. (In Russ.)
20. Рахманкулов Х. Р. Договорное право. Ташкент: ГЦР, 2015. 400 с.
Rakhmankulov Kh. R. *Contract law*. Tashkent: GTsR, 2015, 400. (In Russ.)

Подписано к печати 06.06.2022.

Дата выхода в свет 21.06.2022.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy. Формат А4.

Усл. печ. л. – 9,3. Уч.-изд. л. – 9.

Тираж 500 экз.

Цена свободная.

Адрес типографии: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 73.